ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

ISSN 2312-0312

№ 2 (74) 2026

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 2 (74) 2026

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Соучредители – Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Пенькова Мария Викентьевна, секретарь ред. совета, канд. филол. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачонь-томай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – зам. главного редактора, отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шабдарова Людмила Евгеньевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Никитина Татьяна Багишевна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2026
© Авторы статей, 2026

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 2 (74) 2026

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Co-founders – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Penkova M.V., Candidate of Philology, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute, Sekretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Deputy Editor, Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Shabdarova L.E., Editorial Manager, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Nikitina T.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Абукаева Л.А. Марийский культурный код: методологические основания к интерпретации традиционных смыслов 7

Сибатрова А.А. Марийские имена прилагательные, выражающие признак предмета по размеру: лексико-семантические группы 21

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бояринова Г.Н. Повесть Никона Игнатьева «Дочь комсомола»: поэтика описаний 46

Пирогова В.В. Марий поэт-фронтовик-влакын творчествыштышт аван образше 60

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Пислегин Н.В. Брачные контакты бесермян по данным III ревизии 73

Свечников С.К. Развитие взглядов на общественный строй марийцев XV–XVI веков в российской историографии второй половины XIX века ... 96

ПЕРСОНАЛИИ

Мокшина Е.Н., Сушкова Ю.Н. Посвятил жизнь изучению родного народа (к 90-летию со дня рождения Н.Ф. Мокшина) 121

Рассыхаев А.Н. Коми фольклористу В.М. Кудряшовой – 80 лет 130

РЕЦЕНЗИИ

Кудрявцев В.Г. Рец.: А.Г. Акшиков. Каменные надгробные памятники марийцев: научное издание / А.Г. Акшиков. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2026. 127 с.: ил. 136

ХРОНИКА

Абукаева Л.А. VII Международная научно-практическая конференция «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы» 139

Акшиков А.Г. Научная сессия «Современное состояние и перспективы развития гуманитарных наук», посвященная Дню российской науки 143

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Abukaeva L.A. The Mari cultural code: methodological foundations for the interpretation of traditional meanings 7

Sibatrova S.S. Mari adjectives expressing the size of an object: lexical and semantic groups 21

LITERATURE STUDIES

Boyarinova G.N. Nikon Ignatyev's novel 'The Daughter of the Komsomol': the poetics of description 46

Pirogova V.V. The image of the mother in the works of Mari front-line poets 60

HISTORY AND ETHNOLOGY

Pislegin N.V. Marital contacts of the Besermyans according to the third census 73

Svechnikov S.K. The evolution of views on the social structure of the Mari people in the 15th–16th centuries in Russian historiography of the second half of the 19th century 96

PERSONALIA

Mokshina E.N., Sushkova Yu.N. He dedicated his life to studying native people (on the 90th anniversary of N.F. Mokshin's birth) 121

Rassykhaev A.N. Komi folklorist V.M. Kudryashova turns 80 130

BOOK REVIEWS

Kudryavtsev V.G. Review: Akshikov A.G. Gravestones of the Mari: scientific publication / Akshikov A.G. Yoshkar-Ola: Publishing house 'Mari Book Publishing House', 2026. 127 p.: ill. 136

CHRONICLE

Abukaeva L.A. VII International Scientific and Practical Conference 'The Digitalization of the Languages of the Peoples of Russia: Scaling up Experience and Prospects' 139

Akshikov A.G. Scientific session 'The Current State and Prospects for the Development of the Humanities', dedicated to Russian Science Day..... 143

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312-2026-2-74-7-20

МАРИЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СМЫСЛОВ*

© 2026 г. Л.А. Абукаева

Введение. В условиях стирания границ между национальными культурами обостряется необходимость сохранения уникального наследия народа, что практически невозможно без понимания смыслового наполнения символов, образов, обрядов, ценностей. **Цель исследования –** выявить и расшифровать некоторые марийские культурные коды, репрезентированные в текстах устного народного творчества, отраженные в обрядах, нашедшие воплощение в предметах. **Материалы и методы.** В работе подвергнуты анализу тексты различных жанров устного народного творчества, молитвы марийской этнической религии, описания обрядов. Методы исследования: герменевтический, описательный, сопоставительный методы, элементы сравнительно-исторического метода, лингвокультурологический анализ. **Результаты исследования, обсуждение.** Культурный код многозначен, многослоен. Одно и то же слово, действие, предмет могут иметь несколько смыслов, зависят от контекста, исторические процессы накладывают на них свои отпечатки. Культурный код проявляет себя одновременно на нескольких уровнях функционирования традиции. Многослойность и многозначность кода порождает варианты интерпретации. При расшифровке культурных кодов приходится преодолевать шаблоны и стереотипы, сформировавшиеся в науке. При вариативности толкований следует разграничивать исторический пласт, временные наслоения в кодах культуры, их изменчивость, влияние иных культур. **Заключение.** Марийский культурный код базируется на единстве природного, социального

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00064 «Сакральные тексты марийской этнической религии как лингвокультурный феномен».

и духовного планов в картине мира этноса. Поскольку один и тот же образ в этой системе ценностей одновременно выполняет бытовую, сакральную и художественную функции, глубокое понимание этих механизмов становится обязательным условием для актуализации и трансляции культурного наследия.

Ключевые слова: марийский язык; культурный код; вербальный код; акциональный код; предметный код.

Введение

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, культурные коды трансформируются, некоторые из них утрачиваются, искажается их смысловое наполнение. Если не расшифровать культурные коды сейчас, они могут превратиться во внешнюю декоративную оболочку. Это порой уже наблюдается при использовании национальных мотивов в брендинге, моде, дизайне. Ярчайший пример тому – использование в целях украшательства символа веры марийской традиционной религии. А отсюда вытекает второе обоснование: несмотря на наличие работ по этнографии, фольклористике, лингвокультурологии, многие смыслы марийских обрядов, ритуалов, мифологии, прикладного искусства остаются закрытыми, неверно истолкованными, или воспринятыми поверхностно, или как не нуждающиеся в раскрытии, толковании. В-третьих, поскольку код культуры определяет судьбу целых народов [Лотман, 1992], в условиях культурной унификации понимание уникального кода – это не только поиск новых путей и способов «перевода» архаичных смыслов на язык, понятный современному поколению, но и вопрос сохранения идентичности, субъектности народа.

Исходя из обозначенных факторов для исследования такого многогранного явления, как культурный код, требуется применить междисциплинарный подход. Если для раскрытия смыслового наполнения вербального и акционального кода на первый план выдвигаются компетенции фольклориста, лингвиста, этнолога, то предметный код предполагает обращение к знаниям этнологов, археологов и специалистов естественных наук. Кроме того, необходимо привлечь данные и теоретические наработки по семиотике, культурологии, этнопсихологии. Расшифровка культурных кодов требует владения и фоновыми знаниями. Без них текст, насыщенный национальными реалиями, не поддается не только расшифровке, но и восприятию.

Цель исследования – выявить и расшифровать некоторые марийские культурные коды, репрезентированные в текстах устного народного творчества, отраженные в обрядах, нашедшие воплощение в предметах. При этом мы предпринимаем попытку представить методологические основания междисциплинарного подхода.

Материалы и методы

В работе использованы опубликованные и неопубликованные тексты различных жанров устного народного творчества, а также молитвы марийской этнической религии, описания обрядов. Методологическую основу работы составил комплексный подход, сочетающий семиотический, герменевтический, описательный, сопоставительный методы, элементы сравнительно-исторического метода, лингвокультурологический анализ. Исследование традиционного кода культуры предполагает уровневый ракурс анализа, в данной статье объектом исследования выступает дописьменный способ его передачи.

Результаты исследования, обсуждение

Под культурным кодом в данной работе мы имеем в виду своего рода «ДНК» культуры, совокупность образов, символов, ценностей, которые определяют поведение и мышление человека и народа. Это ключ к пониманию того, как формируется национальный менталитет, как он проявляется через язык, фольклор, традиции, предметы быта, повседневные привычки.

Рассмотрим методологические основания расшифровки традиционных кодов марийской культуры.

1. При расшифровке культурных кодов приходится преодолевать шаблоны и стереотипы, сформировавшиеся в науке. Как часто отмечается в исследованиях о поэтике марийских народных песен [Бердников, Тудоровская, 1945], благодаря приему психологического параллелизма природные образы перекликаются с судьбой героев, первые строки с описанием природы готовят слушателя к восприятию человеческих чувств. Такой подход вписывается в традицию, заложенную еще А.Н. Веселовским в его классическом труде «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля», опубликованном в 1989 году и в других его работах. Из истоков его теории обратимся к самому важному положению: человек усваивает образы мира через призму своего самосознания. Психологический параллелизм возникает как способ восприятия, где природа и человек не разделены. Для того чтобы в этом ключе расшифровать культурный код, рассмотрим марийскую народную песню:

Агытан деч йодда мо?	‘Вы спрашивали у петуха?
Почшым пӱчкаш пуа мо?	Даст ли он отрезать хвост?
Ӱдыр дечын йодда мо?	Вы спрашивали у девушки?
Ӱмырешлан толеш мо? [ПМА]	Навсегда ли она идёт?’

Если следовать традиционным путем, то в этой свадебной песне мы обнаружим и брачные мотивы, и орнитоморфный символ, но смысловое наполнение фразы *почым пӱчкаш* ‘отрезать хвост’ проясняется только в контексте обряда, при котором перед вступлением в брак молодому мужчине брили волосы

на голове. Ритуал можно трактовать, во-первых, через код перехода: бритье волос временно обезличивает молодого человека, который перестал быть парнем (*рвезе*, *каче*), но еще не стал мужем (*марий*). Сбривая волосы, мужчина символически «умирает» в своем прежнем статусе холостяка, чтобы возродиться в новом качестве главы семьи. Во-вторых, защитный (апотропейный) код отмечает, что перед вступлением в новую жизнь было важно исключить все старые привязанности, болезни или возможные сглазы, которые могли накопиться на волосах. Волосы в марийской картине мира – это средоточие жизненной силы (*вий*) и связи с прошлым. В-третьих, здесь ярко проявляется жертвенный код: отдавая часть себя (волосы), мужчина просил благословения у предков и богов на благополучие рода, своей новой семьи. В-четвертых, обряд связан и с социальным маркером. Сбрив волосы на голове, жених на свадьбе надевал головной убор, так этническое сообщество определяло, кто главный персонаж на свадьбе. Отметим, что при исполнении величальных песен в их честь мужчины на свадьбе и при гостевании до сих пор обязательно надевают головные уборы. В этом случае переплетаются, наслаиваются друг на друга акциональный (действие), магико-религиозный (оберег и защита), социально-этикетный (сохранение достоинства, чести) и коммуникативный коды (смена бытового общения на ритуальное). Отсюда выводится следующее методологическое основание.

2. При расшифровке культурного кода следует учитывать, что культурный код многозначен, многослоен. Одно и то же слово, действие, предмет могут иметь несколько смыслов, зависят от контекста, исторические процессы накладывают на них свои отпечатки. Культурный код проявляет себя одновременно на нескольких уровнях функционирования традиции.

Для примера рассмотрим семантическое единство кода в семейной и календарной обрядности. Во время календарного праздника *Шорыкйол* девушки гадали, накрывая курицу и петуха лукошком. Открывая, смотрели, как и куда они идут. Если птицы идут вместе, то считали, что гадающая с мужем будет жить дружно; если курица и петух разойдутся, то, соответственно, и с мужем будет разлад [ПМА]. Курица и петух в гадании не просто символизировали семейную пару. Зооморфный код определяет, что птица выступает как двойник человека. В марийской картине мира курица и петух – это идеальная проекция человеческой семьи. А в гадании на *Шорыкйол* птицы воспринимались как посредники, передающие информацию в мир людей. То, как они ведут себя физически, транслирует волю богов относительно будущего союза. Пространственный и предметный коды тоже вполне поддаются декодированию. Лукошко, которым накрывают птиц, символизирует замкнутое пространство семьи, дом. Когда птиц выпускают, это момент истины – «выход в свет» или начало совместного пути. Код единства / дифференциации двоякий и расшифровыва-

ется таким образом. «Идут вместе» – значит, духовные коды (жизненные пути) мужа и жены синхронизированы; «разойдутся» означает нарушение гармонии, что коррелирует с вопросом, поставленным в проанализированной выше свадебной песне. Еще один вариант расшифровки культурного кода предполагает учет «магии подобия»: гадание задает программу. И свадебная песня с обрядами, и гадание на *Шорыкйол* выполняют одну и ту же функцию: формируют, программируют устойчивое будущее семьи и рода.

Различные реконструкции, попытки воспроизведения, трансляции, актуализации обрядов сегодня, находя поддержку, истолковываются как желание подчеркнуть свою марийскую идентичность, отдать дань уважения предкам. Лишь для меньшинства мари как для носителей культуры – это естественное поведение, образ жизни, а для туристов – оригинальный объект изучения, экзотика. Из этого выводится третье методологическое основание.

3. Многослойность и многозначность кода порождает варианты интерпретации. Рассмотрим вариативность в расшифровке на примере анализа народной песни:

Яндар, яндар, яндар вӱдшӧ	‘Чистые, чистые воды
Ий ӱмбачет йогалеш.	Текут поверх льда.
Эшеат яндар шинча вӱдшӧ	Еще более чистые слезы
Илыш верчын йогалеш.	Текут из-за жизни’ [Абукаева, 2023, с. 75].

В песне заложен один из самых глубоких и драматичных кодов марийской культуры – гидросферический (водный) код, сопряженный с кодом судьбы (*пӱрымаш*). Возможны несколько вариантов его расшифровки. Психологический параллелизм указывает на состояние природы и состояние души человека: подобно тому как вода прорывается сквозь лед, так и подлинное чувство (боль, судьба) прорывается сквозь внешнюю сдержанность человека. Этот код указывает на неизбежность и неуправляемость жизненных процессов. Экзистенциальный код провозглашает очищение через страдание. Слезы здесь не признак слабости, а, напротив, высшая степень чистоты. В марийском мировоззрении страдание ради жизни (*илыш верчын*), принятое с достоинством, обладает очистительной силой, подобно воде. Временной код выводит на первый план образ текущей поверх льда воды как символ движения вопреки преградам. Этический код требует учесть, что слово *яндар* ‘чистый, прозрачный, светлый’ является ключевым для марийской этики.

Так расшифровывается культурный код, если анализировать лишь данный текст. Однако есть у мари примета *Шошым ий вӱд йымак кая гын, неле илыш толеш* ‘Если весной при ледоходе льдины уходят под воду, т.е. вода течет поверх льда, тяжелые времена настанут’. Этот пример не просто демонстрирует многослойность кода: здесь эстетический образ из песни (вода поверх льда) коррелирует с прагматическим кодом хозяйственно-бытового прогнозирова-

ния. Длительные наблюдения за природой фиксируют аномальные явления: в нормальном состоянии лед должен быть сверху, а вода снизу. На языке традиционной культуры это знак хаоса или тяжелых испытаний (*неле илыш*). Если льдины уходят под воду, это часто означает медленное таяние и застой воды, что чревато паводком, а впоследствии плохим урожаем. Здесь во всей полноте проявляется глубина марийской ментальности. Так культурный код мари связывает физическое состояние мира с эмоциональным состоянием человека.

Многослойность марийского культурного кода отчетливо проявляется в изоморфизме лирических песен и примет: метафора «вода поверх льда» в аграрном коде функционирует как знак-предупреждение о грядущем социальном неблагополучии (*неле илыш*), в то время как в песенном фольклоре она трансформируется в психологический код, маркирующий человеческие страдания. Так что расшифровка марийского культурного кода требует понимания того, что символ никогда не бывает случаен. Он связывает в единую систему бытовое поведение, праздничный ритуал и глубокую религиозную философию народа, обеспечивая целостность этнокультурного мира.

4. При вариативности толкований следует придерживаться строгих научных методов, четко разграничивая исторический пласт, временные наслоения в кодах культуры, их изменчивость и влияние иных культур.

Богатейшие материалы для расшифровки культурных кодов хранятся в ритуалах марийской этнической религии, в текстах марийских молитв. Приступая к их исследованию, необходимо учитывать, что в современных условиях марийская традиционная религия (*Марий Юмынйӱла*) – это уникальная целостная система мировоззрения, мироощущения и поведения, основанная на вере в *Ош Поро Кугу Юмо* ‘Белый Добрый Великий Бог’ и в божеств, олицетворяющих силы природы. Как одна из немногих живых автохтонных религий, сохранивших преемственность обрядов до наших дней, она включает ритуалы (культ), нравственные нормы и объединяет людей в общности. Это не просто религиозный феномен России, не архаичный пласт культуры, вызывающий интерес самого разного свойства.

Марийская традиционная религия – основа сохранения национального языка и культуры. С одной стороны, не только верующие и не только мари, осознавая значение и значимость ритуалов, признавая бесспорную сакральную составляющую молений, проявляют исключительно уважительное отношение к древней религии, прилагают усилия для ее сохранения. С другой стороны, некоторые элементы традиции не просто со временем устаревают, что естественно, но утрачиваются символические смыслы обрядовых действий, словесных формул и искажается их смысловое наполнение.

Рассмотрим в качестве примера статью «Великая тайна малого народа / Обряды марийской традиционной религии» из газеты «Марийская правда»,

опубликованную в сети Интернет 20 сентября 2018 года. Часть вторая статьи содержит цитату: «Эти праздники (календарные. – *Л.А.*) растянуты до октября. Заканчиваются празднования в декабре, в Шорйол. Шор – это грязь, негатив. Йол – перешагнуть. Мы отделяем и отбрасываем негативную энергию и переходим на новый виток» [Обряды…]. Не станем вдаваться в теорию о трансформации культурного кода. С учетом того, что культурный код – явление многослойное и многозначное, отметим: однозначная трактовка не просто ошибка. Такой подход обедняет духовную культуру. Откуда возникают подобные интерпретации с явными искажениями толкования даже значения слова (существительное *йол* не означает ‘перешагнуть’, у слова 3 значения: 1) нога, 2) ножка, опора, 3) петля планки на стрежне, 4) перен. луч [Словарь марийского языка, 1992, с. 100–102])? Смеем предположить, что в данном конкретном примере налицо попытка связать название праздника *Шорыкйол* с религиозным обрядом. Во время моления *карт*, *онаеҥ*, *учо*, т.е. служитель культа марийской традиционной религии и его помощник побуждают птиц или скот, предназначенный в дар богам, встрепенуться, поливают их водой. И *карт*, *онаеҥ*, произнося молитву, благодарит *Юмо* или других богов, кому предназначается дар, за то, что они приняли подношения, со словами: *Поро Кугу Юмо, ракмат йывыртыктен йӧратен налметлан. Вӱд пыштен айдеме кид шоржым рӱзалтарен, почкалтарен налметлан* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 108] ‘Добрый Великий Юмо, благодарим за принятие с любовью. За то, что принял, когда обливали водой, побудив скотину встрепенуться, очистив от грязи человеческих рук’.

Приступая к расшифровке кода *рӱзалтарымаш* / *вӱд дене почкалтарымаш* ‘побуждение встрепенуться’, необходимо учесть, что обряд нацелен не только на очищение: *О Поро Кугу Юмо, ме ӱлычын рӱзалтарена, тый кӱшычын рӱзалтарен пу* [Tscheremissische Texte, 1939, с. 199] ‘О Добрый, Великий *Юмо*, мы сотрясаем (заставляем встрепенуться животное) снизу, ты стряхивай сверху (свои дары)!’ Здесь разворачивается во всей полноте ни что иное, как один из принципов симпатической магии, а именно имитативная магия: действие по подобию. Здесь же проявляется религиозная философия мари. Договорные отношения с *Юмо* выстроили систему взаимных обязательств между человеком и божественным миром. Моления восполняют небесное изобилие, небесные силы ниспосылают *перке* ‘изобилие, достаток, плодородие, плодовитость’, обеспечивают *шулык* ‘здоровье, благополучие’ и проявляют *серлагыш* ‘милость’. На словесном уровне это оформляется фразой *Юмым сӧрастараш* ‘умилостивить бога, договориться с ним’. На уровне предметного и вербального кода смысл договорных отношений раскрывает *ойгинде* ‘договорной хлеб’ [Абукаева, 2024, с. 8]. Перед тем, как поставить хлеб для моления в печь, тремя пальцами на хлебе делают защипы, символизирующие и богов, в честь

которых проводится моление, и единство *шулык* ‘здоровье’, *перке* ‘изобилие, плодородие, плодовитость’, *серлагыш* ‘милость’, и произносят слово *ой* ‘слово, т.е. договор’ [НРФ МарНИИЯЛИ, Оп. 1. Д. 471. Л. 116]. Ср.: *ойым пидаш* ‘заключить договор’. Этот код перекликается с кодами *оян кинде* ‘хлеб со словом, договором, т.е. договорной’, *шергинде* ‘букв. пресный хлеб’, *неран кинде* ‘хлеб из пророщенных зерен и с защипами, букв. с носом’, *ӱян-шӧран кинде* ‘хлеб на молоке и масле’, которые также предназначаются в дар богам [Абукаева, 1924, с. 7–8].

Автор другого понимания названия и смысла праздника *Шорыкйол* предлагает провести «семантический анализ» слов *Шочйол*, *Шорчол*, *Шартял*, *Шачъял*. Высказывается предположение, что *шоч*, *шач* – это краткая форма причастий *шочшо*, *шачшы* ‘рожденный’ [Что отмечали древние мари…]. В марийском языке нет таких форм ни действительных, ни страдательных причастий. А рассуждения о том, что «йол, ял, йыул, йоул, йул в родственных финно-угорских языках (эстонском, финском), а также в шведском и норвежском означает «Новый год» (по-марийски: У ий), «Рождество», отсюда, Шорыкйол, Шочйол, Шачъял означает «Шочшо у ий» – «Рожденный новый год» и указывает на рождение нового времени» [Там же] вызывают, мягко говоря, вопросы. Что в понимании автора Рождество, Новый год? Не выглядят доказательными рассуждения такого порядка: «Название праздника состоит из двух слов. Первая часть «шоч», «шач» означает рождение. А вот вторая часть «йол» во всех вариантах марийского языка означает 1) нога и 2) луч». Из всего этого делается вывод: Шочйол – Рождение луча.

Разумеется, для выяснения этимологии слова мы обращаемся к данным родственных языков. Однако стоит в данном случае напомнить автору версии, что *йол* ‘луч’ – вторичное лексическое значение слова, возникшее в результате переноса прямого значения: *йол* – ‘нога’. И говорить о том, что «*шочйол* – это луч, родись» – значит, не понимать, какое значение слова в языке первично, как возникают метафорические и метонимические переносы и как у слова появляется несколько значений.

К сожалению, таких интерпретаций, толкований смыслов слов, обрядов немало. С одной стороны, ученые понимают, что паранаучные гипотезы, псевдонаучные очерки – сомнительный объект для научных изысканий. С другой стороны, следует обратить внимание на такие попытки «взломать» культурный код, поскольку нельзя оставить потомков в неведении и со следами грубых «взломов».

Действительно, в процессе развития языка выпадение гласных, согласных, сочетаний звуков, переход звуков – явление естественное. Вот только нужно знать, что эти процессы подчиняются законам. К сожалению, в случае с марийским языком мы наблюдаем порой самые неожиданные версии эти-

мологизации, так как у нас нет древнейших памятников письменности, опора на которые позволяла бы делать более достоверные и объективные выводы. И все же есть классические труды по исторической фонетике, и исторической грамматике марийского языка [Галкин, 1964; 1986], которые следует внимательно изучить, прежде чем приступить к исследованию происхождения того или иного слова, смысла обряда. Разумеется, учитывая и этимологию слова, следует искать первоначальный смысл культурного кода, а для этого проанализировать практически весь пласт культурных текстов. Текст в данном случае мы понимаем широко – как знаковую систему, так что ритуал – тоже текст. Так выводится следующий основополагающий методологический принцип расшифровки культурного кода.

5. Поиск исходного, первоначального смысла. Именно при таком подходе убеждаемся, что *Шорыкйол* – это древнейший (не только марийский, конечно же) праздник, восходящий к скотоводческому культу. Он был привязан к биологическим циклам животных, в данном случае к выплоду – ягнению, отелу, выжеребке. Если проанализировать все обрядовые действия праздника, предметный и вербальный код, приходим к выводу, что по большому счету это забота о плодовитости скота – *вольык перке*, семьи – *ешь перке*, о плодородии хлеба – *кинде перке*. Подтверждается это текстами молитв: *Вуйӱмбал Кугу Юмо, тиде кумалтыш почеш нуныланат тазалыкым, пиалым, чыла дечат поро перкем пуэн шого; шулык дене ыштыме еш перкем, еш дене ыштыме вольык перкем, вольык дене ыштыме кинде перкем, кинде дене ыштыме мӱкш перкем, шийвундо перкем пу* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 26] ‘Великий Юмо над головой, по этой молитве и им здоровья, счастья, доброго изобилия всего давай, созданное здоровьем семейное благополучие, созданное семьей обилие (приплод) скота, созданное скотиной хлебное изобилие, созданное хлебом изобилие пчёл, обилия денег дай’; *А шулык кучен, поро сурт перкем пуэн шого. Сурт дене ыштыме еш перкем, еш дене ыштыме вольык перкем, вольык дене ыштыме кинде перкем, кинде дене ыштыме мӱкш перкем, мӱкш дене ыштыме мӱй перкем пуэн шого. Кайык перке, йымал вусо перкежат лийын шогыжо* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 14] ‘А созидая счастье, ниспосылай семейное благополучие. Созданного хозяйством семейного благополучия, созданного семьёй плодовитости скота, созданного с помощью скота обилия хлеба, созданного с помощью хлеба обилия пчел давай непрестанно. Пусть также будет и обилие птиц и дичи’. Последовательность молитвенных просьб (о семейном благополучии, о плодовитости скота, об обилии хлеба, об обилии меда) здесь исключительно важна. В текст молитвы как в консервативный жанр элемент, обозначающий новое явление, вносится после предыдущих, не вторгается в середину, не нарушает порядок. Это справедливо в отношении аутентичных дореволюционных записей, чего нельзя сказать о современных

текстах молитв. В них нарушения композиционного строя молитвы не редкость, к большому сожалению. И с этим следует считаться при исследовании.

В книге В.А. Акцорина «Шорыкйол» (подчеркнем, он последовательно использует именно это слово) мы обнаружим описание обрядовых действий, игр (*шорык-тагала модмаш*, *сокыр тага*), обрядов, направленных на обеспечение приплода овец. Наибольшее значение имели семейные моления, одаривание *Шорык Шочын Ава* ‘Богини-матери рождения овец’, *Шорык Шочын Ача* ‘Бога-отца рождения овец’. Для этого в хлеву хозяин разжигал костер, в котле варил сову как дар, мальчики и девочки обходили костер на четвереньках, изображали баранов и овец, блеяли по-овечьи [Акцорин, 1991, с. 6].

В материалах экспедиций МарНИИЯЛИ обнаруживается описание зимнего моления о плодовитости скота – *Кудӧрт пайрам* / *Кудӧрт* ‘Праздник духа дома, подворья’. Между Николаем Зимним и Рождеством, т.е. между 19 декабря и 7 января, в специальном доме собирались соседи. Моление совершали о плодовитости скота, в дар духам дома приносили зайца, пироги, блины. Примечателен текст молитвы: *Кудӧрт кува, Кудӧрт кугыза. Теве тыланет тичмашым – когыльым, мелнам – ыштышым. Вольыкым ыҥгайым, тазам ыште. Ушкал презан лийме годым уверым ыште. Кудӧрт кува, Кудӧрт кугыза, мыньым кынелте* [МФЭ, 1959, № 1, с. 102] ‘Бабка-домовиха, дед домовой. Вот тебе цельное – пироги, блины – приготовила. Скотину содержи в благополучии, здоровье. Во время отела коровы дай весть. Бабка-домовиха, дед домовой, меня буди’. Для них также предназначалось веретено, с его помощью гадали, определяя того, кто по нраву духам-покровителям скота. Это веретено клали в специальный туесок из бересты, обернув берестой же. Описание такого туеска находим в словаре В. М. Васильева «Марий мутэр»: «Кудэртньэ = кудо + эртньэ (о. м.), кудыгалта = кудо + калта, изи кудоводыжлан вучыктэн кышкымыла кумыж дэнэ ыштымэ калта, – род малой сумки из бересты для жертвенных приношений духу шалаша» [Васильев, 1926, с. 82].

Наконец, в марийском пантеоне есть *Шорыкйол Юмо* ‘Бог праздника *Шорыкйол’*, которому каждый хозяин приносил в дар квас и баранью голову (*Шорыкйол Юмо дене кажне оза мутланен. Тага вуй дене, пура дене* [МФЭ, 1959, № 1, с. 4].

При расшифровке культурного кода *Шорыкйол*, с учетом единства вербального, акционального и предметного кодов, следует обратиться и к играм. Одна из древних игр – *шыгыле* ‘игра в кости’. Она распространена у народов Азии и Кавказа. Для игры используются *шыгыле* ‘суставные кости барана’. Цель игры – ловко поймать подброшенную кость, перехватив при этом кость, лежащую на полу. Метафорически игрок – это пастух, собирающий овец. Игрока, который допускает ошибку, роняет кость, ждет шутливый возглас от других участников: «*Чара коля!* ‘Голая мышь!’» Расшифровка культурного

кода указывает, что, если пастух не справился со своим стадом, потерял овцу, он лишается возможности иметь шкуру, шерсть. Игра символизирует удачу и приплод скота, развивает моторику, ловкость рук, внимание. У коми она называется *шаг*, у удмуртов – *зальчики*, у мордвы – *бабки* или *козны*, у татар – *арык*. Аналогичная национальная бурятская и монгольская игра *Шагай нагадан* входит в список нематериальных сокровищ ЮНЕСКО.

Заключение

Расшифровка марийских культурных кодов – это не просто изучение архаики, а выявление живой матрицы идентичности. Понимание этих кодов необходимо для грамотной актуализации и трансляции культурного наследия в современном искусстве, в социальной практике.

Марийский культурный код не локализован в одной сфере, он представлен на всех уровнях бытия. Один и тот же образ одновременно функционирует в прагматическом, ритуальном, эстетическом пластах. Культурный код мари антропоморфен. Это показатель нерасторжимой связи этноса с природой.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПМА – полевые материалы автора

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А. Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2023. 192 с.

Абукаева Л.А. Пищевой культурный код в текстах марийских молитв // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. № 1. С. 6–13.

Акцорин В.А. Шорык йол = Овечья нога. Йошкар-Ола, 1991. 82 с.

Бердников В.М., Тудоровская Е.А. Поэтика марийских народных песен. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1945. 106 с.

Васильев В.М. Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илӹшэ марийӹн мутшӹм таҥастарэн нэргэлӹшэ кнага = Сравнительный словарь наречий марийского языка. Моско: СССР калӹк-влак рӱдӧ савӹктӹш, 1926. 348 с.

Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 101–154.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Ч. 1. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1964. 203 с.

Галкин И.С. Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис = Историческая грамматика марийского языка. Морфология и синтаксис. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1986. 122 с.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.

Марий кумалтыш мут = Марийские молитвы-заклинания / сост. Н.С. Попов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 256 с.

МФЭ МарНИИЯЛИ.1959. № 1. С. 102.

НРФ МарНИИЯЛИ. От. 1. Д. 471. Л. 116.

Обряды традиционной марийской религии // Марийская правда. 2018. 20 сент. URL: https://www.marpravda.ru/news/vsja-respyblika/velikaya-tayna-malogo-naroda-2/ (дата обращения: 11.02.2026).

ПМА – полевые материалы автора, записанные в ходе фольклорных экспедиций в Марий Эл и в Республике Башкортостан в 2023–2025 гг.

Словарь марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. Т. II. 464 с.

Что отмечали древние мари в праздник Шорыкйол? URL: https://vk.com/wall-92172_78607 (дата обращения: 11.02.2026).

Tscheremissische Texte. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben von Paavo Siro. Helsinki, 1939. 261 S.

Lyubov Abukaeva

THE MARI CULTURAL CODE: METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE INTERPRETATION OF TRADITIONAL MEANINGS*

Introduction. As the boundaries between national cultures become increasingly blurred, the need to preserve the nation's unique heritage becomes ever more pressing; it is practically impossible without understanding of the meanings embodied in symbols, images, rituals and values. **The purpose** of the article is to identify and decode certain Mari cultural codes represented in texts of oral folk art, which are reflected in rituals, and embodied in artefacts. **Materials and methods.** The study analyses texts from various genres of oral folk art, prayers from the Mari ethnic religion, and descriptions of rituals. Hermeneutic, descriptive and comparative methods, elements of the comparative and historical method, and linguistic and cultural analysis were used. **Research results, discussion.** The cultural code is multifaceted and multi-layered. The same word, action or object can have several meanings, depending on the context, and historical processes leave their mark on them. The cultural code manifests itself simultaneously at several levels of the tradition's functioning. The multi-layered and multi-faceted nature of the code gives rise to various interpretations. When decoding cultural codes, one must overcome the templates and stereotypes that have become established in science. There are variations in interpretations, so it is necessary to distinguish between the historical layer, the temporal strata within cultural codes, their variability, and the influence of other cultures. **Conclusion.** The Mari cultural code is based on the unity of the natural, social and spiritual dimensions within the ethnic group's worldview. Since the same image in this value system simultaneously fulfils everyday, sacred and

* This work was carried out with the support of Russian Science Foundation grant No. 25-28-00064 'Sacred texts of the Mari ethnic religion as a linguistic and cultural phenomenon'.

artistic functions, a deep understanding of these mechanisms becomes a prerequisite for the actualisation and transmission of cultural heritage.

Keywords: the Mari language; cultural code; verbal code; action code; object code.

REFERENCES

Abukaeva L.A. Marijskie gostevye pesni v kontekste tradicij gostepriimstva [Mari Guest Songs in the Context of Hospitality Traditions]. Yoshkar-Ola, Izdatel'skij dom "Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo", 2023, 192 p. (In Russian).

Abukaeva L.A. Pishhevoj kul'turnyj kod v tekstah marijskih molitv [Food cultural code in the texts of Mari prayers]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies,* 2024, no. 1, pp. 6-13. (In Russian).

Akcorin V.A. Prazdnik «Ovech'ja noga» [The holiday of Shorykyol]. Yoshkar-Ola, 1991, 82 p. (In Mari).

Berdnikov V.M., Tudorovskaja E.A. Poetika marijskih narodnyh pesen [Poetics of Mari Folk Songs]. Yoshkar-Ola, Marijskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1945, 106 p. (In Russian).

Vasil'ev V.M. Sravnitel'nyj slovar' narechij marijskogo jazyka [Dictionary of the Mari Language]. Moscow, SSSR kalÿk-vlak rűdő savÿktÿsh, 1926, 348 p. (In Mari).

Veselovskij A.N. Psihologicheskij parallelizm i ego formy v otrazhenijah poeticheskogo stilja [Psychological parallelism and its forms in reflections of poetic style]. Istoricheskaja poetika. Moscow, Vysshaja shkola, 1989, p. 101-154. (In Russian).

Galkin I.S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka [Historical Grammar of the Mari Language]. Yoshkar-Ola, Marknigoizdat, 1964, part 1, 203 p. (In Russian).

Galkin I.S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija i sintaksis [Historical Grammar of the Mari Language (Morphology and Syntax)]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 1986, 122 p. (In Mari).

Lotman Ju.M. Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. Moscow, Gnozis; Progress, 1992, 272 p. (In Russian).

Marijskie molitvy-zaklinanija [Texts of Mari prayers]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 256 p. (In Mari).

Materialy fol'klornyh ekspedicij Marijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii [Materials from folklore expeditions of the Mari Research Institute of Language, Literature and History]. 1959, no. 1, p. 102. (In Mari).

Nauchnyj rukopisnyj fond Marijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii. Opis' 1. Delo 471. List 116 [Scientific manuscript collection of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Anagraph 1. Work 471. Sheet 116]. (In Mari).

Obrjady tradicionnoj marijskoj religii [Rituals of the traditional Mari religion], *Marijskaja Pravda*, 2018, 20 September, available at: https://www.marpravda.ru/news/vsja-respyblika/velikaya-tayna-malogo-naroda-2/ (accessed 11 February 2026). (In Russian).

Polevye materialy avtora, zapisannye v hode fol'klornyh ekspedicij v Marij El i v Respublike Bashkortostan v 2023-2025 gg. [The author's field materials recorded during folklore expeditions in Mari El and the Republic of Bashkortostan in 2023-2025]. (In Mari).

Slovar’ marijskogo jazyka [Dictionary of the Mari Language]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1992, vol. 2, 464 p. (In Mari and Russian).

Chto otmechali drevnie mari v prazdnik Shorykjol? [What did the ancient Mari celebrate on the Shorykyol holiday?], available at: https://vk.com/wall-92172_78607 (accessed 11 February 2026). (In Russian).

Tscheremissische Texte. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben von Paavo Siro. Helsinki, 1939, 261 p. (In German).

Абукаева Любовь Алексеевна
доктор филологических наук,
начальник Центра изучения
уральских языков ФГБОУ ВО
«Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sylne@mail.ru

Lyubov Abukaeva,
Doctor of Philological Sciences,
Head of the Center of Uralic Languages
Studies of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: sylne@mail.ru

УДК 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312-2026-2-74-21-45

МАРИЙСКИЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИЗНАК ПРЕДМЕТА ПО РАЗМЕРУ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

© 2026 г. С.С. Сибатрова

Введение. В работе речь идет о качественных именах прилагательных марийского языка, выражающих размер предмета, а именно его отдельные параметры – длину, ширину, высоту, глубину, толщину, а также величину в целом. Известно, что они образуют одну из семантических групп прилагательных зрительного восприятия. **Цель статьи** – представить лексико-семантические группы марийских качественных прилагательных, выражающих признак предмета по размерам. **Материалы и методы.** Исследование проведено на основе материалов по лугово-восточному марийскому литературному языку, при этом привлекались и диалектные слова, представленные в источниках. Эмпирической базой послужили соответствующие статьи многотомного словаря марийского языка (1991–2005, 2019) и лексические данные Корпуса марийского языка. В ходе изучения и изложения применялись, помимо описательного метода, элементы таких лингвистических методов исследования, как семантический, дистрибутивный, сопоставительный, компонентный анализы, а также метода оппозиций. **Результаты исследования, обсуждение.** Качественные прилагательные со значением признака предмета по его размерам подразделены на следующие лексико-семантические группы: выражающие признак по длине, выражающие признак по ширине, выражающие признак по высоте, выражающие признак по глубине, выражающие признак по толщине, выражающие признак по размеру, величине предмета в целом. Такие группы содержат два или больше основных адъективных слов литературной нормы, обозначающих какой-либо размер (длину, ширину, высоту, глубину, толщину, также величину в целом) и находящихся в антонимических отношениях. Нередко между адъективными словами наблюдаются синонимические отношения, причем в рамках как одной и той же лексико-семантической подгруппы, так и совершенно разных семантических групп. **Заключение.** В марийском языке сформировалась необходимая лексическая система для обозначения признака предмета по его размеру – по различным его протяжениям и величинам.

Ключевые слова: марийский язык; качественные прилагательные; размер; длина; ширина; высота; глубина; толщина; антоним; синоним.

Введение

Марийская лингвистика не располагает всеохватывающими системными знаниями не только о лексико-семантических группах имен прилагательных, но и об именах прилагательных как части речи в целом. Поэтому необходимость глубокого анализа и описания каждой из отдельных сторон марийских имен прилагательных, в том числе их лексико-семантических групп и подгрупп, определение лексического состава и семантических особенностей каждой из них не вызывают сомнений. В марийском языкознании нет отдельных исследований и о прилагательных «размера», кроме самых общих указаний о том, что качественные имена прилагательные могут выражать «пространственные» качества (приводятся следующие примеры на обозначение признака по размеру: *кужу* ‘длинный’, *кӱчык* ‘короткий’, *кугу* ‘большой’, *изи* ‘маленький’, *кумда* ‘широкий’, *аҥышыр* ‘узкий’) [Пенгитов, 1958, с. 65], «размер и форму предметов» (примеры на выражение признака по размеру: *кугу* ‘большой’, *изи* ‘маленький’, *шолдыра* ‘крупный’, *лапка* ‘низкий’, *кӱкшӧ* ‘высокий, рослый’, *кӱчык* ‘короткий’, *кужу* ‘длинный’, *лопка* ‘широкий’, *аҥысыр* ‘узкий’, *кумда* ‘широкий, просторный’, *кӱжгӧ* ‘толстый, полный, тучный’, *вичкыж* ‘тонкий’) [Современный марийский язык, 1961, с. 100–101], различные «объёмно-пространственные признаки» (прилагательные, выражающие признак по размеру, даются наиболее полно: *кугу* ‘большой’, *изи* ‘маленький’, *лопка*, *кумда* ‘широкий’, *аҥысыр* ‘узкий’, *кужу* ‘длинный’, *кӱчык* ‘короткий’, *вичкыж* ‘тонкий’, *кӱжгӧ* ‘толстый’, *таляка*, *куакш* ‘мелкий (о глубине)’, *келге* ‘глубокий’, *тыгыде* ‘мелкий’, *шолдыра* ‘крупный’, *кӱкшӧ* ‘высокий’, *лапка* ‘низкий’) [Учаев, 1982, с. 108].

Цель статьи – представить лексико-семантические группы качественных имен прилагательных, выражающих признак предмета по размерам. Задачи – выявить состав качественных прилагательных размера, выделить их основные лексические значения, связанные с размером предмета, провести систематизацию на основе их семантики, обратить внимание на антонимические и синонимические отношения между такими адъективными словами.

Материалы и методы

Исследование осуществлено по материалам лугово-восточного марийского литературного языка, однако для достижения большей полноты картины привлекались и диалектные слова. Фактической базой для анализа послужили данные соответствующих статей многотомного «Словаря марийского языка» [1991–2005, 2019] (далее – Словарь), прежде всего выделенные в них лексические значения, отражающие размер предмета, а также материалы Корпуса

марийского языка [https://corp.marnii.ru] (далее – Корпус), объём которого – более 21 миллиона словоупотреблений. Данные Словаря, касающиеся рассматриваемых лексических значений прилагательных, использованы не механически, а с учетом дополнительных показаний Корпуса.

В процессе анализа и изложения применены, наряду с традиционным описательным методом, элементы и приемы таких лингвистических методов исследования, как семантический, дистрибутивный, сопоставительный, компонентный анализы, а также метода оппозиций.

Результаты исследования, обсуждение

Ясно, что прилагательные играют незаменимую роль в передаче «размерных» признаков, характерных почти для всех конкретных предметов в реальном мире. Поэтому языки мира, в том числе и марийский, обладают известным набором лексических средств, а именно адъективных слов, выражающих размер – величину предмета в целом и также его отдельных сторон.

Считается, что размер – это «величина чего-нибудь в каком-нибудь измерении» [Ожегов, 1983, с. 577; Большой толковый словарь …, 2000, с. 1072]. При этом линейные размеры характеризуют длину, ширину, толщину, высоту, диаметр или радиус предмета (нужно заметить, что диаметр и радиус более всего относятся к математике, а в языке они находят выражение в виде поперечника и обхвата круглого или кажущегося круглым предмета). В настоящей статье последовательно будут изложены прилагательные, выражающие признак предмета по длине, ширине, высоте, глубине, толщине и по размеру, величине в целом. Помимо основных прилагательных, употребляющихся в луго-во-восточном марийском литературном языке, будут отмечены (перечислены) синонимичные прилагательные разговорные и диалектные (к сожалению, за исключением слов горного наречия), представленные в Словаре-источнике.

Согласно широко известным словарям, **длина** – «протяжение в том направлении, в котором две крайние точки линии, плоскости, тела лежат на наибольшем расстоянии друг от друга» [Ожегов, 1983, с. 149]; «протяжение чего-л.; расстояние между кем-, чем-л.» [Большой толковый словарь …, 2000, с. 262]. Признак предмета по его длине в самых общих чертах, т.е. имеет ли предмет большое или небольшое протяжение (в первую очередь по горизонтали, а также и по вертикали), в марийском языке выражается главным образом прилагательными ***кужу*** ‘длинный’ и ***кӱчык*** ‘короткий’. Прилагательное ***кужу***, как уже замечено, может передавать значение ‘длинный’ не только по горизонтали (‘имеющий большую длину, протяжение’), но и по вертикали (‘высокий; большой по протяжённости в направлении снизу вверх’) – 1) *кужу вара* ‘длинный шест’, *кужу корно* ‘длинная дорога’, *кужу кӱвар* ‘длинный мост’, *кужу ер* ‘длинное озеро’, *кужу вурдо* ‘длинная рукоять’, *кужу парня* ‘длинные пальцы’; 2) *кужу ен* ‘длинный (высокий) человек’, *кужу марий* ‘длинный

мужчина’, *кужу капан (капкылан)* ‘длинного роста’, *кужу пӱнчӧ* ‘длинная сосна’, *кужу шудо* ‘длинная трава’, *кужу кеман* ‘в длинных (высоких) сапогах’.

Прилагательное ***кӱчык*** ‘короткий’ также имеет два основных «размерных» значения: 1) ‘небольшой, малый в длину’ – *кӱчык корно* ‘короткая дорога, короткий путь’, *кӱчык кутышан* ‘короткой длины’, *кӱчык тоя* ‘короткая палка’, *кӱчык вурдан* ‘с короткой рукоятью’, *кӱчык шокш* ‘короткие рукава’, *кӱчык оржа* ‘короткая грива’, *кӱчык ӱп* ‘короткие волосы’; 2) ‘невысокий, низкий, низкорослый; небольшой по протяжённости в направлении снизу вверх’ – *кӱчык пӧръеҥ* ‘короткий (невысокий) мужчина’, *кӱчык ӱдырамаш* ‘короткая женщина’, *кӱчык капан (капкылан)* ‘короткого роста’, *кӱчык йолан* ‘с короткими ногами, коротконогий’, *кӱчык шудо* ‘короткая трава’.

Кроме того, прилагательное *кужу* может иметь значение ‘бóльший по длине, размеру, чем нужно’ – *кужу тувыр* ‘длинная рубашка’, *кужу ужга* ‘длинная шуба’; а прилагательное *кӱчык,* соответственно, значение ‘меньший, недостаточный по длине, размеру’ – *кӱчык йолаш* ‘короткие штаны’, *кӱчык пальто* ‘короткое пальто’. Правда, данные значения четко проявляются только в определённом контексте.

Прилагательное *кужу* ‘длинный’ встречается с суффиксом оценки качества *-ака,* т.е. в форме *кужака* ‘длинноватый’. Такая форма наблюдается только у «нескольких имен прилагательных» и имеет значение неполноты качества [Современный марийский язык, 1961, с. 106]. Она может быть образована от прилагательного *кужу* в обоих значениях и, соответственно, выражает: 1) ‘длинноватый, продолговатый, вытянутый, удлинённой формы’ – *кужака пӧлем* ‘вытянутая комната’, *кужака ӱстел* ‘продолговатый стол’, *кужака яшлык* ‘продолговатый ящик’, *кужака икса* ‘вытянутый залив’, *кужака лышташан (шудо)* ‘(трава) с удлинёнными листьями’, *кужака луй* ‘куница с удлинённым телом (букв. длинноватая куница)’, *кужака чуриян (шӱрган)* ‘с динноватым лицом’, *кужака неран* ‘с длинноватым носом’, *кужака оҥылашан* ‘с продолговатым подбородком’; 2) ‘длинноватый; высоковатый, рослый’ (в редких случаях) – *кужака рвезе* ‘рослый парень’, *кужака капан* ‘высоковатого роста’.

Помимо широко распространённых прилагательных *кужу* и *кӱчык*, в Словаре-источнике имеют место некоторые диалектные слова со значениями ‘длинный; имеющий большую длину, протяжение’ и ‘короткий; небольшой, малый по длине’: *аре* ‘длинный’ – *аре шокш* ‘длинный рукав’, *аре изурем* ‘длинный переулок’; *тулка* ‘длинный’ – *тулка шуран ушкал* ‘корова с длинными рогами’; также разговорное *йычыл-ючыл* ‘длинный и тонкий, тощий’ – *йычыл-ючыл парня-влак* ‘тонкие длинные пальцы’; *тарката* ‘коротковатый; несколько короткий, недлинный’ – *тарката пырня* ‘короткое бревно’, *тарката мыжер* ‘короткий кафтан’.

Ширина – «протяжение чего-нибудь в том направлении, в котором две крайние точки плоскости предмета лежат на наименьшем расстоянии друг от друга» [Ожегов, 1983, с. 796], «протяжение чего-л. в поперечнике» [Большой толковый словарь …, 2000, с. 1498]. Для различения признака предмета по его ширине в марийском языке существуют следующие широкоупотребительные адъективные слова: ***кумда*** ‘широкий’, ***лопка*** ‘широкий’ и ***анҥысыр*** ‘узкий, нешироκий’. ***Кумда*** и ***лопка*** ‘широкий’ в целом совпадают в своей семантике, являются почти абсолютными синонимами, правда, *кумда* в материалах Корпуса показывает бóльшую частотность использования. При этом данные прилагательные имеют значения: 1) ‘большой в поперечнике’ – *кумда эҥер* ‘широкая река’, *кумда урем* ‘широкая улица’, *кумда ӱстел* ‘широкий стол’, *кумда шӱргывылыш* ‘широкое лицо’, *кумда вače (туп-вače)* ‘широкие плечи’; *лопка коридор* ‘широкий коридор’, *лопка ече* ‘широкие лыжи’, *лопка капка* ‘широкие ворота’, *лопка лышташ* ‘широкий лист’, *лопка чурий* ‘широкое лицо’, *лопка вачан (туп-вачан)* ‘широкоплечий, с широкими плечами’; 2) ‘обширный, занимающий большое пространство, большую площадь’ – *кумда кава* ‘широкое небо’, *кумда тӱня* ‘широкий мир’, *кумда эл* ‘широкая страна’, *кумда пасу* ‘широкое поле’; *лопка теҥыз* ‘широкое море’, *лопка куп* ‘широкое болото’, *лопка олык* ‘широкий луг’, *лопка кудывече* ‘широкий двор; 3) ‘не облегающий, просторный, свободный (об одежде и обуви)’ – *кумда брюко* ‘широкие брюки’, *кумда тувыр* ‘широкая рубашка’; *лопка кем* ‘широкие сапоги’, *лопка эҥырашан (йолаш)* ‘(брюки) с широкими штанинами’. Правда, следующее значение ‘имеющий большую площадь в окружности’ более всего присуще прилагательному *лопка – лопка аҥан (кувшин)* ‘(кувшин) с широким горлом’, *лопка труба* ‘широкая труба’, *лопка кастрюль* ‘широкая кастрюля’, *лопка лače* ‘широкий пестерь’, *лопка теркупш* ‘широкая шляпа’, *лопка каван* ‘широкий стог’.

С *лопка* ‘широкий’ в какой-то мере пересекается в своем значении редко употребляемое прилагательное *лоптыра* ‘неаккуратный, неуклюжий, расплывчатый (широкий и низкий, маленький и толстый)’, обнаруживая при этом свои характерные оттенки по отношению к вышеуказанным значениям – *лоптыра лышташ* ‘широкий лист’, *лоптыра еҥ* ‘(маленький и) толстый человек’, *лоптыра вате* ‘(маленькая и) толстая женщина’, *лоптыра чуриян* ‘с (расплывчатым) широким лицом’; *лоптыра портышкем* ‘(низкие и) широкие валенки’, *лоптыра ужга* ‘широкая шуба’; *лоптыра ате* ‘(низкая и) широкая посуда’, *лоптыра печке* ‘широкая (и низкая) бочка’.

Для обозначения неполного проявления признака ‘широкий’ используется форма *лопката* ‘широковатый; несколько, немного широкий в поперечнике, в обхвате; толстоватый’ – *лопката воз* ‘широковатый воз’, *лопката пӧрт* ‘широковатый дом’, *лопката нер* ‘широковатый нос’, *лопката шӱргӧ (шӱргывылыш)* ‘широковатое лицо’, *лопката вače (туп-вače)* ‘широковатые пле-

чи’, *лопката капан* ‘с широковатым телом, широкотелый’, *лопката пӧръеҥ* ‘широковатый мужчина’, *лопката кува* ‘широковатая старуха’. В данном случае формой оценки признака, выражающей значение «неполноты обладания качеством» [Современный марийский язык, 1961, с. 105], является суффикс *-ата*, синонимичный суффиксу *-ака* в *кужака* ‘длинноватый’ (см. выше) и в *кӱкшака* (см. ниже). При этом прилагательное *кумда* ‘широкий’ подобной формы неполноты качества не имеет.

Значение ‘широкий; обширный, занимающий большое пространство, большую площадь’ нередко передаётся, наряду с *кумда* и *лопка,* адъективным словом ***йоҥгыдо*** ‘просторный; имеющий простор’ – *йоҥгыдо кава* ‘просторное небо’, *йоҥгыдо вер* ‘просторное место’, *йоҥгыдо пасу* ‘просторное поле’, *йоҥгыдо алан* ‘просторная поляна’, *йоҥгыдо ер* ‘просторное озеро’, *йоҥгыдо кудывече* ‘просторный двор’. Прилагательное *йоҥгыдо* ‘просторный’, как и *кумда* и *лопка* ‘широкий’, иногда используется в значениях ‘широкий; большой по ширине, в поперечнике’ и ‘широкий; неплотно облегающий, свободный (об одежде и обуви)’ – *йоҥгыдо корно* ‘просторная дорога’, *йоҥгыдо урем* ‘просторная улица’, *йоҥгыдо омса* ‘широкая дверь’; *йоҥгыдо вургем* ‘просторная одежда’, *йоҥгыдо калош* ‘просторные галоши’. Однако *йоҥгыдо* ‘просторный’ (в отличие от *кумда* и *лопка*) чаще всего, когда речь идет о признаке ограниченного с разных сторон пространства чего-либо, выступает в значении ‘вместительный, не тесный’ – *йоҥгыдо пӧрт* ‘просторный дом’, *йоҥгыдо пӧлем* ‘просторная комната’, *йоҥгыдо класс* ‘просторный класс’, *йоҥгыдо вӱта* ‘просторный хлев’, *йоҥгыдо вынем* ‘просторная яма’. В данном значении ‘вместительный, не тесный’ употребляются, наряду с *йоҥгыдо*, также однокоренные прилагательные ***йоҥгата*** и ***йоҥго*** – *йоҥгата пачер* ‘просторное место’, *йоҥгата класс* ‘просторный класс’, *йоҥгата клуб* ‘просторный клуб’, *йоҥгата камер* ‘просторная камера’, *йоҥгата вӱта* ‘просторный хлев’, *йоҥгата кудывече* ‘просторное место’; *йоҥго пӧрт* ‘просторный дом’*, йоҥго пӧлем* ‘просторная комната’, *йоҥго зал* ‘просторный зал’, *йоҥго вер* ‘просторное место’. Нужно заметить, что *йоҥгата* и в особенности *йоҥго*, в сравнении с *йоҥгыдо*, наблюдаются в таком значении заметно реже. Кроме того, выявляются отдельные примеры употребления *йоҥгата*, подобно *кумда* и *лопка*, в значении ‘просторный; расположенный на большом пространстве, простирающийся на большое пространство, расстояние’ – *йоҥгата кава* ‘просторное небо’, *йоҥгата олык* ‘просторный луг’.

Противоположная семантика ‘неширокий, узкий’ передаётся прилагательным ***анҥысыр***, которое имеет следующие два значения: 1) ‘небольшой по ширине, в поперечнике, имеющий малую протяжённость в поперечнике’ – *анҥысыр йолгорно* ‘узкая тропинка’, *анҥысыр урем* ‘узкая улица’, *анҥысыр канаве* ‘узкая канава’, *анҥысыр оҥа* ‘узкая доска’, *анҥысыр ӱштӧ* ‘узкий пояс’, *анҥысыр*

лышташ ‘узкие листья’; 2) ‘плотно облегающий (об одежде в основном и об обуви)’ – *анҥысыр йолаш* ‘узкие брюки’, *анҥысыр плате* ‘узкое платье’, *анҥысыр тувыр* ‘узкая рубашка’. Как видно, прилагательное *анҥысыр* ‘узкий’ по своей семантике несколько уже антонимичных соответствий *кумда* и *лопка* ‘широкий’, которые проявляют больше значений.

Последние «размерные» значения (‘имеющий малую протяжённость в поперечнике’ и ‘плотно облегающий – об одежде и обуви’) могут передаваться также довольно часто употребляющимся прилагательным ***шыгыр*** ‘тесный, узкий’ – *шыгыр йолгорно* ‘узкая тропинка’, *шыгыр изурем* ‘узкий переулок’, *шыгыр коридор* ‘узкий коридор’, *шыгыр омса* ‘тесная дверь’; *шыгыр вургем* ‘тесная одежда’, *шыгыр йолаш* ‘тесные брюки’, *шыгыр тувыр* ‘тесная рубашка’, *шыгыр ката* ‘тесные ботинки’, *шыгыр кем* ‘тесные сапоги’. Но *шыгыр* ‘тесный’, как и антоним *йоҥгыдо* ‘просторный’, преимущественно используется в значении ‘такой, в котором мало свободного места, простора; недостаточный, маленький по пространству’ как определение при именах существительных, обозначающих предметы с ограниченным с разных сторон пространством – *шыгыр пӧрт* ‘тесный дом’, *шыгыр пӧлем* ‘тесная комната’, *шыгыр вагон* ‘тесный вагон’, *шыгыр вӱта* ‘тесный хлеб’, *шыгыр кудывече* ‘тесный двор’, *шыгыр вер* ‘тесное место’, *шыгыр вынем* ‘тесная яма’.

В Словаре со значением ‘узкий’ представлены два диалектных слова: *йыптака* ‘неширокий в поперечнике’ – *йыптака вынер* ‘узкий холст’, *йыптака ыштыраш* ‘узкое сукно’; *шин* ‘неширокий, небольшой по ширине, в поперечнике’ и ‘тесный, плотно прилегающий, стесняющий движение’ – *шин тӧрза* ‘узкое окно’; *шин вургем* ‘узкая одежда’, *шин тувыр* ‘узкая рубашка’, *шин кем* ‘узкие сапоги’.

Высота – «пространство и расстояние от какой-нибудь точки или земли вверх» [Ожегов, 1983, с. 108], «величина, протяжённость чего-л. от нижней точки до верхней, снизу вверх» [Большой толковый словарь …, 2000, с. 1072]. Для обозначения признака предмета по его высоте, т.е. является ли предмет большим или небольшим (маленьким) по протяжённости снизу вверх, в языке имеются адъективные слова ***кӱкшӧ*** (орф. также *кӱкшӱ*) ‘высокий’ и ***лапка, ӱлыкшӧ*** ‘низкий’. Прилагательное ***кӱкшӧ*** ‘высокий’ проявляет следующие значения, связанные с размером предмета: 1) ‘обладающий значительной высотой, большой протяжённостью от низа до верха; значительно возвышающийся над уровнем моря’ – *кӱкшӧ пӧрт* ‘высокий дом’, *кӱкшӧ савар* ‘высокий забор’, *кӱкшӧ пырдыж* ‘высокая стена’, *кӱкшӧ меҥге* ‘высокий столб’, *кӱкшӧ вышке* ‘высокая вышка’, *кӱкшӧ пушеҥге* ‘высокое дерево’, *кӱкшӧ шудо* ‘высокая трава’, *кӱкшӧ таган* ‘высокий каблук’; *кӱкшӧ курык* ‘высокая гора’, *кӱкшӧ арка* ‘высокий холм’, *кӱкшӧ сер* ‘высокий берег’, *кӱкшӧ вер* ‘высокое место’; 2) ‘рослый, высокорослый (о человеке)’ – *кӱкшӧ айдеме (еҥ)* ‘высокий чело-

век’, *кӱкшӧ каче* ‘высокий парень’, *кӱкшӧ капан (капкылан)* ‘высокого роста’. В связи с рассматриваемым вопросом небезынтересно отметить выражение прилагательным *кӱкшӧ* ‘высокий’ не «размерного», однако пространственного значения ‘находящийся, расположенный на значительной высоте’ – *кӱкшӧ кава* ‘высокое небо’, *кӱкшӧ тувраш* ‘высокий потолок’, *кӱкшӧ перекладине* ‘высокая перекладина’; это значение обнаруживает себя при определении отдельных предметов, находящихся на известной, в данном случае большой, высоте.

В случаях необходимости для передачи неполноты признака ‘высокий’ может использоваться форма *кӱкшака* ‘высоковатый’, образованная с помощью суффикса *-ака* от *кӱкшӧ* ‘высокий’. Она встречается довольно редко и имеет два значения: 1) ‘несколько возвышенный, возвышающийся над окружающим, над уровнем моря’ – *кӱкшака вер* ‘высоковатое (возвышенное) место’, *кӱкшака пасу* ‘возвышенное поле’, *кӱкшака сцене* ‘возвышающаяся сцена’, *кӱкшака сер* ‘высокий берег’ (также *кӱкшака савар* ‘высоковатый забор’); 2) ‘рослый, немного высокий (о человеке)’ – *кӱкшака капан (капкылан)* ‘высоковатого роста’.

Как свидетельствуют материалы Словаря-источника и также Корпуса, значения ‘обладающий значительной высотой, большой протяжённостью от низа до верха’ и ‘рослый, высокорослый, долговязый (о человеке)’, иногда одновременно с ‘тонкий’, ‘худой’ или со ‘стройный’ передают ряд диалектных слов: *йычыла* ‘высокий (длинный) и тонкий’ – *йычыла пушеҥге* ‘высокое (длинное) и тонкое дерево’, *йычыла ӱдыр* ‘долговязая девочка’; *йычыл-ячыл* ‘высокий и худой; долговязый’ – *йычыл-ячыл (вичкыж-кужу) капан* ‘долговязого (худого и высокого) телосложения’; *йожга* ‘высокий и стройный’ – *йожга пушеҥге* ‘высокое стройное дерево’, *йожга капан (еҥ)* ‘высокого стройного телосложения (человек)’. Другие подобные диалектные слова определяют рост человека или высоту растений (деревьев): *ӧзӧр* и *ӧзырка* ‘высокий, высокого роста (о человеке, его росте)’ – *ӧзӧр капан (рвезе)* ‘высокого роста (парень)’, *ӧзырка капкыл* ‘высокий рост’; *йоҥгата* ‘высокий и стройный, прямой’ – *йоҥгата пушеҥге* ‘высокое стройное дерево’; *тутуш* ‘высокий, длинный’ – *тутуш кож* ‘высокая ель’.

Синонимичные прилагательные ***лапка*** и (редко употребляемое) ***ӱлыкшӧ*** (ср. *диал. ӱлыш*) ‘низкий’, как и вышерассмотренное *кӱкшӧ* ‘высокий’, сочетаются с достаточно разными существительными и имеют несколько значений: 1) ‘невысокий, имеющий небольшую протяжённость от низа до верха, малый по высоте, приземистый; незначительно возвышающийся над уровнем моря’ – *лапка пӧрт* ‘низкий дом’, *лапка вондер* ‘низкий кустарник’, *лапка пундыш* ‘низкий пень’, *лапка коҥга* ‘низкая печь’, *лапка ӱстел* ‘низкий стол’, *лапка капка* ‘низкие ворота’, *лапка таган* ‘низкий каблук’, *лапка каван* ‘низ-

кий стог’; *лапка курык* ‘низкая гора’, *лапка чоҥгата* ‘низкий холм’; *ӱлыкшӧ пӧрт* ‘низкий дом’, *ӱлыкшӧ вӱта* ‘низкий хлев’, *ӱлыкшӧ пече* ‘низкая изгородь’, *ӱлыкшӧ пӱкен* ‘низкий стул’, *ӱлыкшӧ каван* ‘низкий стог’, *ӱлыкшӧ шудо* ‘низкая трава’; 2) ‘низкорослый, короткий (о человеке и животных)’ – *лапка еҥ* ‘низкорослый человек’, *лапка капан (капкылан)* ‘низкого роста’, *лапка пий* ‘маленькая (букв. низкая) собака’, *лапка вӱльӧ* ‘низкорослая кобыла’; *ӱлыкшӧ ӱдыр* ‘невысокая (букв. низкая) девушка’, *ӱлыкшӧ капан (капкылан)* ‘низкого роста’. Кроме того, прилагательное *лапка* при существительных, выражающих предмет (чаще всего сосуд) с определенным внутренним объёмом, проявляет значение ‘неглубокий’ – *лапка корзинҥа* ‘низкая корзина’, *лапка кӱмыж* ‘низкое блюдо’, *лапка вол* ‘низкое корыто’, *лапка вазе* ‘низкая ваза’, *лапка вочко* ‘низкая кадка’, *лапка вынем* ‘неглубокая (букв. низкая) яма’ (такое значение у прилагательного *ӱлыкшӧ* не выявлено).

Прилагательные *лапка* и *ӱлыкшӧ* ‘низкий’, подобно антонимичному *кӱкшӧ* ‘высокий’, могут передавать предметный признак не по размеру (низкости), а по их положению в пространстве, относительно других предметов в пространстве и при этом проявлять два разных значения: 1) ‘находящийся, расположенный на небольшой высоте от земли, от поверхности чего-либо’ – *лапка пылвомыш* ‘низкое небо’, *лапка пыл-влак* ‘низкие облака’, *лапка тувраш* ‘низкий потолок’, *лапка лондем* ‘низкий порог’; *ӱлыкшӧ леведыш* ‘низкая крыша’, *ӱлыкшӧ окна* ‘низкое окно’; 2) ‘расположенный ниже окружающей местности, низменный, находящийся ниже чего-либо’ – *лапка вер* ‘низкое место’, *лапка корем* ‘небольшой (букв. низкий) овраг’, *лапка олык* ‘низкий луг’; *ӱлыкшӧ вер* ‘низкое место’, *ӱлыкшӧ (вӱд) сер* ‘низкий берег (воды)’, *эҥер (пасу туп деч ятыр) ӱлыкшӧ* ‘река ниже (намного от поверхности поля)’, *ерын уровеньже (ятырлан) ӱлыкшӧ* ‘уровень озера ниже (букв. намного низкий)’, *кыдал деч ӱлыкшӧ* ‘(находящийся) ниже от пояса’.

Для передачи значения неполноты качества ‘низкий’ имеется форма *лапката* ‘низковатый; несколько, немного низкий’ (подобной формы от *ӱлыкшӧ* в источниках не обнаружено). Она образована присоединением вышеуказанного суффикса *-ата* к основе *лапка-* ‘низкий’. При этом сохраняет почти все основные значения, присущие производящему прилагательному: 1) ‘невысокий, приземистый’ – *лапката пӧрт* ‘низковатый дом’, *лапката монча* ‘низковатая баня’, *лапката коҥга* ‘низковатая печь’, *лапката савар* ‘низковатый забор’, *лапката омаш* ‘низковатый шалаш’, *лапката пушеҥге* ‘низкорослое дерево’; 2) ‘низкорослый, коротковатый (о человеке и животных)’ – *лапката ӱдырамаш (вате)* ‘низкорослая женщина’, *лапката кугыза* ‘низкорослый старик’, *лапката капан (капкылан)* ‘низковатого роста’, *лапката имне* ‘низкорослая лошадь’. Форма *лапката* используется и в случаях передачи признака предмета по его положению в пространстве со значениями: 1) ‘находящийся,

расположенный на небольшой высоте от земли, от поверхности чего-либо' – *лапката туврашан (пӧлем)* '(комната) с низковатым потолком', *лапката окна* 'низковатое окно'; 2) 'расположенный ниже окружающей местности, низменный' – *лапката вер* 'низковатое место', *лапката корем* 'небольшой (букв. низковатый) овраг'.

Судя по материалам источников, значение 'низкий', прежде всего в отношении размера человека, животных и также растений в высоту, имеют ряд других в той или иной мере редко употребляемых адъективных слов. Они в одном из своих значений выражают рост человека или животного – низкий, маленький, а также аналогичную высоту растений. К ним оносятся: *ладыра* 'приземистый; малорослый и плотный по сложению (о человеке и животном)' – *ладыра рвезе* 'приземистый парень', *ладыра вате* 'приземистая женщина', *ладыра ушкал* 'приземистая корова'; *лаптыра* 'приземистый; маленький, низкий, низкорослый' – *лаптыра тумо* 'приземистый дуб', также *лаптыра пӧрт* 'приземистый дом'; *лыптырий* 'низкий, низкорослый, малорослый' – *лыптырий марий* 'низкорослый мужчина', *лыптырий нӧлпер* 'низкорослый ольховник'; *ларката* 'низкий, низкорослый, малорослый, коренастый' – *ларката капан* 'низкого роста', *ларката лудо* 'низкая утка'; *лочо* 'маленький по росту, низкорослый, малорослый' – *лочо каче* 'низкорослый парень', *лочо имне* 'низкорослая лошадь', *лочо тумо* 'низкорослый дуб', *лочо вондер* 'низкорослый кустарник'; *лырга* (с пометой *диал.*) со значениями: 1) 'низкий; невысокий, приземистый' – *лырга пӧрт* 'низкий дом', *лырга (ӱлыкшӧ, кумда кутанан) каван* 'приземистый (низкий, с широким основанием) стог'; 2) 'приземистый; низкорослый и плотный по сложению (о человеке и животном)' – *лырга вате* 'приземистая женщина', *лырга ушкал* 'приземистая корова'.

Известно, что измерением вертикальной величины предмета, как и высота, является глубина. Однако она, в отличие от высоты, которая рассматривается в направлении снизу вверх, оценивается в направлении сверху вниз. **Глубина** – есть «расстояние от поверхности до дна или до какой-нибудь точки по направлению вниз» [Ожегов, 1983, с. 119; Большой толковый словарь …, 2000, с. 209], также «протяжённость, расстояние от передней, наружной стороны края внутрь до конца или до какой-л. точки» [Большой толковый словарь …, 2000, с. 209]. В марийском языке представлены названия для самой общей характеристики признака различных водоемов и других «не водных» предметов по их относительной высоте, т.е. по глубине. Самыми распространёнными из них являются ***келге*** 'глубокий' и ***таляка, куаки*** 'мелкий'.

Прилагательное ***келге*** 'глубокий' имеет следующие основные значения: 1) имеющий значительное протяжение, большую глубину от поверхности или от верхнего края до дна (о водоемах и предметах, имеющих большую глубину)' – *келге энгер* 'глубокая река', *келге пӱя* 'глубокий пруд', *келге агур* 'глубо-

кий омут', *келге таве* 'глубокий колодец', *келге корем* 'глубокий овраг', *келге каш* 'глубокая борозда', *келге лум* 'глубокий снег', *келге (мланде) лончо* 'глубокий слой (земли)', *келге кӱсен* 'глубокий карман', *келге лаче* 'глубокий пестерь', *келге пыжаш* 'глубокое гнездо', *келге талиҥга* 'глубокое блюдце', *келге куптыр* 'глубокая морщина'; 2) 'находящийся далеко от поверхности или на далёком расстоянии от края, границы чего-либо; уходящий далеко от края внутрь или в высоту' – *келге вер* 'глубокое место', *келге вож* 'глубокие корни', *(тавын) келге пундашыже* 'глубокое дно (колодца)', *келге чодыра* 'глубокий лес', *келге кава (кававундаш)* 'глубокое небо'. Значение 'имеющий большую глубину от поверхности или от верхнего края до дна; вместительный (о ёмкостях)' в иных случаях передаётся однокоренным прилагательным суффиксального образования *келгашан* 'глубокий' – *келгашан тарелка* 'глубокая тарелка', *келгашан кӱмыж* 'глубокое блюдо', *келгашан вочко* 'глубокая кадка', *келгашан вол* 'глубокое корыто', *келгашан кӱсен* 'глубокий карман'.

Нужно добавить, что в диалектах имеют место и другие однокоренные соответствия со значением 'глубокий'. Это *келгаша, келгаш* 'имеющий большую глубину' – *келгаша вынем* 'глубокая яма', *келгаша лодо* 'глубокий паз', *келгаша под* 'глубокий котёл', *келгаша кӱмыж* 'глубокое блюдо', *келгаша йыдал* 'глубокая лапоть', *келгаша упш* 'глубокая шапка'; *келгаш вӱд* 'глубокая вода', *келгаш вочко* 'глубокая кадушка'.

Антонимичное значение 'мелкий' выражается адъективными словами ***таляка*** и (менее частотным) ***куакш.*** В противоположность прилагательному *келге* 'глубокий' они оба передают значение 'неглубокий, небольшой по глубине (о водоемах и других «не водных» предметах)' – *таляка эҥер* 'мелкая речка', *таляка ер* 'мелкое озеро', *таляка вер* 'мелкое место', *таляка корем* 'неглубокий (букв. мелкий) овраг', *таляка лаке* 'неглубокая (букв. мелкая) яма', *таляка каш* 'неглубокая (букв. мелкая) борозда'; *куакш пӱя* 'мелкий пруд', *куакш вӱд* 'мелкая вода', *куакш вер* 'мелкое место', *(иксан) тӱржӧ куакш* 'берег (залива) мелкий', *куакш корем* 'неглубокий (букв. мелкий) овраг', *куакш вынем* 'неглубокая (букв. мелкая) яма', *куакш лум* 'неглубокий снег'. Более частотное прилагательное *таляка*, в отличие от *куакш*, также проявляет значение 'мелкий; с низкими краями, неглубокий, плоский, плоскодонный ' – *таляка тагына* 'неглубокое (букв. мелкое) корыто', *таляка кӱмыж* 'плоское блюдо', *таляка пуш* 'плоскодонная лодка', *таляка шляпа* 'плоская (букв. мелкая) шляпа', *таляка йыдал* 'неглубокие (букв. мелкие) лапти'.

Семантически близким к данным прилагательным является узкодиалектное слово *шаргата* 'мелкий, мелководный и каменистый; с галечным дном', вызывающее немалый интерес и по своему образованию, – *шаргата (изи, куакш, кӱэран) вӱд* 'мелководная (малая, мелкая, галечная) речка'. Скорее всего, оно произошло от существительного *шаргӱ* 'галька; гравий' посредством

субстантивного суффикса уменьшительного значения *-ата,* который одного (исконного) происхождения с аналогичным суффиксом в прилагательных *лопката* ‘широковатый’ и *лапката* ‘низковатый’ (см. выше), *кӱжгата* ‘толстоватый’ и *каҥгата* ‘тощеватый, худощавый’ (см. ниже) (об употреблении и истории суффикса см.: [Галкин, 1966, с. 21, 57]).

Толщина – «величина, протяжённость какого-нибудь предмета в поперечнике» [Ожегов, 1983, с. 712], «величина поперечного сечения чего-л.» [Большой толковый словарь …, 2000, с. 1329] (где поперечник – «размер в ширину, диаметр» [Ожегов, 1983, с. 498; Большой толковый словарь …, 2000, с. 921]). Признак предмета по его толщине в марийском языке выражается антонимичной парой достаточно частотных адъективных слов ***кӱжгӧ*** (орф. также *кӱжгӱ*) ‘толстый’ и ***вичкыж*** ‘тонкий’. Они в целом передают признак предмета по расстоянию между верхней и нижней поверхностями (в случае его горизонтального положения) и по размеру в диаметре, обхвате, окружности.

Прилагательное ***кӱжгӧ*** ‘толстый’ употребляется в следующих значениях: 1) ‘имеющий большую, значительную толщину (главным образом при горизонтальном положении предмета)’ – *кӱжгӧ ий* ‘толстый лёд’, *кӱжгӧ оҥа* ‘толстая доска’, *кӱжгӧ лончо* ‘толстый слой’, *кӱжгӧ журнал* ‘толстый журнал’, *кӱжгӧ кагаз* ‘толстая бумага’, *кӱжгӧ янда* ‘толстое стекло’; 2) ‘сделанный, изготовленный из толстого материала’ – *кӱжгӧ тувыр* ‘толстое платье’, *кӱжгӧ пиж* ‘толстые варежки’, *кӱжгӧ омса* ‘толстая дверь’; 3) ‘большой в диаметре, обхвате и окружности’ – *кӱжгӧ кож* ‘толстая ель’, *кӱжгӧ меҥге* ‘толстый столб’, *кӱжгӧ пырня* ‘толстое бревно’, *кӱжгӧ укш* ‘толстая ветка’, *кӱжгӧ пуч* ‘толстая труба’, *кӱжгӧ ӱппунем* ‘толстая коса’, *кӱжгӧ кандыра* ‘толстая веревка’; 4) ‘большой в объёме, полный, тучный, упитанный (о человеке и частях тела)’ – *кӱжгӧ айдеме* ‘толстый человек’, *кӱжгӧ вате* ‘толстая женщина’, *кӱжгӧ капан (капкылан)* ‘с толстым телом, толстотелый’, *кӱжгӧ тӱрван* ‘с толстыми губами, толстогубый’.

Неполнота качества признака ‘толстый’ может передаваться формой *кӱжгата* ‘толстоватый; слегка, несколько толстый’, образованной от основы вышерассмотренного прилагательного посредством суффикса *-ата.* Однако в источниках примеров на неё встречается совсем немного, и они все связаны с признаком предмета по его диаметру, обхвату: *кӱжгата пушеҥге* ‘толстоватое дерево’, *кӱжгата тоя* ‘толстоватая палка’; *кӱжгата ӱдырамаш* ‘толстоватая женщина’, *кӱжгата пӧръеҥ* ‘толстоватый мужчина’.

В значении ‘большой в объёме, обхвате, диаметре’ (чаще всего о человеке и частях тела) с *кӱжгӧ* и *кӱжгата* сближается немало прилагательных. В зависимости от происхождения, словообразовательной модели и общей семантики они приобретают собственные смысловые оттенки. Некоторые из них: *топката* в значениях ‘крепкий; крепкого, плотного сложения, упитанный, здоровый’

и ‘толстый; солидной толщины’ – *топката туп-вачан* ‘с крепкими плечами’, *топката капан* ‘крепкого телосложения’, *топката ӱдырамаш* ‘плотная женщина’ и *топката кедр* ‘толстый кедр’; *лӧза* ‘полный, плотный, круглый’ – *лӧза капан (капкылан, могыран)* ‘полного телосложения, полнотелый’, *лӧза чурий (чурийвылыш)* ‘полное лицо’, *лӧза тӱрвӧ* ‘полные губы’, *лӧза айдеме* ‘полный человек’, *лӧза ӱдырамаш* ‘полная женщина’; *лӧзгата* ‘пышный, пышненький; полный, полненький; плотный, плотненький; округлой формы (о фигуре)’ – (единичные примеры:) *лӧзгата ӱдыр* ‘пышная девушка’; *лӧчката* ‘полный, полненький; круглый, кругленький; плотный, тучный’ – *лӧчката шӱрган (шӱргывылышан)* ‘круглолицый, с кругленьким лицом’, *лӧчката капан (капкылан, могыран)* ‘полнотелый, полного телосложения’, *лӧчката вате* ‘полная женщина’; *лӧчка* ‘полный, круглый, толстый’ – *лӧчка чуриян (шӱрган)* ‘круглолицый, с круглым лицом’, *лӧчка тӱрвӧ* ‘полные губы’, *лӧчка кыдалан* ‘с полной талией’, *лӧчка ӱдырамаш* ‘полная женщина’; *чока* ‘плотный, полный; пухлый’ – *чока чурий (шӱргӧ)* ‘полное лицо’, *чока кид* ‘полные (пухлые) руки’, *чока шӱй* ‘полная шея’, *чока капан (капкылан, могыран)* ‘плотного телосложения’, *чока кыдалан (ӱдырамаш)* ‘с полной талией (женщина)’, *чока марий* ‘плотный мужчина’; *таза* ‘здоровый; полный, упитанный, толстый’ – *таза капкылан (рвезе)* ‘здорового телосложения (парень)’, *(каван гай) таза капан (марий)* ‘полнотелый (как стог) (мужчина)’, *(кугу капан) таза айдеме* ‘(высокого роста) полный человек’, *(шкеж гаяк) таза вате* ‘полная (как и сам) женщина’; *коя* ‘жирный; толстый, тучный, упитанный, полный (о человеке и животных)’ – *коя еҥ* ‘жирный человек’, *коя вате (ӱдырамаш)* ‘жирная женщина’, *коя кап* ‘жирное тело’, *коя пырыс* ‘жирный кот’, *коя маска* ‘жирный медведь’, *коя комбо* ‘жирная гусь’, *коя кол* ‘жирная рыба’; *начката* ‘полный, пухлый’ – (редкие примеры:) *начката шӱргӧ (чурийвылыш)* ‘полное лицо’, *начката кид* ‘полные руки’, *начката вате* ‘полная женщина’ и некоторые другие. Как показывают примеры, многие из них определяют имена существительные, обозначающие человека и части его тела (отдельные – животных), и выражают их большой размер в обхвате, тучность, упитанность. Выявлены единичные примеры на прилагательные *топыра* ‘кряжистый, толстый, крепкий’ и (с пометой *уст.*) *топырма* ‘толстый, плотный, сильный’, содержащие в своем лексическом значении и компонент ‘толстый’ в отношении размера растений и человека – *топыра куэ-влак* ‘кряжистые берёзы’, *топырма еҥ* ‘плотный человек’.

Антонимом к слову *кӱжгӧ* ‘толстый’ является прежде всего прилагательное ***вичкыж*** ‘тонкий’. Оно выражает в целом те же (однако противоположные) значения, что и *кӱжгӧ.* Они следующие: 1) ‘нетолстый, имеющий небольшую толщину (главным образом при горизонтальном положении предмета)’ – *вичкыж ий* ‘тонкий лёд’, *вичкыж альбом* ‘тонкий альбом’, *вичкыж коман (книга)* ‘(книга) с тонкой обложкой’, *вичкыж янда* ‘тонкое стекло’, *вичкыж лум* ‘тон-

кий снег’, *вичкыж лышташ* ‘тонкий лист’, *вичкыж когыльо* ‘тонкий пирог’, *вичкыж лашка* ‘тонкая лапша’, *вичкыж вынер* ‘тонкий холст’, *вичкыж пырдыж* ‘тонкая стена’; 2) ‘сделанный, изготовленный из нетолстого материала’ – *вичкыж плате* ‘тонкое платье’, *вичкыж пальто* ‘тонкое пальто’, *вичкыж шовыч* ‘тонкий платок’, *вичкыж стакан* ‘тонкий стакан’; 3) ‘небольшой в диаметре, обхвате и окружности’ – *вичкыж куэ* ‘тонкая береза’, *вичкыж укш* ‘тонкая ветка’, *вичкыж пырня* ‘тонкое бревно’, *вичкыж тоя* ‘тонкая палка’, *вичкыж керем* ‘тонкая веревка’, *вичкыж име* ‘тонкая игла’, *вичкыж вӱргорно* ‘тонкие кровеносные сосуды’; 4) ‘худой, тощий, узкий в костях (о человеке и частях тела)’ – *вичкыж вате* ‘тонкая женщина’, *вичкыж марий* ‘тонкий мужчина’, *вичкыж ӱдыр* ‘тонкая девушка’, *вичкыж капан (капкылан)* ‘с тонким телом’, *вичкыж кыдалан* ‘с тонкой талией’, *вичкыж шӱргывылышан* ‘с тонким лицом’, *вичкыж нер* ‘тонкий нос’, *вичкыж йолан* ‘с тонкими ногами, тонконогий’, *вичкыж кид* ‘тонкие руки’, *вичкыж шӱй* ‘тонкая шея’.

Последнее значение ‘худой, тощий, узкий в костях (о человеке и частях тела)’ может быть выражено в литературном языке рядом других прилагательных (правда, некоторые из них обнаруживают в себе названный признак и по отношению к животным). Такими являются: (наиболее частотное) *канга* ‘тощий, худой, худощавый, сухопарый (о человеке и частях тела, о животных)’ – *канга йоча* ‘тощий ребёнок’, *канга марий* ‘тощий мужчина’, *канга капан (капкылан)* ‘худощавого телосложения’, *канга йол* ‘худые ноги’, *канга чурий (чурийвылыш)* ‘худое лицо’; *канга вольык* ‘тощий скот’, *канга имне* ‘тощая лошадь’, *канга мераҥ* ‘тощий заяц’; (редко встречающаяся форма неполноты качества с суффиксом *-ата*) *канґата* ‘тощеватый, худощавый (о человеке и частях тела)’ – *канґата еҥ* ‘худощавый человек’, *канґата кува* ‘худощавая старуха’, *канґата рвезе* ‘худощавый парень’, *канґата капан (капкылан)* ‘худощавого телосложения’, *канґата вече* ‘худощавые плечи’; *явык* и (заметно реже) *явыге* ‘тощий, худой, худощавый, сухощавый, сухопарый, хилый (о человеке и частях тела, о животных)’ – *явык еҥ* ‘худой человек’, *явык марий* ‘худой мужчина’, *явык капан (ӱдырамаш)* ‘худощавого телосложения (женщина)’, *явык шӱрган (чуриян)* ‘с худым лицом’, *явык вӱльӧ* ‘тощая кобыла’, *явык презе* ‘тощий теленок’, *явык пий* ‘тощая собака’; *явыге чурий* ‘худое лицо’, *явыге вольык* ‘тощий скот’, *явыге имне* ‘тощая лошадь’; *какший* ‘тощий, худой; худощавый, сухопарый’ – *какший еҥ* ‘тощий человек’, *какший рвезе* ‘тощий парень’, *какший капан (капкылан)* ‘худощавого телосложения’, *какший туп-вачан* ‘с худыми плечами’, *какший шӱргывылышан (чурийвылышан)* ‘с худым лицом’.

С прилагательным *вичкыж* ‘тонкий’ семантически, в своем аналогичном или близком значении, в той или иной мере пересекаются многочисленные диалектные слова. В Словаре более всего «синонимов» (со своими семанти-

ческими оттенками) выявляется также к последнему значению ‘худой, тощий, узкий в костях (о человеке и иногда частях тела, о животных)’: *арам* ‘худой, тощий’ – *арам (начар пеш, изи) аза* ‘худой (очень слабый, маленький) ребёнок’; *йычыл-ючыл* ‘тонкий, тощий, худой, хилый и длинный’ – *йычыл-ючыл парня-влак* ‘тонкие длинные пальцы’; *йычыл-ячыл* ‘худощавый, худой, хилый, тощий и высокий; долговязый’ – *йычыл-ячыл (вичкыж-кужу) капан* ‘долговязого (худого и высокого) телосложения’; *канғыла (канғыра)* ‘тощий, худой, худощавый, сухой, сухощавый (о человеке и животных)’ – *канғыла еҥ* ‘худощавый человек’, *канғыла (явык) имне* ‘худая (тощая) лошадь’, *канғыра (кукшо) ушкал* ‘тощая (худая) корова’; *коптыра* ‘худой, худощавый, сухой, сухощавый, тощий (о человеке и животных)’ – *коптыра вате* ‘худая женщина’, *коптыра вӱльӧ* ‘худая кобыла’; *кӧпшака (копшака, копшик)* ‘худой, худощавый, сухой, сухощавый, тощий, тощеватый, хилый, слабый (о человеке и животных)’ – *кӧпшака (копшик) еҥ* ‘тощий человек’, *кӧпшака (копшака) вольык* ‘тощий скот’; *пуний* ‘тощий; очень худой (о человеке)’ – *пеш пуний лийын* ‘стал очень тощим’; *чарлай* ‘тощий, худой’ – *чарлай еҥ* ‘тощий человек’; *эксек* ‘худой, сухощавый, тощий’ – *эксек айдеме* ‘худой человек’. Также ряд схожих или близких по значению местных слов содержится в Словаре к значению ‘небольшой в диаметре, обхвате и окружности’: *йопцака* ‘тонкий; небольшой в поперечнике, в диаметре, в обхвате’ – *йопцака вуян (выцкыж муцашан) пушеҥге* ‘дерево с тонкой верхушкой (с тонким концом)’; *йорпик* ‘тонкий’ – *йорпик укш* ‘тонкий сучок’, *йорпик вуян пушеҥге* ‘дерево с тонкой вершиной’; *йывыждик* ‘узкий, тонкий (о макушке, верхушке чего-либо)’ – *йывыждик (вичкыж) мучашан кож* ‘ель с узкой (тонкой) верхушкой’; *йыпшык* ‘тонкий; небольшой в ширину, в обхвате’ – *йыпшык мучашан сола* ‘кнут с тонким концом’, *йыпшык (изи) вуян уржа* ‘рожь с тонкими (маленькими) колосьями’; *шучка* ‘тонкий; небольшой в поперечнике, диаметре, обхвате’ – *шучка шӱртӧ* ‘тонкая нитка’, *шучка кандыра* ‘тонкая верёвка’. Только диалектное слово *ланчака* ‘тонкий, нетолстый (о блинах)’: *ланчака мелна* ‘тонкий блин’ – соотносится с первым значением слова *вичкыж* ‘нетолстый, имеющий небольшую толщину (в случаях горизонтального положения предмета)’. Отдельные диалектные слова сближаются с литературным прилагательным *вичкыж* ‘тонкий’ в его значениях ‘небольшой в диаметре, обхвате и окружности’ и ‘худой, тощий, узкий в костях (о человеке и животных)’. Такими являются прилагательные: *йычыла* ‘длинный и тонкий, высокий и тонкий’ и ‘долговязый; высокий и худой (о человеке); худощавый; худой, тощий, хилый’ – *йычыла (вичкыж, кужу) пушеҥге* ‘высокое и тонкое (тонкое, длинное) дерево’), *йычыла ӱдыр* ‘долговязая девочка’, *йычыла (вичкыж йолан, вичкыж могыран, вичкыж шӱян) имне* ‘худощавая (с тонкими ногами, тонким телом, тонкой шеей) лошадь’ (ср. выше *йычыл-ючыл* ‘тонкий, тощий, худой, хилый и длинный’ и *йычыл-ячыл* ‘худо-

щавый, худой, хилый, тощий и высокий; долговязый’); *казьыра* ‘тонкий; не толстый в поперечнике, небольшой в окружности’ и ‘тонкий; худой, тощий, хилый, слабый, немощный (о животных)’ – *казьыра (вичкыж) кандыра* ‘тонкая верёвка’, *казьыра (вичкыж йолан, патыр огыл, ӱнарже уке) имне* ‘худая (тонконогая, слабая, бессильная) лошадь’.

В языке представлены прилагательные для выражения признака предмета не только по какому-нибудь отдельно взятому «размерному» параметру, но и **по размеру, величине в целом**. К ним можно отнести прежде всего адъективные слова ***шолдыра*** ‘крупный’ и ***тыгыде*** ‘мелкий’, ***кугу*** ‘большой’ и ***изи*** ‘маленький’, передающие значения ‘большой’ и ‘небольшой, маленький’ вообще.

Прилагательное ***шолдыра*** ‘крупный’ обладает следующими значениями: 1) ‘имеющий большие размеры, большую величину, большой объём’ – *шолдыра муно* ‘крупное яйцо’, *шолдыра пареҥге* ‘крупный картофель’, *шолдыра пӧчыж* ‘крупная брусника’, *шолдыра пырче* ‘крупное зерно’, *шолдыра нӧшмӧ* ‘крупные семена’, *шолдыра буква* ‘крупная буква’, *шолдыра вӱдтолкын* ‘крупная волна’, *шолдыра тумо* ‘большой (букв. крупный) дуб’, *шолдыра пӧръеҥ* ‘крупный мужчина’, *шолдыра вольык* ‘крупный скот’, *шолдыра янлык* ‘крупный зверь’, *шолдыра кол* ‘крупная рыба’; 2) ‘состоящий из больших по величине однородных частиц или из отдельных элементов большого размера (о массе вещества или совокупности однородных предметов)’ – *шолдыра йӱр* ‘крупный дождь’, *шолдыра лум* ‘крупный снег’, *шолдыра шинчавӱд* ‘крупные слезы’, *шолдыра шӱраш* ‘крупная крупа’, *шолдыра шинчал* ‘крупная соль’; *шолдыра пӱнчер* ‘крупный сосновый бор’, *шолдыра куэрла* ‘крупный березняк’. Согласно материалам источников, подобный предметный признак ‘крупный’ иногда (примеров немного) передаётся прилагательным *пӧдыра – пӧдыра йӱр пырче* ‘крупные капли дождя’, *пӧдыра снеге* ‘крупная земляника’, *пӧдыра муно* ‘крупное яйцо’, *пӧдыра пеледыш* ‘крупный цветок’.

В диалектах присутствует некоторый ряд таких признаковых слов (со своими оттенками значения), выражающих крупность определяемого предмета: *полдыра* ‘крупный, большой’ – *полдыра пырче* ‘крупное зерно’; *чодыра* ‘крупный; толстый и высокий, большой’ – *чодыра (кугу, кӱжгӱ) пушеҥге* ‘крупное (высокое, толстое) дерево’, *чодыра пырня* ‘крупное бревно’; *йожга* ‘крупный; состоящий из элементов большого размера; грубый’ – *йожга ложаш* ‘крупная мука (грубого помола)’, *йожга шинчал* ‘крупная соль’; *коптыра* ‘крупный, крупнозернистый; состоящий из больших крупных зёрен’ – *коптыра лум* ‘крупный снег’; *люптыра* ‘крупный, большой, тяжёлый’ – *люптыра лум* ‘крупный снег, крупные хлопья снега’. В Словаре зафиксировано как устаревшее прилагательное *кӧлдӧр* ‘крупный, массивный, тяжеловесный, крупнокостный’ – *кӧлдӧр луан (пӧръеҥ)* ‘крупнокостный (мужчина)’, *каплан кӧлдӧр* ‘телом крупный’.

Предметный признак ‘мелкий’ передаётся главным образом прилагательным ***тыгыде***, имеющим довольно частое употребление в речи. Данное адъективное слово проявляет следующие значения: 1) ‘небольшой, незначительный по величине, объёму, размеру’ – *тыгыде муно* ‘мелкое яйцо’, *тыгыде кӱ* ‘мелкий камень’, *тыгыде шер* ‘мелкие бусы’, *тыгыде окса* ‘мелкие монеты’, *тыгыде буква* ‘мелкие буквы’, *тыгыде куптыр* ‘мелкие морщины’, *тыгыде пырня* ‘небольшое бревно’, *тыгыде вошты̄р* ‘мелкий прут’, *тыгыде пеледыш* ‘мелкие цветы’, *тыгыде кол* ‘мелкая рыба’, *тыгыде шыӊга* ‘мелкие комары, мошки’; 2) ‘состоящий из малых по величине однородных частиц или из отдельных предметов малой величины’ – *тыгыде ошма* ‘мелкий песок’, *тыгыде йӱр* ‘мелкий дождь’, *тыгыде чӱнча* ‘мелкая сыпь’, *тыгыде арвер* ‘мелкие вещи’, *тыгыде вондер* ‘мелкий кустарник’, *тыгыде кожер(ла)* ‘мелкий ельник’, *тыгыде вольык* ‘мелкий скот’.

В разговорной речи в качестве синонима к первому значению *тыгыде* ‘небольшой, незначительный по величине, объёму, размеру’ могут выступать такие редко употребляемые (по образованию в основном парные) адъективные слова, как: *тыгыде-тагыде, тыгыде-магыде* ‘мелкий, незначительный по величине, размерам’ – *тыгыде-тагыде сату* ‘мелкий товар’, *тыгыде-тагыде вондер* ‘мелкий кустарник’, *тыгыде-тагыде вольык* ‘мелкий скот’, *тыгыде-тагыде кайык* ‘мелкие птицы’; *тыгыде-магыде книга-влак* ‘маленькие (букв. мелкие) книги’, *тыгыде-магыде вургем* ‘мелкая одежда’, *тыгыде-магыде явала (ӱзгар)* ‘мелкие предметы’, *тыгыде-магыде пу* ‘мелкие дрова’; *кыдыр-мадыр, кызыр-мазыр* ‘мелкий ’ – *кыдыр-мадыр пундыш* ‘мелкие пни’, *кыдыр-мадыр укш* ‘мелкие ветки’; *кызырий* ‘мелкий, маленький’ – *кызырий снеге* ‘мелкая земляника’; последнее из приведенных слов встречается в диалектах в виде *кызыра* ‘мелкий’ – *кызыра пареӊге* ‘мелкая картошка’.

Одним из самых широкоупотребительных слов в марийском языке является многозначное прилагательное ***кугу*** ‘большой’. В Словаре у него выделено 23 значения [Словарь марийского языка, 1994, т. 3, с. 77–79], при этом на первое место поставлено значение ‘большой; значительный по размерам, по величине, силе’. По материалам источника (в первую очередь Корпуса), *кугу* обладает двумя основными «размерными» значениями: 1) ‘большой (вообще); значительный по величине, объёму, размеру’ – *кугу пӧрт* ‘большой дом’, *кугу пӧлем* ‘большая комната’, *кугу вӱта* ‘большой хлев’, *кугу ате* ‘большая посуда’, *кугу вочко* ‘большая кадка’, *кугу ӱстел* ‘большой стол’, *кугу пушеӊге* ‘большое дерево’, *кугу каван* ‘большой стог’, *кугу теӊыз* ‘большое море’, *кугу олык* ‘большой луг’, *кугу кудывече* ‘большой двор’, *кугу кава* ‘большое небо’, *кугу тӱня* ‘большой мир’, *кугу ола* ‘большой город’, *кугу чодыра* ‘большой лес’, *кугу вольык* ‘крупный (букв. большой) скот’, *кугу маска* ‘большой медведь’, *кугу кайык* ‘большая птица’, *кугу кол* ‘большая рыба’, *кугу (кӱ) мо-*

клака ‘большой кусок (камня)’, *кугу (лум) чумырка* ‘большой (снежный) ком’; 2) ‘большой (по высоте); высокий, высокого роста, рослый’ – *кугу (таза) пӧръеҥ* ‘высокий (плотный) мужчина’, *кугу капан (капкылан)* ‘высокого (букв. большого) роста’, *кугу таганан (ката)* ‘на высоких каблуках (ботинки)’, *кугу курык* ‘большая гора’, *кугу арка* ‘высокий (букв. большой) холм’, *кугу вӱдтолкын* ‘большая волна’.

В иных случаях в зависимости от контекста, прежде всего от семантики определяемого существительного, прилагательное *кугу* проявляет более «узкое» значение – выражает предметный признак ‘значительный’ по одному из вышерассмотренных размерных параметров: 1) большой (по ширине), широкий – *кугу корно* ‘большая дорога’, *кугу урем* ‘большая улица’, *кугу коридор* ‘большой коридор’, *кугу олымбал* ‘большая лавка’; 2) большой (по глубине), глубокий – *кугу вынем*, *кугу лаке* ‘большая яма’, *кугу корем* ‘глубокий (букв. большой) овраг’; 3) большой (по длине, протяжённости), длинный – *кугу ийсӱс* ‘большая сосулька’, *кугу кӱзӧ* ‘большой нож’, *кугу пондо* ‘большая палка’, *кугу черет* ‘большая очередь’; 4) большой (по толщине), толстый – *кугу лум петырен* ‘толстый слой снега (букв. большой снег) закрыл’, *кугу лум гоч ошкылаш* ‘идти по глубокому (букв. большому) снегу’. Понятно, что в подобных случаях прилагательное *кугу* ‘большой’ вполне может быть заменено соответствующими, синонимичными в данных значениях, прилагательными размера: *кугу – кумда* ‘широкий’, *кугу – келге* ‘глубокий’, *кугу – кужу* ‘длинный’, *кугу – кӱжгӧ* ‘толстый’. Такие пары синонимов определяют преимущественно одни и те же существительные.

Следует отметить, что в художественной речи синонимом к *кугу* в его употреблении в качестве атрибута при существительных, обозначающих человека, отдельные части его тела и также характерные деревья, изредка выступает суффиксальное прилагательное *онарле* ‘богатырский, -богатырь, -великан; высокого роста, крепкого телосложения, также большой физической силы, стойкости (о человеке); большого роста, с крепким толстым стволом (о деревьях)’ (< *онар* ‘богатырь, великан’ + адъективный суффикс *-ле*) – *онарле айдеме* ‘человек-богатырь’, *онарле каче* ‘жених-богатырь’, *онарле калык* ‘народ-богатырь’, *онарле капкылан (капан)* ‘богатырского телосложения’, *онарле пушеҥге* ‘богатырское дерево’, *онарле тумо* ‘богатырский дуб’.

В языке, также главным образом в художественной речи, используется ряд производных прилагательных (суффиксальных, префиксально-суффиксальных и сложных образований), выражающих признак предмета как бесконечно далеко простирающегося в пространстве, в местности. Наиболее частотными из них являются прилагательные *мучашдыме* ‘бесконечный; такой, который без конца, без предела (в пространстве)’ (*мучаш* ‘конец’ + каритивный адъективный суффикс *-дыме*) – *мучашдыме тӱня* ‘бесконечный мир’, *мучашдыме*

кава ‘бесконечное небо’, *мучашдыме чодыра* ‘бесконечный лес’, *мучашдыме пасу* ‘бесконечное поле’, *мучашдыме теҥыз* ‘бесконечное море’, *мучашдыме корно* ‘бесконечная дорога’); *нимучашдыме* ‘бесконечный, бескрайний’ (< префикс *ни-* усилительного отрицательного значения + *мучаш* ‘конец’ + суффикс *-дыме*) – *нимучашдыме сандалык* ‘бесконечная вселенная’, *нимучашдыме тӱня* ‘бесконечный мир’, *нимучашдыме кава* ‘бесконечное небо’, *нимучашдыме пӱнчер* ‘бесконечный сосновый бор’, *нимучашдыме куп* ‘бесконечное болото’, *нимучашдыме олык* ‘бескрайние луга’, *нимучашдыме корно* ‘бесконечная дорога’. Наблюдаются немногочисленные примеры и других подобных по образованию синонимичных слов: *тӱрдымӧ* ‘бескрайний, бесконечный, безграничный’ (< *тӱр* ‘край’ + суффикс *-дымӧ*) – *тӱрдымӧ мланде* ‘бескрайняя земля’, *тӱрдымӧ корно* ‘бескрайняя дорога’, *тӱрдымӧ пыл-влак* ‘бесконечные облака’, *тӱрдымӧ пӱртӱс* ‘безграничная природа’; *тӱрдымӧ-мучашдыме* ‘бесконечный, бескрайний, безграничный, беспредельный’, букв. ‘бескрайний-бесконечный’ (< *тӱр* ‘край’ + суффикс *-дымӧ* и *мучаш* ‘конец’ + суффикс *-дыме*) – *тӱрдымӧ-мучашдыме тӱня* ‘бескрайний мир’, *тӱрдымӧ-мучашдыме эл* ‘бескрайняя страна’, *тӱрдымӧ-мучашдыме чодыра* ‘бескрайний лес’, *тӱрдымӧ-мучашдыме пасу* ‘бескрайнее поле’; *тӱҥалтышдыме-мучашдыме* ‘бесконечный, бескрайний’, букв. ‘безначальный-бесконечный’ – *тӱҥалтышдыме-мучашдыме кава* ‘бескрайнее небо’, *тӱҥалтышдыме-мучашдыме чодыра* ‘бесконечный лес’, *тӱҥалтышдыме-мучашдыме корно* ‘бескрайняя дорога’; *мучашдыме-тӱҥалтышдыме* ‘бесконечный, бескрайний’, букв. ‘бесконечный-безначальный’ – *мучашдыме-тӱҥалтышдыме пылвомыш* ‘бескрайнее небо’.

Антонимичное к *кугу* ‘большой’ прилагательное ***изи*** ‘маленький’, согласно Словарю, имеет меньше значений (выделено 11 пунктов) [Словарь марийского языка, 1992, т. 2, с. 20–21], также намного меньше примеров с ним содержится в Корпусе. Однако, как и *кугу*, *изи* ‘маленький’ обладает двумя основными значениями: 1) ‘маленький (вообще); небольшой по величине, объёму, размеру’ – *изи пӧрт* ‘маленький дом’, *изи кыдеж* ‘маленькая комната’, *изи автобус* ‘маленький автобус’, *изи ате* ‘маленькая посуда’, *изи ведра* ‘маленькое ведро’, *изи пуш* ‘маленькая лодка’, *изи теҥгыл* ‘маленькая скамейка’, *изи конга* ‘маленькая печка’, *изи омса* ‘маленькая дверь’, *изи кӱпчык* ‘маленькая подушка’, *изи кож* ‘маленькая ёлочка’, *изи корно* ‘маленькая дорожка’, *изи энер* ‘маленькая речка’, *изи алан* ‘маленькая поляна’, *изи ял* ‘маленькая деревня’, *изи кид* ‘маленькие ручки’, *изи кол* ‘маленькая рыбка’, *изи кайык* ‘маленькая птичка’; 2) ‘маленький, небольшой (по высоте); низкий, низкого роста, низкорослый, малорослый, короткий’ – *изи курык* ‘маленькая горка’, *изи кӱкшака* ‘небольшая (букв. маленькая) возвышенность’; *изи вате (ӱдырамаш)* ‘низкорослая (букв. маленькая) женщина’, *изи капан (капкылан)* ‘низкого роста’, *изи алаша* ‘низ-

корослый (букв. маленький) мерин’, *изи пий* ‘маленькая собачка’, *изи агытан* ‘маленький петух’. В редких случаях (при именах существительных определенного значения) *изи* ‘маленький’, подобно прилагательному *кугу*, может выражать «размерный» признак ‘маленький’ не вообще, а только по какому-либо одному признаку, а именно: ‘маленький (по ширине), узкий’ – *изи йолгорно* ‘узкая (букв. маленькая) тропинка’, *изи коридор* ‘узкий (букв. маленький) коридор’, *изи вече* ‘узкие (букв. маленькие) плечи’; ‘маленький (по глубине); мелкий, неглубокий’ – *изи корем* ‘неглубокий (букв. маленький) овраг’, *изи лаке* ‘маленькая ямка’; ‘маленький (по длине, протяжённости); короткий’ – *изи кандыра* ‘маленькая веревка’, *изи пангa* ‘маленькая палочка’; ‘маленький, незначительный (по толщине); тонкий’ – *изи лум йымалне – ий* ‘под небольшим слоем снега – лёд’, букв. ‘под маленьким снегом – лёд’.

Некоторые другие прилагательные со значением ‘маленький’, т.е. синонимы к *изи*, употребляются в разговорной речи. Чаще других встречается прилагательное *пачката* ‘малюсенький, маленький (главным образом о живых предметах)’ – *пачката аза (икшыве)* ‘маленький ребёнок’, *пачката ӱдыр* ‘маленькая девочка’, *пачката кап (капкыл)* ‘маленькое тело’, *пачката пий* ‘маленькая собачка’, *пачката пача* ‘маленький ягнёнок’, *пачката янлык* ‘маленький зверёк’, *пачката чывиге* ‘маленький цыплёнок’, *пачката мӱкш* ‘маленькая пчела’, а также *пачката пыл* ‘маленькое облачко’; (изредка:) *паярка* ‘маленький, малюсенький (о живых и неживых предметах)’ – *паярка икшыве* ‘маленький ребёнок’, *паярка эрге* ‘маленький сын’, *паярка кайыкиге* ‘маленький птенец’, *паярка анa* ‘маленький участок земли’, *паярка (янда) ате* ‘маленький (стеклянный) флакончик’; *пырчык-парчык, пырче-парче* ‘мелкий, маленький, небольшой; состоящий из мелких частей’ – *пырчык-парчык анa-влак* ‘мелкие участки (земли)’, *пырчык-парчык вургем* ‘мелкая одежда’, *пырче-парче пасу-влак* ‘маленькие поля’. В Словаре-источнике адъективные слова помечены как диалектные: *кӓнтӓй* ‘маленький; небольшой по размерам, объёму, величине, высоте’ – *пийышт кӓнтӓй гына* ‘собака у них очень маленькая’; *тарката* ‘(несколько) маленький; небольшой’ – *тарката ведра* ‘маленькое ведро’, *тарката самовар* ‘маленький самовар’, *тарката кӱмыж* ‘маленькое блюдо’.

Заключение

На основе анализа и систематизации материала источников устанавливается ряд лексико-семантических групп марийских качественных имен прилагательных, выражающих признак предмета по его размерам. Они включают два и (чаще всего) более основных признаковых лексических единиц, обозначающих определенный размер предмета. Адъективные единицы в группах находятся, как правило, в антонимических отношениях, так как передают полярные проявления признака предмета. Если же в группе более двух лексем, то некоторые из них, а именно выражающие одну и ту же из протяженностей,

(в нескольких значениях или иногда в одном из своих значений) будут по отношению друг к другу синонимами.

Прилагательные, обозначающие «размерный» признак, в зависимости от того, какую протяженность предмета определяют, делятся на следующие группы: 1) выражающие признак предмета по его длине: *кужу* ‘длинный’ – *кӱчык* ‘короткий’; 2) выражающие признак предмета по его ширине: *кумда*, *лопка* ‘широкий’, также *лоптыра* ‘неаккуратный, неуклюжий, расплывчатый (широкий и низкий, маленький и толстый)’ – *аҥысыр* ‘узкий, неширокий’; также (условно) *йоҥгыдо* ‘просторный’, *йоҥгата*, *йоҥго* ‘просторный; вместительный, не тесный’ – *шыгыр* ‘тесный, узкий’; 3) выражающие признак предмета по его высоте: *кӱкшӧ* (орф. также *кӱкшӱ*) ‘высокий’ – *лапка, ӱлыкшӧ* ‘низкий’, также: *ладыра* ‘приземистый; малорослый и плотный по сложению (о человеке и животном)’, *лаптыра* ‘приземистый; маленький, низкий, низкорослый’, *лыптырий* ‘низкорослый, малорослый, низкий’, *лочо* ‘маленький по росту, низкорослый, малорослый’; 4) выражающие признак предмета по его глубине: *келге*, также *келгашан* ‘глубокий’ – *таляка, куакш* ‘мелкий’; 5) выражающие признак предмета по его толщине: *кӱжгӧ* (орф. также *кӱжгӱ*) ‘толстый’, также: *топката* ‘крепкий; крепкого, плотного сложения, упитанный, здоровый’ и ‘толстый; солидной толщины’, *лӧза* ‘полный, плотный, круглый’, *лӧзгата* ‘пышный, пышненький; полный, полненький; плотный, плотненький; округлой формы (о фигуре)’, *лӧчката* ‘полный, полненький; круглый, кругленький; плотный, тучный’, *лӧчка* ‘полный, круглый, толстый’, *чока* ‘плотный, полный; пухлый’, *таза* ‘здоровый; полный, упитанный, толстый’, *коя* ‘жирный; толстый, тучный, упитанный, полный (о человеке и животных)’; *начката* ‘полный, пухлый’ – *вичкыж* ‘тонкий’; также: *канга* ‘тощий, худой, сухопарый (о человеке и частях тела, о животных)’, *явык* и (в редких случаях) *явыге* ‘тощий, худой, худощавый, сухощавый, сухопарый, хилый (о человеке и частях тела, о животных)’, *какший* ‘тощий, худой; худощавый, сухопарый’; 6) выражающие признак предмета по его размеру, величине в целом: *шолдыра* ‘крупный’ – *тыгыде* ‘мелкий’, *кугу* ‘большой’ – *изи* ‘маленький’.

Некоторые прилагательные размера могут принимать форму неполноты качества, присоединяя к себе суффиксы *-ата* или *-ака.* Такими являются: из широко распространённых – *лопката* ‘широковатый, толстоватый’, *лапката* ‘низковатый’, *кӱжгата* ‘толстоватый’, *канҥата* ‘тощеватый, худощавый’; *кужака* ‘длинноватый, продолговатый’, *кӱкшака* ‘высоковатый’; из реже (и редко) встречающихся, в т.ч. разговорных и диалектных, – *йоҥгата* ‘просторный’ (ср. *йоҥго* ‘тж’), *ларката* ‘низкий, низкорослый, коренастый’ (ср. *лырга* диал. ‘низкий; невысокий, приземистый; низкорослый и плотный по сложению (о человеке или животном)’, *лӧзгата* ‘пышненький, полненький, плотненький; округлой формы (о фигуре)’ (ср. *лӧза* ‘полный, плотный, круг-

лый’), *лӧчката* ‘полненький, кругленький, плотный, тучный’ (ср. *лӧчка* ‘полный, круглый, толстый’), *начката* ‘полный, пухлый’ (ср. *шӱргы**начка*** ‘щёки’), возможно, также *топката* ‘крепкий, плотный, упитанный, здоровый’, *пачката* разг. ‘малюсенький, маленький (о живых предметах)’ и *тарката* диал. ‘коротковатый, недлинный; (несколько) маленький’; *ӧзырка* диал. ‘высокий, высокого роста (о человеке)’ (ср. *ӧзӧр* диал. ‘тж’), *кӧпшака, копшака* диал. ‘худощавый, сухощавый, тощеватый, хилый, слабый (о человеке и животных)’ (ср. *копшик* диал. ‘худой, сухой, тощий, хилый (о человеке, скотине)’, *ланчака* диал. ‘тонкий, нетолстый (о блинах)’, также ‘слабый, бессильный; вялый, медлительный’ (ср. ***ланч***ыргаш, -ем диал. ‘слабеть, обессилевать’), возможно, *паярка* разг. ‘маленький, малюсенький (о живых и неживых предметах)’ и *йопцака* диал. ‘тонкий; небольшой в поперечнике, диаметре, обхвате’. Такие формы употребляются не часто, обозначают неполное проявление признака, названного в основе слова.

Привлекают внимание синонимические отношения между описываемыми адъективными словами. Причем в таких отношениях находятся прилагательные, относящиеся не только к одной и той же лексико-семантической подгруппе (они представлены в тексте выше), но и к совершенно разным семантическим группам. Последнее происходит в тех случаях, когда в известной мере пересекаются их отдельные лексические значения и употребление с некоторыми определяемыми именами существительными. Например, прилагательное *кужу* ‘длинный’ сближается с прилагательными, выражающими значение ‘высокий, высокого роста’: *кӱкшӧ* ‘высокий’, *кугу* ‘большой (по высоте)’. Прилагательное *кӱчык* ‘короткий’ в своем значении ‘невысокий, низкий, низкорослый’ выступает синонимом к *ӱлыкшӧ* ‘низкий’, *лапката* ‘низковатый’, *изи* ‘маленький (по высоте)’. Являются синонимичными в случаях передачи значения ‘широкий; большой по ширине’ прилагательные *кумда, лопка* ‘широкий’ и *кугу* ‘большой (по ширине)’, а противоположного значения ‘узкий; небольшой, маленький по ширине’ – *аҥысыр* ‘узкий, неширокий’ и *изи* ‘маленький (по ширине)’. То же самое наблюдается и с прилагательными: *келге* ‘глубокий’ и *кугу* ‘большой (по глубине), глубокий’, с одной стороны, и *таляка, куакш* ‘мелкий, неглубокий’ и *изи* ‘маленький (по глубине) – с другой; мелкий, неглубокий’; соответственно, *кӱжгӧ* ‘толстый’ и *кугу* ‘большой (по толщине), толстый’, с одной стороны, и *вичкыж* ‘тонкий’ и *изи* ‘маленький, незначительный (по толщине); тонкий’ – с другой; также *шолдыра* ‘крупный’ и *кугу* ‘большой (вообще)’ в их значении ‘большой, значительный по величине, объёму, размеру’, *тыгыде* ‘мелкий’ и *изи* ‘маленький’ в их значении ‘небольшой, незначительный по величине, объёму, размеру’ и некоторые др. Явление синонимии в системе прилагательных описываемой лексико-семантической группы вполне заслуживает быть предметом специального глубокого изучения.

Таким образом, марийский язык располагает достаточно богатой лексической системой для выражения признака предмета по его размеру, по различным его протяжениям и величинам – длине, ширине, высоте, глубине, толщине, а также размеру, величине в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология: в 2 ч. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. Ч. 2. 168 с.

Корпус марийского языка. URL: https://corp.marnii.ru (дата обращения: 05.02.2026).

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.

Пенгитов Н.Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. Ч. 1: Введение, фонетика, морфология. 175 с.

Словарь марийского языка: в 10 т. / МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005.

Словарь марийского языка: в 10 т. / А.А. Абрамова, В.И. Вершинин, А.С. Ефремов и др.; МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. Т. 2: И, Й, К (Кабак – Коса). 464 с.

Словарь марийского языка: в 10 т. / Л.И. Барцева, В.И. Вершинин, Л.П. Грузов и др.; МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. Т. 3: Косараш – Ляпкыме. 504 с.

Словарь марийского языка: Дополнительный том / МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; гл. ред. С.С. Сибатрова. Йошкар-Ола, 2019. 560 с.

Современный марийский язык. Морфология / МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; редкол.: Н.Т. Пенгитов (отв. ред.) и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Учаев З.В. Марий йылме: туныктышо-влаклан = Марийский язык: учителям. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 1-ше ужаш. 184 с.

Serafima Sibatrova

MARI ADJECTIVES EXPRESSING THE SIZE OF AN OBJECT: LEXICAL AND SEMANTIC GROUPS

Introduction. The article deals with Mari qualitative adjectives which express the size of an object, namely its individual parameters – length, width, height, depth, thickness, as well as its overall size. It is known that they form one of the semantic groups of adjectives of visual perception. **The purpose** of the article is to present lexical and semantic groups of Mari qualitative adjectives expressing the characteristic of an object by its size. **Materials and methods.** The study was conducted on the materials on the Eastern variant of the Meadow Mari literary language, and

dialectal words presented in the sources were also used. The empirical basis was provided by relevant entries in the multi-volume dictionary of the Mari language (1991–2005, 2019) and lexical data from the Mari Language Corpus. In addition to the descriptive method, elements of such linguistic research methods as semantic, distributional, comparative and component analyses, as well as the method of oppositions were used. **Research results, discussion.** Qualitative adjectives denoting an object's dimensional characteristics are divided into the following lexical and semantic groups: those denoting length, those denoting width, those denoting height, those denoting depth, those denoting thickness, and those denoting the overall size or magnitude of the object. Such groups contain two or more basic adjectives of the literary norm, denoting a particular size (length, width, height, depth, thickness, as well as overall size) and standing in antonymic relations. Synonymic relationships are frequently observed between adjectives, both within the same lexical and semantic subgroup and across entirely different semantic groups. **Conclusion.** The Mari language has developed the necessary lexical system for denoting an object's characteristic in terms of its size – across its various dimensions and magnitudes.

Keywords: the Mari language; qualitative adjectives; size; length; width; height; depth; thickness; antonym; synonym.

REFERENCES

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. S.A. Kuznecov. Saint Petersburg, Norint, 2000, 1535 p. (In Russian).

Galkin I.S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija [Historical Grammar of the Mari language. Morphology]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, part 2, 168 p. (In Russian).

Korpus marijskogo jazyka [Corpus of the Mari language], available at: https://corp.marnii.ru (accessed 5 February 2026). (In Mari).

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [A Dictionary of the Russian Language]. 14nd ed. Ed. N.Ju. Shvedova. Moscow, Russkij jazyk, 1983, 816 p. (In Russian).

Pengitov N.T. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i marijskogo jazykov. Chast' 1. Vvedenie, fonetika, morfologija [Comparative Grammar of the Russian and Mari Languages. Part 1. Introduction, phonetics, morphology]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958, 175 p. (In Russian).

Slovar' marijskogo jazyka [A Dictionary of the Mari Language]. Ed. I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, 1990-2005. (In Mari and Russian).

Slovar' marijskogo jazyka. Tom 2. I, J, K (Kabak - Kosa) [A Dictionary of the Mari language. Vol. 2. I, J, K (Kabak - Kosa)]. Ed. I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992, 464 p. (In Mari and Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka. Tom 3. Kosarash - Ljapkyme [A Dictionary of the Mari Language. Vol. 3. Kosarash - Ljapkyme]. Ed. I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1994, 504 p. (In Mari and Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka. Dopolnitel’nyj tom [A Dictionary of the Mari Language. Additional volume]. Ed. S.S. Sibatrova. Yoshkar-Ola, 2019, 560 p. (In Mari and Russian).

Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija [The Modern Mari Language. Morphology]. Ed. N.T. Pengitov. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1961, 324 p. (In Russian).

Uchaev Z.V. Marijskij jazyk: uchiteljam [The Mari Language: for Teachers]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1982, 184 p. (In Mari).

Сибатрова Серафима Сергеевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Serafima Sibatrova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2026-2-74-46-59

ПОВЕСТЬ НИКОНА ИГНАТЬЕВА «ДОЧЬ КОМСОМОЛА»: ПОЭТИКА ОПИСАНИЙ

© 2026 г. Г.Н. Бояринова

Введение. Объект исследования в данной статье – выявление художественной функции описательных элементов в тексте повести марийского прозаика Никона Игнатьева «Комсомол ӱдыр» («Дочь комсомола»). **Цель статьи** – выявление художественной роли таких описаний, как портрет, пейзаж и интерьер в повести текста. **Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили текст повести, а также литературоведческие и смежные научные изыскания исследователей по данной проблематике. Основной метод исследования – структурно-семантический. **Результаты исследования, обсуждение.** Выявлены и рассмотрены описательные элементы, проведен конкретный анализ всех видов описаний. Портретные характеристики, используемые в тексте повести, выполняют ряд художественных функций. Описания внешности персонажей, прежде всего, подчеркивают социальное положение, чаще всего автор пользуется ими в роли психологизма, также портрет выражает авторское отношение к действующим лицам. Писатель уделяет внимание деталям портрета, отдельным его элементам. Надо отметить такой стилистический прием, как умение ярко сочетать внешность с внутренним состоянием персонажей. Чтобы составить целостный портрет героев, надо внимательно читать текст, т.к. автор рассеивает детали портрета по всему тексту. Пейзажные зарисовки часто встречаются в тексте, ими автор пользуется с различной целью. Образ солнца красной нитью проходит по всему тексту повести, он также связан с общей идеей. Образ светила дается как в прямом значении, так и переносном. Антитезой образу солнца выступает образ луны. Он также показан автором не раз. Образы солнца и луны ассоциируются со временем суток: днем и ночью. В символическом плане они связаны с социальными мотивами. Картины природы позволяют автору выразить ясную оппозицию, связанную с идеей произведения. Это антитеза выражается через такие понятия, как радость и горе,

жизнь и смерть, хозяин жизни и раб ее, новый строй и старая власть. Интерьер подчеркивает особенности быта, материальное положение персонажей, он также связан с особенностями тревожного времени, с характером героев. **Заключение.** В статье рассматривается поэтика описаний в документальной повести Н. Игнатьева «Дочь комсомола». Художественная роль описательных элементов и символических образов многопланова, но в основном они связываются с идеей произведения, подчеркивают характеры персонажей. Дается вывод о том, что описания ярко подчеркивают авторское отношение к изображенной действительности, характер времени.

Ключевые слова: портрет; деталь; пейзаж; интерьер; идея; конфликт; автор.

Введение

Никон Васильевич Игнатьев оставил большой след в истории марийской литературы. Он автор многих рассказов, трех романов, пьес, поэм, стихотворных произведений, публицистических статей. А его документальная повесть «Дочь комсомола» является хрестоматийной. В марийском литературоведении художественная роль описательных элементов, используемых автором в данной повести, в обобщенном варианте не была предметом отдельного научного исследования. Автор данной статьи опубликовала ряд работ по отдельным произведениям Н. Игнатьева: [2006; 2016; 2020; 2022; 2023]. Настоящая статья является первой попыткой освещения заявленной темы. При написании данной работы мы опирались на статьи Н.А. Федосеевой [2002; 2024], Г.З. Зайниева [2011; 2012; 2013] и др.

Цель статьи – проанализировать поэтику описаний, выявить художественную роль портрета и его деталей, описаний природы и интерьера.

Материалы и методы

Материалом исследования является текст повести Никона Игнатьева «Дочь комсомола»: метод исследования – структурно-семантический; в работе используется текстуальный анализ произведения.

Результаты исследования, обсуждение

Повесть Никона Игнатьева «Дочь комсомола» – одно из любимых читателями произведений в марийской литературе, не случайно оно изучается в школе, считается хрестоматийным. Конфликт повести – социальный, речь идет о первых годах советской власти, когда льется кровь, в огне Гражданской войны закаляется человек, формируется новая общность. Прозаик этот сложный конфликт решает однозначно – через острую классовую борьбу, при этом свою позицию обозначает прямолинейно. Повествователь – не нейтральный, он со своим мировидением, мироощущением, мировосприятием.

В повести много описательных элементов. Остановимся на портретной характеристике. Надо заметить, что портрет писатель строит по-разному, он у него не однобокий. Очень часто дает лишь отдельные элементы, детали портрета. В качестве примера обратимся к такому персонажу, как Льосан Кузьма. При первой встрече с ним автор подчеркивает его бороду и называет его «окладистой».

Глаза человека – показатель его внутреннего мира, зеркало души. В повести эта деталь часто фигурирует. У того же Кузьмы, допустим, они черные и страшные: «шем шинчажым Огаптя могырыш каралтен шындыш» («свои вытаращенные черные глаза направил в сторону Огапти». Здесь и далее перевод наш. – *Г.Б.*) [Игнатьев, 1990, с. 6]. У маленькой Анфисы «глаза острые». А вот еще один эпизод из массовой сцены: «Теве кудывече окнаште йошкар ӱпан, йошкар шуэ пондашан пӧръеҥ чылт янлыкла пӱйжым шырен шога, шинчаже йӱла, айдемым вигак нелаш пурынеже, манын шонет» («Вот у окна во двор стоит человек с рыжими волосами и с редкой рыжей бородкой, он похож на зверя, который скалит зубы, глаза его горят, кажется, что он готов сожрать человека» [Игнатьев, 1990, с. 20]. В сцене расправы над Огаптей, когда ее обвиняют в воровстве и устраивают самосуд, Шинчал Якова автор-повествователь описывает так: «Шкеже лач палачла коеш: тувыр шокшыжым кергалтен, шем чоштыра ӱпшӧ шогалын, шӱргыжӧ чот йошкарген, кугу шара шинчаже йӱла веле. Орышыла, шучкыла коеш» («Сам он похож на палача: рукава рубашки засучил, грубые черные волосы у него растрепаны, лицо сильно покраснело, большие светлые глаза горят. Кажется страшным, взбешенным») [Игнатьев, 1990, с. 23].

Огаптю избили очень жестоко, до полусмерти, на нее страшно смотреть: «…Пуал пытыше пел шинчажым изи шелшыла почеш, умшажым кара, тӱрвыжым тарватылеш…» («…Открывает как щель один опухший глаз, рот приоткрыт, шевелит губами…») [Игнатьев, 1990, с. 25]. Бедную женщину собираются заживо зарыть в могилу. Молодые парни жалеют коммунистку, они побежали за водой и принесли ее в картузе. Это заметил Льосан Кузьма и «грозно посмотрел в их сторону» [Игнатьев, 1990, с. 25]. А вот еще один эпизод, связанный с монахиней Дуней. Она потеряла любимого человека. Автор через портретную характеристику выражает ее внутреннее состояние: «Ӱпшӧ товаҥын, шем вургемже чыла лавыра, йошкарген шичше изи шинчажым, ончыл лопка пӱйжым койыкта да ончалашат шучкын веле коеш. Лачак орышыла чучеш («Волосы запутаны, черное одеяние все грязное. Маленькие глаза покраснели, видны передние широкие зубы, на нее страшно глядеть. Она кажется взбешенной») [Игнатьев, 1990, с. 45].

Основной композиционный прием, примененный автором в архитектонике, – контраст. Это ярко заметно и в описании внешности персонажей. Ан-

фиса во сне видит отца, которого нет в живых, вот детали его портрета: «ош ӧрышан, ош чурийже дене нунын ӱмбак куанен, шыргыж онча», тудо «канде сатин тувыран» («у него белесые усы, лицо светлое, радостно смотрит на них, улыбается» на нем «синяя сатиновая рубашка») [Игнатьев, 1990, с. 28]. Если антигерои описываются в черных тонах, они вызывают антипатию, то положительные персонажи – глубокие положительные эмоции. У той же Дуни «кугу тӱрвыжат какарген шинчын» («толстые ее губы посинели») [Игнатьев, 1990, с. 46]. За непослушание, за то, что Анфиса донесла секретную информацию до красноармейцев, ее монашки привязали к дереву с муравейником. При этом дается ее портрет: «Канде шинчаж гыч, ошем шичше тыртыш шӱргыж мучко шинчавӱдшӧ йырге йога» («Из ее синих глаз, по круглой побледневшей щеке ручьем стекают слезы») [Игнатьев, 1990, с. 48]. Анфису спасают красноармейцы, начальник отряда Комаров разговаривает с девочкой, сам он выглядит так: «чумыраш шӱргывылышан, ошалге ӧрышан, писе шинчаончалтышан да лапкарак кап-кылан» («у него круглое лицо, усы светлые, взгляд его острый, ростом невысокий» [Игнатьев, 1990, с. 50]. Как видим, автор пользуется антитезой и в цветовой символике.

В описании лица персонажей автор довольно часто уделяет внимание такой детали, как зубы. Покажем это на примерах. Огаптя «чӱчкыдо пӱйжым койыктен ойла» («при разговоре показывает густо поставленные зубы»), а жена Миклая «лопка шуэ пӱйжым койыктен, йӱкынак воштыл колта» («засмеялась громко, показывая широкие редко поставленные зубы») [Игнатьев, 1990, с. 14]; Дуня «лопка ончыл пӱйжым койыктен-койыктен йодыштеш» («допрашивает, показывая передние широкие зубы» [Игнатьев, 1990, с. 32]; голодная Анфиса, забредшая в монастырский хутор, «чӱчкыдӧ пӱян умшажым изи машинала то ик могырыш, то вес могырышко пӧрдыктылеш, чыла кочкын колта» («во рту с густо поставленными зубами она, словно маленькая машина, катает то в одну, то в другую сторону, съедает все до конца») [Игнатьев, 1990, с. 33]; нищенствуя, Анфиса попадает в дом, где идет комсомольское собрание, голодную, ее кормят, она «пуымо шергинде катышым ынде лӱддеак нале да, тыгыде пӱсӧ пӱйжӧ дене пурын, кочкаш тӱнале» («кусок пресного хлеба она взяла без боязни и, жуя его острыми маленькими зубами, начала есть») [Игнатьев, 1990, с. 61].

Писатель часто обращается к такой детали портрета, как особенности произношения, голосовые оттенки. Огаптя «яндар йӱкшӧ дене чарныде ойла» («звонким голосом говорит, не останавливаясь») [Игнатьев, 1990, с. 6]; «йӱкшат изи йоча гай чарга» («голос звонкий, как у ребенка») [Игнатьев, 1990, с. 11].

Монашки смотрят на маленькую Анфису «умшаштым карен» («разинув рты») [Игнатьев, 1990, с. 33]. В эпизоде, когда привязывают девочку к дереву с муравейником, Марфа со злости «ойленат ок керт, куптыргышо тӱрвыжым

веле тарватылеш» («не может говорить, лишь шевелит морщинистыми губами») [Игнатьев, 1990, с. 48], также автор подчеркивает ее сухие тонкие руки.

Портретные детали в основном выполняют психологическую функцию. Они подчеркивают внутреннее состояние персонажей. В эпизоде, когда жена Якыпа приносит для Анфисы кафтан своей дочери, а ею движет не чувство помощи бедной сиротке, она хочет, чтобы девочка не рассказала правду о самосуде над матерью, мы видим реакцию Анфисы на это предложение: «шкежат ошем кая, тӱрвыжӧ какарген шинчеш» («она побледнела, губы сразу же посинели»); «мыжержат кулакын вӱраҥше кидше дене кормыжтен да пиктен шындымыла веле чучеш» («кажется, что кафтан превращается в зажатые кровавые руки кулака, которыми хотят удавить») [Игнатьев, 1990, с. 56].

Нищенствующей сироте очень трудно смотреть в глаза взрослым, поэтому она стесняется: «вуеш пидме тагыльген пытыше шовыч мучашыжым умшашкыже налын, чӱчкыдӧ пӱйжым койыктен пурлеш» («надкусывает, взяв в рот конец завязанного на голову засаленного платка, показывая часто поставленные зубы») [Игнатьев, 1990, с. 59]. Монашки Марфа и Дуня сильно избивают Анфису, у девочки «нерже гыч вӱр йога, ӱлыл тӱрвыжӧ шелын, ӱпшӧ товаҥ пытен» («из носа течет кровь, нижняя губа рассеклась, волосы растрепаны») [Игнатьев, 1990, с. 47].

Повествователь большое внимание уделяет одежде и ее деталям. Когда в действие вводит Огаптю, мы встречаемся с таким описанием: «Империалистический сареш колышо марийжын упшыжым упшалын, тошто мыжерым чиен, йыдал кандырам ӱштал шынден» («На голове шапка мужа, убитого на империалистической войне, одета в старый кафтан, подпоясанный веревкой от лаптя») [Игнатьев, 1990, с. 4]. Одежда подчеркивает не только бедственное положение семьи, но и выражает характерологическую особенность героини: она натура своеобразная, не боится надеть на голову мужскую шапку, не думает о том, что скажут люди. Еще один яркий эпизод, связанный со сценой ареста спекулянтов, торговцев хлебом. В данной картине Огаптя выглядит так: «ӱмбалныже – шем ужга, пота, тошто упш, портышкем»; «чурийже моткоч шеме, упшыж дене ик тӱсан» («на ней – черная шуба, кушак, старая шапка»; «лицо очень черное, такое же, как шапка») [Игнатьев, 1990, с. 9]. Далее автор делает такое замечание: «йомакысе гай шем шӱрган» («лицо черное, как в сказке») [Игнатьев, 1990, с. 10]. Такие штрихи подчеркивают, с одной стороны, бесстрашие героини (одна справилась с десятью обозниками-мужчинами), с другой – ее терпение, надетое как маска.

Оставшись без матери, Анфиса вынуждена странствовать, просить милостыню. Вот как описывает автор ее внешний вид: «Тоштем пытыше посто ыштыр ден пырля шовычым пӱтырен пидме йолжат кылмен утен. Шӱкшӧ мыжерже ялт шокте гай: йӧршынат шокшым ок кучо. Вуеш пидын шындыме

шовычшат тунарак ырыкта» («Ноги, обутые в лапти и завязанные старыми суконными онучами и платком, сильно замерзли. Старый кафтан похож на решето: нисколько не держит тепла. Повязанный на голове платок тоже не согревает») [Игнатьев, 1990, с. 59]. Такое описание одежды вызывает как жалость к героине, так и подчеркивает ее терпение. В этом же эпизоде дается контрастная картина. Одного из комсомольцев автор описывает следующим образом: «Калошан портышкемым чийыше ик рвезе, шола йолжым пурла йол ӱмбак пыштен, балалайке дене сылне семым шокталтен шинча: тудо арава шӱрган, сангашкыже волен кержалтше той гай тӱсан кудыр ӱпшӧ шоктымо семже почеш модылдал-модылдал колта» («Парень, обутый в валенки с галошами, сидел, закинув левую ногу на правую, играл нежную мелодию на балалайке: веснушчатый, прядь его кудрявых медных волос, падающих на лоб, словно подыгрывали в лад мелодии») [Игнатьев, 1990, с. 59].

В эпилоге повести мы видим Анфису через десять лет, она сделала хорошую карьеру: стала членом ЦИК. Вот как описывается внешность героини: «шем шовыран, ош батист шовычан, чумыраш шӱргывылышан» («На ней черная поддевка, на голове белый батистовый платок, круглолицая»), она «чӱчкыдӧ пӱйжым койыктен шыргыжеш («улыбается, показывая густо поставленные зубы»), «канде шинчаж» дене онча (смотрит «голубыми глазами») [Игнатьев, 1990, с. 60].

Социальный статус, материальное положение Льосан Кузьмы выражается через описание его шапки: тудо «шорык пача коваште дене ургыктымо пылышан» («ушанка сшита из шкуры ягненка») [Игнатьев, 1990, с. 6]. Сироте Анфисе без матери жить трудно, несмотря на это, она хочет учиться, посещает школу, только вот с одеждой проблемы, она одета так: «тоштем пытыше мыжерым чиен, шуэ вынер гай вошт койшо вичкыж шовычым кылден, пӧрткайыкын гай вичкыж йолым пидын» («одета в старый кафтан, на голове тонкий платок, напоминающий редко тканое полотно, на ногах лапти с тонкими онучами и напоминают ноги воробья» [Игнатьев, 1990, с. 57].

Контрастно описание красноармейцев и белогвардейцев: «Совет властым арален шогышо Йошкар Армий, сайын кочде-йӱдеак, пеле чараш кодын да йолеш йыдалым пидын, пудештатлтше чатлама йӱштӧ телымат, чыташ лийдыме шокшо кенежымат чакныде кредал шога; чапле вургеман ла сайын кочкын-йӱын темше ошо-влакым кыра, покта, чактара» («Защищающая Советскую власть Красная армия, несмотря на полуголодное существование, полуодетая и обутая в лапти, и в лютую зимнюю стужу, и в нестерпимую летнюю жару неотступно борется; хорошо одетых, сытно питающихся белогвардейцев она громит, гонит, вынуждает отступать») [Игнатьев, 1990, с. 57]. В данном случае автор пользуется развернутой метафорой.

Портретные описания выполняют ряд художественных функций. Описания внешности персонажей, прежде всего, подчеркивают социальное положе-

ние, чаще всего автор пользуется ими в роли психологизма, также портрет выражает авторское отношение к действующим лицам. Писатель уделяет внимание деталям портрета, отдельным его элементам. Надо отметить такой стилистический прием, как умение ярко сочетать внешность с внутренним состоянием персонажей. Чтобы составить целостный портрет героев, надо внимательно читать текст, т.к. автор рассеивает детали портрета по всему тексту.

Пейзажные зарисовки часто встречаются в тексте, автор использует их с различной целью. В начале повествования Н. Игнатьев знакомит нас с яркой зимней ночью: «Йонгата канде пылпомыш гыч шӧртьнӧ тыртыш гай тылзе онча. Мӱндырчын, шыргыж, шӱдыр-влак йӱлат…» («С ясного синего неба смотрит золотистая круглая луна. Издалека, улыбаясь, горят звезды…) [Игнатьев, 1990, с. 8]. Покрытые инеем березы выглядят сказочными, «нунын ӱмылышт корно гоч лупшалтыныт, да ош энер гоч пырня дене кӱварым оптен кайымыла коеш…» («их тени перебросились через дорогу, и они напоминают бревенчатый мост, перекинутый через белую реку…») [Игнатьев, 1990, с. 8]. В такую светлую ночь коммунистка Огаптя вышла на дорогу, чтобы остановить спекулянтов. Прозаик восхищается природой: «Тыгай волгыдышто кандалге тӱсан чинчыла йыли-юли йӱлышӧ лумет кӱжгын графитлен шындыме ош кагазла коеш» («При таком свете снег, блестящий голубоватым цветом, кажется белой бумагой, покрытой графитом») [Игнатьев, 1990, с. 11]. Повествователь вновь акцентирует внимание на тех же березах, теперь они напоминают солдат, идущих на войну. Повтор в данном случае уместен. Война идет везде, та же Огаптя – солдат, защищающий новую власть.

Жизнь многих героев повести тяжела, несмотря на это, они раскрываются душой перед божественной красотой: «Пӱртӱс койын вашталтеш… Чоным куандарыше вий пура. Кавасе кече каласен моштыдымо кугу малярла веле чучеш. Кужу дечат кужу шӧртнялге йолжым шуялтен, сандалыкым кечын вашталтылеш, чиялта, йытырая. Таче нурым, олыкым, сӧремым, пушенгевлакым ужарта. Эрла пеледышым пеледыкта, олмапум, вишньым ошемда. Мландым тӱрлӧ семынат сӧрастара…» («Природа с каждым днем меняется… Сила ее радует душу. Солнце на небе кажется искусным маляром. Своими длинными золотистыми лучами оно с каждым днем меняет облик планеты, красит, приводит в порядок. Сегодня озеленяет поля, луга, землю, деревья. Завтра же заставляет цвести цветам, яблони, вишни покрасит в белый цвет. Землю украсит по-всякому…» [Игнатьев, 1990, с. 12–13]. Пейзаж в данном эпизоде исполнен в контрастной плоскости. Красоте природы противопоставляется бытность бедняков. С наступлением весны многие впадают в большую нужду: надо засеять поля, а нечем, для крестьянина оставить поле без посева – большой грех. Поэтому Огаптя решает продать одежду погибшего мужа и на вырученные деньги купить семена, с этой целью уходит к чувашам.

В антитезе показано утро перед самосудом: «Кече кӱза, шӧртньӧ йолжым ялышке шуялта…» («Восходит солнце, свои золотые лучи бросает на деревню…») [Игнатьев, 1990, с. 16]. Автор часто обращается к образу солнца. Оно для всех землян одинаково, только вот живут все по-разному, нет единства у людей, нет социальной справедливости. Одни чувствуют себя хозяевами жизни, другие прозябают. Вот какое описание дает повествователь в момент, когда собрались заживо закопать в землю Огаптю: «Ояр кеҥеж кечет шӧртньын ончал колтыш. Кандалге кава теҥыз гай пеш кумдан шарлен, сылнын коеш. Южгата мардеж пуалеш, пеледыш ӱпш тамлын-тамлын нерыш толын пура. Кайык йӱкат пылышлан то ойган, то куандарышын солна» («Ясный летний день взглянул золотисто. Синее небо простирается вдаль, словно море, кажется прекрасным. Прохладный ветер подувает, он приносит сладкий запах цветов. Доносится до уха то печальное, то радостное пение птиц») [Игнатьев, 1990, с. 26]. Картина природы позволяет автору выразить ясную оппозицию, связанную с идеей произведения. Это антитеза связана с радостью и горем, жизнью и смертью, хозяином жизни и рабом ее, новой властью и старым режимом.

Образ солнца красной нитью проходит по всему тексту повести, он также связан с общей идеей. Образ светила дается как в прямом значении, так и переносном. Вот пример прямого значения: «Кече курык шенгекыла вола. Йожек колтымо йолжо пасум, олмапулам, сурт-влакым ниялта» («Солнце спускается под гору. Косые его лучи поглаживают поля, яблони, постройки») [Игнатьев, 1990, с. 29]. Или: «Пӧртышкӧ пурышо кас кечын шӧртньӧ йоллаже пурак шикш гай койын шогале» («Лучи вечернего солнца, вошедшие в дом, встали, как пыльный дым») [Игнатьев, 1990, с. 56]. В переносном значении этот образ выступает в качестве символа.

Антитезой образу солнца выступает образ луны. Он также показан автором не раз. «Сылне тумер коклаште шинчыше ӱдырамаш монастырьын хуторыштыжо тымык дечат тымык йӱд. Лачак шӱшпык йӱк гына тиде сылне йӱдым тылзе волгыдышто пуйто помыжалтарынеже. Тылзе волгыдо ала-кушеч кӱшычын, шӱдыр дечын велын шогымыла чучеш» («В хуторе женского монастыря, расположенного среди дубовой рощи, тихая-претихая ночь. В эту лунную ночь только лишь пение соловья будто хочет разбудить кого-то. Кажется, что свет луны льется откуда-то свысока, со стороны звезд» [Игнатьев, 1990, с. 30].

Образы солнца и луны ассоциируются с временем суток: днем и ночью. В символическом плане они связаны с социальными мотивами. Анфиса глубокой ночью, в непогоду, в грозу с сильным ветром, вслед за бандитами отправляется в монастырь, чтобы предупредить красноармейцев о готовящемся нападении. В данном эпизоде пейзажная картина представлена таким образом: «Мардеж эшеат чот виянеш, тумо-влакше йӧрлшаш гай койыт. Йӱр утыр

талышна. Шучко, мучашдыме волгенче волгалтара. Мучашдыме кӱдырчӧ кӱдырта. Южгунамже чот рашкалтен колта, да пӱтынь кава шелын кайымыла чучеш. Волгенче коймеке, чыла волгалт кая…» («Ветер еще более усиливается, кажется, что дубы готовы упасть. Дождь усиливается. Нескончаемая страшная молния светит. Нескончаемый гром гремит. Иногда так прогремит, кажется, что небо разрывается на части. При блеске молнии становится кругом светло…») [Игнатьев, 1990, с. 40]. Пейзаж здесь связан с социальным мотивом произведения, он выступает в качестве усиления социальной проблематики. Советская власть устанавливается нелегко. В стране идет жестокое сражение. После грозы природа вновь оживает, приходит светлый день. Так, по автору, и в жизни должны наступить большие перемены, чтобы выразить это, писатель прибегает к описанию грозовой ночи.

Данное описание связано также с психологизмом и характером юной героини. Анфиса идет по стопам матери, хочет помочь коммунистам, она бесстрашная девочка, совершает своеобразный подвиг. Несмотря на страшную грозу, направляется в монастырь: «Йӱр тугак кышка, мардеж тугак пушенге вуйым лупша, волгенче йотке веле коеш» («Дождь продолжает лить, ветер все так же хлещет по вершинам деревьев, молния все еще блещет») [Игнатьев, 1990, с. 41]. Девочка спешит к намеченной цели. Вскоре погода меняется: «Касвелне кава сайынак яндарештеш. Изи шӱдыр-влак волгыдын йӱлат» («На западе небо начинает просветляться. Маленькие звезды горят светло») [Игнатьев, 1990, с. 42]. Маленькая Анфиса сама – одна из таких ярких звезд. Своим бесстрашием спасла жизнь многих солдат.

Пейзажные картины замечены и в функции лирических отступлений: «Кодшо йӱдымсӧ йӱр дене мушкылтшо сандалык сылнештын, чеверын коеш. Кошкен шудымо эр лупс шергакан шерла ояр кечыште йылгыжеш, модеш. Оҥышко тамле, нугыдо пуш пура. Ала-могай аракала вуйышко кӱза, шӱмым куандара, кид-йолым куштылемда. Чылажат илаш кумылым нӧлта…» («Омытая вчерашним ночным дождем земля преобразилась, кажется красивой. Не успевшая высохнуть утренняя роса серебрится при ярком дне, словно дорогой бисер. При вдохе чувствуется густой, вкусный запах. Как какой-то алкоголь, ударяет в голову, радостно в сердце, легко телу. Настроение приподнятое, хочется жить…») [Игнатьев, 1990, с. 47]. Данная зарисовка противопоставлена тому, что произойдет дальше. В такое прекрасное утро монашки приводят Анфису в лес и привязывают ее к дереву с муравейником.

Интерьер подчеркивает особенности быта, материальное положение персонажей, он также связан с особенностями тревожного времени, с характером героев.

Проиллюстрируем это на примерах. В описании сельского совета автор останавливает внимание на таких штрихах: стол, заваленный разными бума-

гами; там же газеты и журналы; тут же кусок пресного хлеба; надкусанный огурец. Не трудно догадаться, что работники совета очень заняты, им некогда перекусить. Они даже ночь вынуждены проводить тут. Этого требует время, идет борьба за светлое будущее, поэтому приходится работать день и ночь. Народ надо не только кормить, но и просветлять их умы. Именно это подчеркивают детали данного интерьера.

После самосуда над матерью глазами Анфисы описывается их двор, дом: «Кудывече капка тугак шалатен шуымо кия, кудывече покшелне, аважым кырыме верыште, кӱрышталт пытыше тоя, кӱ моклака-влак кият. Йогышо вӱржӧ мален шинчын. Рамыжге пудыртымо окна шучкын онча… Пудыргышо омса пӧртӧнчылнак кия… Кӱварыште, олымбалне янда пудырго-влак кият» («Лежат разваленные ворота, посреди двора, на месте избиения матери, лежат разбитые палки, куски камней. Пролитая кровь загустела. Выбитое окно без рам смотрится страшно… Выбитая дверь лежит в сенях… На полу, на лавках лежат осколки стекол») [Игнатьев, 1990, с. 29–30]. А вот так выглядит внутреннее убранство дома монастырского хутора: «Йылгыжше икон-влак ончылно лампадке йӱла, иконласе юмо-влакын шыде тӱсыштым волгалтара. Нунын чытырналтше ӱмылышт ӱстембал ден комод ӱмбалсе ош скатертьыш возеш. Пеледыш кӧршӧк-влак шогат. Арун мушмо кӱвареш половикым шарыме» («Перед сияющими иконами горит лампадка, она осветляет сердитые лица богов, изображенных на иконах. Их дрожащие тени отображаются на белой скатерти, застеленной на столе и комоде. Стоят горшки с цветами. На хорошо вымытом полу лежит половик») [Игнатьев, 1990, с. 31]. Интерьер в данном случае выражает отношение автора-повествователя к религии. Оно явно ироническое.

Никон Игнатьев очень специфично описывает деревенский дом, где проводится комсомольское собрание. Забредшую случайно сюда голодную Анфису парни заставляют сплясать за кусок хлеба. Она из последних сил пытается танцевать под музыку балалайки. Кружится голова, и ей кажется, что все двигается в такт этому: «Вождь-влакын пырдыжыште кечыше портретышт, окна, книга шкаф, конга, вургем сакыме ишке, олымбалне пырдыж пелен энертен шинчыше рвезе-влакат, ӱстел да тулеч молат – чылажат пӧрдмыла чучыт» («Висящие на стене портреты вождей, окна, книжный шкаф, печь, вешалки для одежды, парни, сидящие на лавках прислонившись к стене, стол и другие – все ей кажется двигающимися») [Игнатьев, 1990, с. 60].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Никон Игнатьев мастерски владеет описательными элементами. Каждый вид описания выполняет строго выверенную роль, связывается с основным конфликтом произведения, подчеркивает идею, характер времени, связывается с образами героев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Апакаева Р. Чапланыше ялын мурызыжо = Певец прославленной деревни // Ончыко. 1985. № 2. С. 100–103.

Бояринова Г.Н. Н. Игнатьевын «Савик» романыштыже портретын поэтикыже = Поэтика портрета в романе Н. Игнатьева «Савик» // XIX Игнатьевские чтения: материалы докл. и выступ. на ежегодной Регион. науч.-практ. конф. «Горные мари в контексте истории и культуры», посвящ. Году театра в России (с. Кулаково, 2 апр. 2019 г.). Йошкар-Ола, 2020. С. 54–58.

Бояринова Г.Н. Поэтика драмы Н.В. Игнатьева «Шык» («Жадная») // VI Игнатьевские чтения. Проблемы горномарийского языка, литературы, истории, культуры, образования. Материалы докл. и выступ. на Респ. науч. конф. 1 апр. 2006 г. Йошкар-Ола, 2006. С. 56–67.

Бояринова Г.Н. Н. Игнатьевын «Комсомол ӱдыр» повестьше: сылнылык ойыртем = Художественные особенности повести Н. Игнатьева «Дочь комсомола» // XV Игнатьевские чтения: материалы докл. и выступ. на Междунар. науч.-практ. конф. «Горные марийцы в культурно-историческом ландшафте Урало-Поволжья (Козьмодемьянск, 21–22 мая 2015 г). Йошкар-Ола, 2016. С. 142–151.

Бояринова Г.Н. Н. Игнатьевын «Савик» романже: тӱшка сцене-влак = Массовые сцены в романе Н. Игнатьева «Савик» // XXI Игнатьевские чтения: материалы ежегодной Регион. науч.-практ. конф. «Горные мари в современном мире», посвящ. 100-летию со дня образования Горномарийского района. Йошкар-Ола, 2022. С. 56–60.

Бояринова Г.Н. Н. Игнатьевын «Шык» драмыжын йылме могырым семантике рӱдыжӧ = Семантическое ядро языковых элементов в драме Н. Игнатьева «Жадная» // II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 9–10 дек. 2022 г.). Йошкар-Ола, 2023. С. 268–281.

Бурков Л. Гуманистические идеи в творчестве Н.В. Игнатьева // Горные марийцы на рубеже веков: материалы докл. и выступ. на Респ. науч. конф., посвящ. 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Йошкар-Ола; Козьмодемьянск, 2002. С. 20–23.

Егоров В. Фельетоны Н. Игнатьева // Горные марийцы на рубеже веков: материалы докл. и выступ. на Респ. науч. конф., посвящ. 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Йошкар-Ола; Козьмодемьянск, 2002. С. 35–39.

Зайниев Г. Сусыргышо чон = Израненная душа // Колымшо курым. Жап. Айдеме. Пӱрымаш. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет» ГУП, 2011. С. 115–157.

Зайниев Г. Три письма: об одной странице из жизни Никона Игнатьева // У сем. 2013. № 1. С. 103–107.

Зайниев Г. Писатель в газете // У сем. 2012. № 1. С. 146–152.

Иванов И.С. Литературын патыржы = Смельчак литературы // У сем. 1995. № 1. С. 50–56.

Игнатьев Н. Комсомол ӱдыр: Повесть. = Дочь комсомола: Повесть. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 68 с.

Кадыков Н. Н.В. Игнатьевын сылнымутшо = Художественное творчество Н.В. Игнатьева // Ончыко. 1974. № 3. С. 102–104.

Калинин Г. Горькая судьба классика горномарийской литературы Н.В. Игнатьева // У сем. 2010. № 1. С. 36–50.

Костатеев Г. Никон Игнатьев // Кушмы корнына: Лыдышвлä, шайыштмашвлä, повесть / Иван Горный йämдылен; редкол.: Н.П. Егоров, Г.И. Матюковский, К.Г. Медяков. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мары изд-во, 1981. С. 29–35.

Никон Игнатьев: илыш да трагедий = Никон Игнатьев: жизнь и трагедия // Сануков К.Н. Лӱмлӧ лӱм-влак. Очерк-влак. Йошкар-Ола: ООО «Издательство Мари Книга». 2012. С. 210–224.

Сануков К.Н. Никон Игнатьев: очерк жизни и деятельности: к 120-летию со дня рождения. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2014. 64 с.

Федосеева Н.А. Природа конфликта в пьесах Н. Игнатьева // Горные марийцы на рубеже веков: материалы докл. и выступ. на Респ. науч. конф., посвящ. 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Йошкар-Ола; Козьмодемьянск, 2002. С. 58–61.

Федосеева Н.А. Никон Игнатьев: открывая мир горномарийской словесности. Писатель и слово. Марийский литературный процесс первой половины XX века. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2024. С. 26–29.

Galina Boyarinova

NIKON IGNATYEV'S NOVEL 'THE DAUGHTER OF THE KOMSOMOL': THE POETICS OF DESCRIPTION

Introduction. The subject of this study is to reveal the artistic function of descriptive elements in the text of the novella 'Komsomol Üdyr' ('The Komsomol's Daughter') by the Mari prose writer Nikon Ignatyev. **The purpose** of the article is to identify the artistic role of such descriptions as portraits, landscapes and interiors within the text of the novella. **Materials and methods.** The material for the study consisted of the text of the novella, as well as literary and related academic research on the subject. The main research method is structural and semantic analysis. **Results, discussion.** Descriptive elements have been identified and described, and a detailed analysis of all types of description has been carried out. The character descriptions used in the text of the novella fulfil a number of artistic functions. Descriptions of the characters' appearance primarily emphasise their social status; most often, the author uses them to convey psychological depth, and the characterisation also expresses the author's attitude towards the characters. The writer pays attention to the details of the characterisation and its individual elements. It is worth noting a stylistic device such as the ability to vividly combine the characters' physical appearance with their inner state. To construct a complete portrait of the characters, one must read the text carefully, as the author scatters the details of the portrait throughout the text. Landscape sketches appear frequently in the text, and the author employs them for various purposes. The image of the sun runs like a red thread through the entire narrative and is also linked to the overarching theme. The image of the sun is presented both literally and figuratively. The image of the moon serves as an antithesis to that of the sun. It is also depicted by the author several times. The images of the sun and the moon are associated with the time of day: day

and night. Symbolically, they are linked to social themes. These depictions of nature allow the author to express a clear opposition connected to the work's central idea. This antithesis is expressed through concepts such as joy and sorrow, life and death, the master of life and its slave, the new order and the old regime. The setting highlights the characteristics of daily life and the characters' material circumstances; it is also linked to the nature of these troubled times and the characters' personalities. **Conclusion.** The article examines the poetics of description in Nikon Ignatyev's documentary novel 'The Daughter of the Komsomol'. The artistic role of descriptive elements and symbolic images is complex, but they are primarily linked to the work's central theme and serve to highlight the characters' personalities. It is concluded that these descriptions vividly emphasise the author's attitude towards the depicted reality and the nature of the era.

Keywords: portrait; detail; landscape; interior; theme; conflict; author.

REFERENCES

Apakaeva R. Pevec proslavlennoj derevni [The singer of the famous village]. *Onchyko*, 1985, no. 2, pp. 100-103. (In Mari).

Bojarinova G.N. Poetika portreta v romane N. Ignat'eva «Savik» [Poetics of portrait in N. Ignatyev's novella 'Savik']. *XIX Ignat'evskie chtenija. Materialy dokladov i vystuplenij na ezhegodnoj Regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii «Gornye mari v kontekste istorii i kul'tury», posvjashhennoj Godu teatra v Rossii.* Kulakovo, 2 April 2019. Yoshkar-Ola, 2020, pp. 54-58. (In Mari).

Bojarinova G.N. Poetika dramy N.V. Ignat'eva «Shyk» («Zhadnaja») [The poetics of Nikon V. Ignatyev's drama 'Shyk' ('Greedy')]. *VI Ignat'evskie chtenija. Problemy gornomarijskogo jazyka, literatury, istorii, kul'tury, obrazovanija. Materialy dokladov i vystuplenij na Respublikanskoj nauchnoj konferencii.* 1 April 2006. Yoshkar-Ola, 2006, pp. 56-67. (In Mari).

Bojarinova G.N. Hudozhestvennye osobennosti povesti N. Ignat'eva «Doch' komsomola» [Artistic features of N. Ignatyev's novella 'The Daughter of the Komsomol']. *XV Ignat'evskie chtenija. Materialy dokladov i vystuplenij na Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Gornye marijcy v kul'turno-istoricheskom landshafte Uralo-Povolzh'ja.* Koz'modem'jansk, 21-22 May 2015. Yoshkar-Ola, 2016, pp. 142-151. (In Mari).

Bojarinova G.N. Massovye sceny v romane N. Ignat'eva «Savik» [Crowd scenes in N. Ignatyev's novel 'Savik']. *XXI Ignat'evskie chtenija. Materialy ezhegodnoj Regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii «Gornye mari v sovremennom mire», posvjashhennoj 100-letiju so dnja obrazovanija Gornomarijskogo rajona.* Yoshkar-Ola, 2022, pp. 56-60. (In Mari).

Bojarinova G.N. Semanticheskoe jadro jazykovyh elementov v drame N. Ignat'eva «Zhadnaja» [The semantic core of linguistic elements in N. Ignatyev's drama 'Shyk' ('Greedy')]. *II Ӱpymarij ludmash (II Vasil'evskie chtenija): Aktual'nye problemy sovremennoj komparativistiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem.* 9-10 December 2022. Yoshkar-Ola, 2023, pp. 268-281. (In Mari).

Burkov L. Gumanisticheskie idei v tvorchestve N.V. Ignat'eva [Humanistic ideas in the works of Nikon V. Ignatyev]. *Gornye marijcy na rubezhe vekov. Materialy dokladov i vystuplenij na Respublikanskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 450-letiju vhozhdenija gornyh mari v sostav Rossijskogo gosudarstva.* Yoshkar-Ola; Koz'modem'jansk, 2002, pp. 20-23. (In Russian).

Egorov V. Fel'etony N. Ignat'eva [Satirical articles by N. Ignatyev]. *Gornye marijcy na rubezhe vekov. Materialy dokladov i vystuplenij na Respublikanskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 450-letiju vhozhdenija gornyh mari v sostav Rossijskogo gosudarstva.* Yoshkar-Ola; Koz'modem'jansk, 2002, pp. 35-39. (In Russian).

Zajniev G. Izranennaja dusha [Wounded Soul]. *Kolymsho kurym. Zhap. Ajdeme. Pÿrymash*. Yoshkar-Ola, «Marij El» gazet» GUP, 2011, pp. 115-157. (In Mari).

Zajniev G. Tri pis'ma: ob odnoj stranice iz zhizni Nikona Ignat'eva [Three letters: about one page from the life of Nikon Ignatyev]. *U sem*, 2013, no. 1, pp. 103-107. (In Russian).

Zajniev G. Pisatel' v gazete [The writer in the newspaper]. *U sem*, 2012, no. 1, pp. 146-152. (In Russian).

Ivanov I.S. Smel'chak literatury [Daredevil of Literature]. *U sem*, 1995, no. 1, pp. 50-56. (In Mari).

Ignat'ev N. Doch' komsomola: Povest' [The Daughter of the Komsomol: novella]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990, 68 p. (In Mari).

Kadykov N. Hudozhestvennoe tvorchestvo N.V. Ignat'eva [Artistic creativity of Nikon V. Ignatyev]. *Onchyko,* 1974, no. 3, pp. 102-104. (In Mari).

Kalinin G. Gor'kaja sud'ba klassika gornomarijskoj literatury N.V. Ignat'eva [The bitter fate of the classic of Hill Mari literature Nikon V. Ignatyev]. *U sem,* 2010, no. 1, pp. 36-50. (In Russian).

Kostateev G. Nikon Ignat'ev [Nikon Ignatyev]. Kushmy kornyna: Lydyshvlä, shajyshtmashvlä, povest'. Yoshkar-Ola, Kniga Lykshy mary izdatel'stvo, 1981, pp. 29-35. (In Mari).

Nikon Ignat'ev: zhizn' i tragedija [Nikon Ignatyev: his life and tragedy]. Sanukov K.N. Lÿmlö lÿm-vlak. Ocherk-vlak. Yoshkar-Ola, OOO «Izdatel'stvo Mari Kniga», 2012, pp. 210-224. (In Mari).

Sanukov K.N. Nikon Ignat'ev: ocherk zhizni i dejatel'nosti: k 120-letiju so dnja rozhdenija [Nikon Ignatyev: an essay on his life and work: on the 120th anniversary of his birth]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014, 64 p. (In Russian).

Fedoseeva N.A. Priroda konflikta v p'esah N. Ignat'eva [The nature of conflict in the plays of N. Ignatyev]. *Gornye marijcy na rubezhe vekov. Materialy dokladov i vystuplenij na Respublikanskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 450-letiju vhozhdenija gornyh mari v sostav Rossijskogo gosudarstva.* Yoshkar-Ola; Koz'modem'jansk, 2002, pp. 58-61. (In Russian).

Fedoseeva N.A. Nikon Ignat'ev: otkryvaja mir gornomarijskoj slovesnosti. Pisatel' i slovo. Marijskij literaturnyj process pervoj poloviny XX veka [Nikon Ignatyev: discovering the world of Hill Mari literature. The writer and the word. Mari literary process in the first half of the twentieth century]. Yoshkar-Ola, Izdatel'skij dom «Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2024, pp. 26-29. (In Russian).

Бояринова Галина Никитьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galnikbojar@ mail.ru

Galina Boyarinova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of the Mari language and literature
of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: galnikbojar@ mail.ru

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2026-2-74-60-72

МАРИЙ ПОЭТ-ФРОНТОВИК-ВЛАКЫН ТВОРЧЕСТВЫШТЫШТ АВАН ОБРАЗШЕ

© 2026 г. В.В. Пирогова

Введение. В творчестве писателей военного поколения нашли отражение не только традиционные для «военной» литературы проблемы патриотизма, героизма и интернационализма, но и «невоенные», универсальные темы, в том числе тема матери. **Целью** исследования в данной статье является рассмотрение семантики и поэтики образа матери в творчестве марийских поэтов-фронтовиков. **Материалы и методы.** Эмпирическим материалом исследования стали стихотворные тексты Василия Рожкина, Семена Вишневского, Миклая Казакова, в которых авторы затрагивают тему матери и обращаются к образу матери; методы исследования – структурно-семантический и сравнительно-типологический. **Результаты исследования, обсуждение.** В статье актуализированы такие научные проблемы, как концептуальные и мотивные линии образа матери, специфика авторской коннотации, поэтические средства создания образа, сходства в художественном его представлении в произведениях разных авторов. **Заключение.** Образ матери в стихотворных текстах поэтов-фронтовиков в пронзительной тональности передает эмоциональное напряжение предвоенной и военной эпохи; часто он приобретает символическое звучание; образ матери раскрывается через систему взаимоувязанных мотивов; наблюдается мастерство поэтов в использовании изобразительно-выразительных средств.

Ключевые слова: марийская литература; поэты-фронтовики; образ матери; семантика образа; поэтика; мотив; изобразительно-выразительные средства.

Ончылмут

Кугу Отечественный сар гоч шагал огыл марий серызе эртен. Шуко мутмастар шке кумылын шочмо мландым аралаш каен да, сеҥымашлан ӱшанен, пера денат, штык денат иктӧр тушман ваштареш шоген. Нунын почеламутышт «Родин верч» сылнымутан альманахыште (ондакше «Пиалан илыш») савыкталтыныт. Кугу сӧйым эртыше да тушто шуаралтше поэт-влакын сар жапысе

да сар деч варасе произведенийлаштын тӱҥ проблематикышт – тиде шочмо мландым йӧратымаш (патриотизм), патырлык (героизм), калык-влакын келшен илымышт (интернационализм). Нине, традиций сынан, проблематике деч посна нунын сылнымутыштышт универсальный теме-влакымат муаш лиеш, нунын коклаште изи огыл верым ава теме налын шога.

Тиде статьян **цельже** – поэт-фронтовик-влакын творчествыштышт аван образшым семантике да поэтике могырым лончылаш. Тыгай цель марий литератур шанчыште икымше гана шындалтеш. Тымарте сарым эртыше поэт-влакын образ системышт иктешлыме сынан обзорлаште гына ончыкталтын; посна образ-влак нерген йодыш эше шымлалтын огыл [ончо, мутлан: История марийской литературы, 1989; Очерки истории марийской литературы, 1960–1963].

Материал да метод-влак

Шымлымашым эртарыме годым эмпирик материал семын кум поэт-фронотовикын почеламут сборникыштым кучылтмо: 1) Василий Рожкинын: «Пеледме муро» (1939), «Сеҥымаш муро» (1948), «Тау» (1976); «Патырлык корно. Василий Рожкин – поэт, салтак, туныктышо» (2014); 2) Миклай Казаковын: «Отважный комсомол» (1940), «Тул коклаште» (1943), «Мемнан уремыште пайрем» (1945); 3) Семён Вишневскийын: «Фронтовой корно» (1943), «Эрвел мардеж» (1944).

Василий Рожкин, Семен Вишневский, Миклай Казаков – кум йолташ; кумытынат сар корным эртеныт, кугу кредалмашыштат лийыныт; Рожкин ден Вишневскийлан, боевой подвигыштым шотыш налын, «Йошкар Шӱдыр» орденым пуэныт; ийгот шотышто – коклаштышт ныл-куд ий ойыртем гына. Кажныжын сылнымутыштыжо аван образшым мастарын сӱретлымым структурно-семантический, историко-генетический да сравнительно-типологический йӧн-влаклан энертен ончыктена. Нине кум поэтын сылнымутыштым ик посна шанче пашаште ваш кылден лончылымашнам улан шотлаш лиеш.

Шымлымаш пашан лектышыже, канаашымаш

Василий Рожкинын ава нерген тӱҥ сылнымут текстше – тиде «Аван шӱмжӧ» лирике цикл (1975). Тудо авторын ондак возымо произведенийласе аван образшым семантике да поэтике могырым иктешла, серызын ондакысе сылнымут шонымашлажым иктыш чумыра.

Тыште автор шке аваж нерген огыл, а У Торъял районысо Чобык ялыште илыше Евдокия Васильевна Малинова нерген воза. Тиде патыр, чолга ӱдырамаш, кум эргым ончен-куштышо ава. Нунышо чыланат самырык илышыштым шочмо эл верч пуэныт (*Кум Малинов – иза-шольо-влак / Йӧрлыч эл верч, кредал патырлак* [Патырлык корно, 2014, с. 33]). Автор изак-шоляк Малиновмыт дене туныктымо пашаште пырля ыштен, фронтышкат нунын дене пырля каен. Тулык ава ятыр ий эрге-влакын пӧртылмыштым вучен илен – лач тудын об-

разше Рожкиным циклым возаш таратен, лач тышечын циклын вуймутшо шочын («Аван шӱмжӧ»). Тудым Малиновмыт еш лӱмеш возымым рамысе текстат (пӧлеклыш) пенгыдемда: «У *Торъял районысо Чобык ялыште Евдокия Васильевна Малинова кум патыр эргым: Пӧтырым, Вӧдырым, Василийым – ончен куштен. Нуно чыланат туныктышо ылыч. Пиалан ава суртышко шешке-влакым пурташ вучен илен. Но шучко сар чыла лугыч ыштен. Патыр эрге-влак ужар вуйыштым, самырык илышыштым Родина верч пуэныт.*

Мый нине шем шинчан, мотор изак-шоляк Малиновмыт дене туныктымо пашаште пырля ыштенам, *фронтышкат пырля каенам.*

Сар шукертак чарнен гынат, тулык ава 30 ий эрге-влакын пӧртылмыштым вучен илен.

Тиде почеламутым герой изак-шоляк Малиновмыт да нунын поро авашт лӱмеш возенам» [Патырлык корно, 2014, с. 33].

И.В. Фоменко лирике цикл нерген тыге воза: «сознательно сформированный поэтом лирический ансамбль, в котором стихотворения объединены общностью замысла» [Фоменко, 1992, с. 5]. Рожкинын лирике циклыштыже почеламут-влакым иктыш ушен шогышо «замысел» семын аван образшым чоҥымаш задачым ончыкташ лиеш. Тыгодым автор аван чон-шижмашыжлан тӱҥ верым ойыра, тудыжым мотив-влак гоч радамла.

Цикл пӱртӱс лоҥгам сӱретлымаш гыч тӱҥалеш, вара чалемше аван тополь дек лишеммыжым палемда. Аван йоча-влакше нерген тургыжланымыже да вучымыжо мотив-влак психологий сынан рашемдыш-влак да кӧргӧ ой гоч палдырнат:

Ончыштеш касвел корныш – умбак.
– Эргым-влак ала толыт, – ойлен,
Адак мӧҥгӧ кая ошкеден [Патырлык корно, 2014, с. 33].

Умбакыжат психологий йӧн да тургыжланымаш мотив тӱҥ верым налын шогат. Мутлан:

«Корнышт нунын кужу, ужамат,
Эр велеш веле шуыт, товат!» –
Пелештылын ава тыгерак. <...>.
Мочол шуко эртен тыгай йӱд!
Ох, мыняре йоген шинчавӱд!
Тидым шкетын ава вел пала,
Авалан веле пале чыла... [Там же, с. 35].

Тыште тургыжланымаш мотивым автор шкенжын экспрессий сынан мутшо дене пенгыдемда (*Мочол шуко эртен тыгай йӱд! / Ох, мыняре йоген шинчавӱд!)*.

Ретроспекций сӱретыште ужатымаш мотивым ужына, тыгодымат автор аван кӧргӧ состоянийжым ончыктымашлан тӱҥ верым ойыра, психологий

сынан рашемдыш-влак («көргö жест») аван йöратыше, чытыше да келгын ойганыше чонжым ончыкташ полшат:

Ыле шыже мотор йырымваш,
Уло ял погынен ужаташ.
Тарантасышке шинчыч пырля
Кум мотор, шем шинчан каче-влак.
Эрге-влак дек ава шып миен,
Кумынек чот шупшалын, вӱчкен [Там же, с. 34].

Сар годым ава, моло ава-влак семынак, шочмо суртыштыжо уверым (серышым) кажне кечын гаяк вуча, шарнымаш дене ила (шарнымаш мотив серыш да фото-влак гоч палдырна):

Серыш-влакым ава лудылден.
Кидыш налын, фотоштым ончен,
Куанен, шыргыжалын шинчен.
Кум салтак, чон мотор эрге-влак
Ялт Онарла конченыт тудлан [Там же, с. 34].

Нине корнылаште патыр, онар вий да аван шочшыжо-влак дене кугешнымаш мотив-влак улмым шижына. Шочшыжо-влак эл верч кредалаш ямде улмышт нерген возат:

Сай илал, авием!
Элем верч угыч бойыш вашкем! [Там же, с. 35].
«Авай, пален лий:
Кок ий жапыште чот кушкынам, <…>
Улам ынде гвардеец-танкист,
Ит коляне: ок сеҥе фашист» [Там же, с. 35].

Аван тушманым сеҥыме нерген шонымашыже, кумылжо эргыже-влакын гаяк, но тудо эше шочшыжо-влакын тазалыкышт нерген шона:

Сут тушманым сеҥен, эргым-влак,
Мöҥгыда пöртыл толза тазак!.. [Там же, с. 34].

Аван образшым психологий могырым ончыктымаште омо мотивын (йöнын) вержым палемдыман. Границе воктене шоҥго ава кум эргыжымат ваштлиеш, пуйто нуно чыланат илыше улыт:

Эргым-влак, шуко жап мый тендам
Вученам мöҥгыда толмыдам.
Сар пуламыр чарнен шукертак [Там же, с. 36].

Икшывышт вашештат:

Тый, авай, ит öпкеле пырчат:
Рвезе патыр шӱмнам, куатнам
Ме родной элна верч пуышна. < …>.
Ит коляне мемнан верч йöршеш:
Ме тӱшкан улына... икверешʼ…

<…>
Тый ӱшане, шӱмбел авайна:
Ош тӱня чыла сар деч эрна,
Йӧршынлан орлык илыш пыта,
Уло мланде ласкан шӱлалта.
Вот тунам шуко-шуко аван
Эрге-влак мӧҥгыш толыт чылан [Там же, с. 36].

Омо мотив дек аван ушыж дене шке эргыж-влак дене мутланымаш мотив ешаралтеш.

Цикл мучаште автор тургыжланымаш да вучымаш мотив-влак дек пӧртылеш – тыге, онго йӧнлан энгертен, автор аван образшым кошарта, ава шӱм образыш кусна, ава шӱмын могай улмыжым иктешла, циклын вуймутшым рашемден кода:

…Эрге-влакым вуча ӱшанен.
Вет тугае аван шӱм-кылжак:
Курымешак илат шочшо-влак [Там же, с. 37].

Нине мут-влак циклын икымше почеламутшын мучашыжым ушештарат:

Но ава ок ӱшане пырчат,
Эрге-влакым вуча йӱд-кечат.
Вет тугае аван шӱм-кылжак:
Курымеш шочшо-влак пеленак [Там же, с. 34].

Тыгеракын лирике циклыштыже Рожкин аван образше йыр мотив комплексым чумырен: ужатымаш, патыр, онар вий, тургыжланымаш, шарнымаш, омо, уш дене мутланымаш.

Циклыште ава образым чоҥышо посна мотив-влак Рожкинын сар годым да туддеч вара возымо почеламутлаштыжат вашлиялтыныт. Мутлан, «Эрге-влакым ава ужатен» (1941) почеламутышто ончыл верым ужатымаш мотив налын: шочшыжо-влакым фронтыш ужатыше ава ӱстембак эн сай чесым пога, марий кочкыш дене (ӱяча, туара, шергинде, когыльо, эгерче) сийла, шке шотшо дене икшывыже-шамычлан сугыньым пуа:

– Эргым-шамыч, родной шке элнам
Аралаш каеда те чылан.
Ида пу нигӧлан нигунам
Пиалан эрыкан мландынам!..
Йыр кечан кечывал пагыт годым,
Ял мучаш капка дек легылден,
Сут фашизмым сеҥаш касвел фронтыш
Эрге-влакым ава ужатен [Там же, с. 11].

Сар кайыме годым тиде возымо почеламутышто ме «Ава шӱм» циклысе психологизмым эше она уж, тудын ойыртемже – сар жапысе марий сылнымутлан келшыше публицистике да агитаций шӱлыш. Ава шӱм-чонышто тургыж-

ланымашым огына уж (ужатымаш тургыжланымаш мотив деч посна), тиде – кокытеланыде шонышо, тушман ваштареш шогышо пенгыде совет еҥ-патриот; йочажымат тудо эн ондак «пиалан эрыкан мландынам» аралыше салтак семын ужеш. Тыгаяк образ концепций «Украинка» (1943) почеламутыштат шижалтеш: ӱдыръеҥын шочмо кундемжым (Украиным) йӧратымыжым да тудым тушман деч виян аралымыжым салтак аван патриот шӱлышыж дене танастара:

Шочмо-кушмо родной Украиным
Шке аватла шарнен йӧратет [Там же, с. 15].

Тыгаяк танастарымаш (шерге элым саклыше авай гай герой-влак) 1938 ийыште (тиде пагытыште сар толшашлык сайынак шижалтын) возымо «Ме – шулдыран тукым» (1938) почеламутышто:

Мемнан Осипенко, Раскова, Ломако
Вӱдат самолетым йӧршеш орвала.
Тӱжем дене кушкыт тыгай герой-шамыч,
Саклаш шерге элым шӱмбел авала! [Рожкин, 1939, с. 17].

Лирике героят шкенжын патриот кумылжым аважын койыш-шоктышыж дене кылда («Мӧнгыш», 1946):

Атаке, разведке, поход ма – эре
Ава семын шарнышым шочмо верем [Патырлык корно, 2014, с. 23].

Тыгай патриот сынан семантике контекстыште аван образше сар годым да 1950-ше ийла тӱҥалтышыште возымо шуко почеламутышто палемдалтеш.

Ача-аван гай лишыл кумылетше
Чонлан ласка – ялт шошым май.
Война пыта, мием мый угыч ялыш,
Куан шӱм дене вашлияш лектат [Там же, с. 22]
(«Тылат, моторем», 1945).
Шӱмбел, йӧраталме, марий калыкем, <…>
Чыла пагыт годым кончет тые рашын,
Шӱмемым авам гай ласкан шыматет! [Рожкин, 1976, с. 13]
(«Тылат тиде муро, марий калыкем», 1943).
Ужар столица мый денемже
Шӱмбел авам гай кутыра [Там же, с. 15] («Йошкар-Ола», 1952).

«Чодыраште» (1946) почеламутышто лирике герой аваж нерген ныжылгын, «авием» мутым кучылтын ойла да тудын дене мотор шочмо элжым танастара:

Уэш ончылнем
Элнет пӱнчеремже;
Мотор илемем – шӱмбелем!
Йӧршеш авием гай
Чучат мыланемже,
Вӱчкет, модыктет шӱм-кылем! [Рожкин, 1948, с. 24].

1960–1970-шо ийлаште возымо почеламутлаштыже Рожкин шочмо элжым (марий кундемым, чумыр совет элым, Белоруссийым, Москвам) да аважым семантике шотышто уже синоним семын онча.

Тау манын, вуемым савем,
Шочмо-кушмо Элем – аваем! [Рожкин, 1976, с. 5] («Тау», 1974).
Пералта пеш куатлын кремлёвский курант.
А вара гимн почеш, пуйто шочмо ава:
– Поро эр, шочшем-влак! – пелештале Москва. <…>
– Поро эр, шочмо эл – эрыкан авана! –
Ӱдыр ден эргыч-влак саламлен ойлена [Там же, с. 5–6]
(«Поро эр», 1962).

Лӱшкалт, Белоруссий, виян!
Герой воин-влакым,
Шӱмбел эргыч-влакым
Вашлийын ӧндал авала! [Рожкин, 1948, с. 92]
(«Белоруссийыште», 1946).

«Белоруссийыште» (1946) поэмыште, сарын кочо лектышыжым сӱретлымыж годым, Рожкинын чонжо эн чот колышо ава верч вургыжеш:

Аваже камвозо,
Йӧршеш тӱс гыч возо,
Ыш керт пелештен нимомат… [Там же, с. 86].

Поэт-фронтовик Рожкинын сылнымутыштыжо аван образше сар ден гына огыл кылдалтын. Аван тыныслык илышыште вержым радамлымыж годым автор кугу иктешлымашым ышта – тиде иктешлымаш аван образшым универсальный (жапдыме), философский кӱкшытыш луктеш.

«Пиал шӱдырем» (1975) поэмыштыже автор еш илышын тӱрлӧ шӧрынан улмыжо, вате-марий кокласе умылыдымаш, ты ситуацийыште аван рольжо нерген шонкала. А поэмын тӱҥ идейже Рожкинын ава образ дене кылдалтше тӱрлӧ жапыште возымо чыла произведенийлажым иктыш уша: кеч-могай неле жап ынже лий, икшыве эре ава да ача дене пырля лийшаш.

Миклай Казаков сар жапыште лекше «Тул коклаште» поэзий сборникыштыже ава образым герой / шылше («отступник») оппозиций гоч ончыкта. Сборникыш «Герой пулемётчик» да «Отступник» поэме-влак пуреныт. Иктыштыже Совет Союз Герой Василий Степанович Архиповын тушман ваштареш талын, лӱддымын шогымыжым ужына гын, весыштыже ваштарешла ситуаций – шылше нерген, тудын мӧнгыжӧ пӧртылмыжӧ да аван йӱштын вашлиймыже нерген ойлалтеш.

Шонен аваже дек толаш,
Лыжга мутланымым колаш [Казаков, 1943, с. 124].

Ик шот дене, аван образшым автор сар жапысе литературылан (агитаций шӱлышлан) келшышын чоҥа, отступникшым «шӱйшӧ ньымыра» дене танастара, предательлан «шыдештше» чодырам ончыкта, ретроспекций йӧн

дене пайдаланен, ачажынат граждан сарыште шылын коштмыжым да бандит лиймыжлан кӧра тудым лӱен пуштмым ушештара. Чыным пален налмеке, ава келге патриот да нравственный сынан айдеме семын палдырна, намыс да акыл нерген ойла, эргыжым карга, мӧнгӧ гыч покта:

– Уке мо тыйын акылет?..
Кузе моштет – туге тый иле,
Но тыште ынже лий йолет! [Там же, с. 130].
– Кайже, йомжо!
Шоҥгылыкем тудлан каргаш… [Там же, с. 131].

Уверын ял мучко шарлымекыже, ава шке шочшыжым пыдал налаш огешат шоно, каргыме шомакым умбакыже шуя:

Ачат гаяк каргем мый тыйым,
Тый эрге отыл мыланем.
Намысленат, преступник лийын,
Аватын чонжым мыскылен… [Там же, с. 134].

Пӱртӱсат авалан пуйто полша: кӱдырчӧ сургалтеш, волгенче кавам кора. Тыгай пӱртӱссӱрет ужмышудымаш да каргыме мотивым текстыш шындараш полша.

Тыгодымак Казаков аван образшым вес могырымат ончыкта. Эргыжын толмыжлан аван первый реакцийже – шӱм гыч лекше, чонан айдемылан келшыше (*– Эргым! Пачкатам! Тазак улат дыр?..* [Казаков, 1943, с. 129]). Метафор сынан рашемдыш гоч аван шочшыжо нерген тургыжланымыжым палемдыме, текстыш чаманымаш мотивым пуртымо (*Йӱлен аван шӱм кӧргӧ чонжо… / Йӱд омо йомын…* [Там же, с. 131]; *Ала арам … лиям титак…* [Там же, с. 131]). Шылше эргыж нерген шонымаш ава чоным кожгатымым ок чарне – тидыжым автор шукыж годым метафор полшымо дене ончыкта: *Аван шӱм кылже вургыжеш* [Там же, с. 132]; *Могане юмо кӧргӧ шукшым / Пуэн мылам шоҥгылыкеш?* [Там же, с. 132].

Произведенийын сюжетше лач тиде психологий коллизий дене кылдалтын. Аван кокытеланымыжым палемдыме – тидым шукыточкым виян кучылтмашат ончыкта. Но, туге гынат, чумыр ончымаште, аван шӱмыштыжӧ икымше верыш автор тудын эргыжым чаманымашым огыл, а мер идейым (порысым) луктеш: шкенжым кидыш налын, ава калыкын тушманым сеҥаш полшышо тӱшка пашашкыже ушна (*Шолеш паша колхозын йӱкшӧ* [Казаков, 1943, с. 132]). Сар жап сылнымут деч геройым, пенгыде да патриот айдемым ончыктымашым йодын, марий поэт Казаковат шке творчествыштыже лач тиде корно дене ошкылын.

Авам ончыктымаште тыгаяк патриотизм шӱлышым ме «Чакнаш нигушко» почеламутыштат ужына:

Ит мондо: писе штык мучаште,
Туран логалше бомбылаште –
Чыла виет, пиаллыкет! [Там же, с. 14].

1942 ийыште возымо «Авамлан» («Тул коклаште» сборникыш пурен) да «Тидым шарне, йолташ!» почеламутлаште ава образым вучымаш мотив рашемда. Икымше почеламутыштыжо тиде мотивым анафор йӧн дене пенгыдемдыме:

Вучо мыйым шып кастене <…>;
Вучо волгыдо эрдене <…>;
Вучо шокшын, вучо келгын <…>.
Вучо кызыт, кодын шкетын,
Вучо утым шоныде [Там же, с. 73].

Кокымшо почеламутышто автор медсанбатыш кондымо лейтенантын илышыж нерген шонкала, лач ты контекстыште вучымаш мотив гоч ава образ шочеш:

Уло мӧҥгыштӧ шоҥго аваже,
Моло гаяк лыжга кумылан.
Малыде вуча эргын письмажым,
Молан тудо ок возо, молан? [Там же, с. 40].

«Германий гыч серыш» (1943) почеламутышто ава эргыжын серышлаштыже адресат семын палдырна. Тӱрлӧ мутообразым (эпитет), стилистике (гиперболо) да синтаксис (риторике йодыш, савырнык) йӧным кучылтын, автор сарыште кредалше эргын аваж дене кутырымыжым, неле илышыжым (индыралтмыжым) ончыкта. Аван образше – лирике повествованийын эпицентрже семын палдырна: тудо эре салтакын ончылныжо, тудо ялысе тыныс илышын символжо, тудо нелылыкым сеҥаш полша, илышыжым ылыжта, чонжым ырыкта:

Ушем дене мием тендан дек йӱд рӱдеш.
Шарнем шкенан колхозым, кодшо кече-влакым,
Кеч ик жаплан чонем кана да луш лиеш [Казаков, 1945, с. 13].

Сар пытыме дене кылдалтше куаным сӱретлыме годым «Ик эрден» (1944) почеламутышто Казаков таклан огыл эн ондак шочмо ава дене вашлиймым ончык луктеш:

Куаналын, кычкырал,
Тый аватым ӧндалат [Там же, с. 46].

Казаковын «Керек кунам, керек могане верышке ме братский кидым пуэна!» лирике циклыште ава дене кылдалтше икмыняр мотивым ончыктыман – тиде аван эргыж верч тургыжланымыже, эргыжым вучымыжо (Василий Рожкинын произведенийлаже семынак) да эргын аважым шарнымыже да йӧратымыже.

Шоҥго аваже ужын тамле омым:
Пуйто эрге толын да вӱчкен.
Пленышке верештшым кӱ мешакыш –
Пан кашак шуэныт – шем тюрьмаш [Казаков, 1940, с. 19].

Лирике циклын тӱҥ шонымашыже: лишыл ең верч тургыжланымаш да йӧратымаш – тиде илыш энертыш, ава ден эрге коклосе кыл виян да умбакыже илаш кумылым луктеш; кеч-могай нелылыкым сеҥаш да эрыклан ӱшанымашым аралаш ача-авам шарнымаш кугун полша.

Семен Вишневский ныл ий жап сар корным эртен, сар жапыште тудын кок сборникшым савыктыме. «Фронтовой корно» (1943) сборник гыч «Миена» почеламутышто тудо, Василий Рожкин ден Миклай Казаков семынак, аван образшым шукыж годым эргыжым вучымаш мотив гоч почын пуа:

Пӧрт мӱндырнӧ. Шоҥго авий дене
Чал вуян ачий вучат сеҥен толмем [Вишневский, 1943, с. 19].

«Эрвел мардеж» (1944) сборник гыч налме «Тольым шочмо ялыш» почеламутышто аван образше лирике геройын шарнымашыштыже палемдалтеш, эргын аваж дене вашлиймаш мотив гоч пуалтеш:

Ачием ӧндале,
Авием шупшале,
Нигунам ты кечым
Мый монден ом керт [Вишневский, 1944, с. 43].

«Авамлан серыш» почеламутышто лирике герой шке серышыштыже аваж дене мутлана, аважын пашаче улмыжо, шочшыж верч тургыжланымыже нерген воза (*«лым от лий тый йӱдын-кечын»)* да шкенжын, аваж гаяк, чон вийжым (кӱкшытшым), патриот улмыжым палемда:

Эрык верч,
Элже верч тушман дене
Тыйын эргыч
Герой семын кредалеш [Там же, с. 37].
Йӧраталме шоҥго
Мыйын аваем,
Тендан тымык илышда верч
Ты эрдене
Кече лекме годым
Бойышко пурем [Там же, с. 37].

Тиде почеламутышто кӱшнӧ ончыктымо вучымаш мотив («Миена» почеламут) вес – ава ден эргын серышым вучымо – вариант дене палдырна:

Мый дечем вучет тый
Кечын серышемым,
Мыят вучем
Тый дечет, аваем [Вишневский, 1944, с. 37].

Серышым тиде почеламутышто аван быт илышыжым (ведра, тӱгӧ лекмаш) да салтак эргыжын сар тӱняжым (бой, винтовка), тӱрлӧ мотив-влакым (эргын аважым шарнымашыже, йӧратымашыже да тушман дене кредалмыже) ушышо «кӱвар» семын ончаш лиеш.

Аван образше Вишневскийын кусарыме текстлаштыжат вашлиялтеш. Руш писатель Александр Твардовскийын «Мать и сын» почеламутшым кусарымыж годым (вуймутшо – «Ава ден эрге», кокымшо вуймутшо – «Твардовскийын гыч») марий автор тиде образым сӱретлымаште аван эргыжым чын да чот йӧратыме мотивлан кугу верым ойыра:

Шочмо эргыж ваке
Шып онча ава [Вишневский, 1943, с. 22].

Тыгай йӧратымашыште чылажат иктыш ушнен: кугу йӧратымаш, куанымаш, кугешнымаш, келге (шылтыме) тургыжланымаш, ойгырымаш, азапланымаш, чытымаш, полшаш шонымаш, ситуацийым сеҥен кертдымаш… Тидыже эн ондак келге психологий сынан «шып» мутым кучылтмылан кӧра лиеш.

Иктешлымаш

Икманаш, фронтовик-влакын мутсаскашт чонеш логалше йылме дене возымо, саманлан келшыше шинча ончылан эртен кайыше татым ушеш лодемалт кодшо сӱретым аван образше гоч ончыктымо. Тудо тӱрлӧ мотивла гоч палдырна (ужатымаш, патыр, онар вий, тургыжланымаш, шарнымаш, омо, уш дене мутланымаш, вашлиймаш да т.м.).

Поэт-влакын сылнымут саскаштышт ава образ шукыж годым символ семын пуалтеш (мутлан, Василий Рожкинын произведенийлаштыже шочмэл, совет кундем дене танҥастаралтеш). Шуко текстыште аван образше лирике повествованийын эпицентрже семын палдырна: тудо эре салтакын ончылныжо, тудо ялысе тыныс илышын символжо, тудо салтаклан нелылыкым сеҥаш полша, илышыжым ылыжта, чонжым ырыкта.

Сар жапыште возымо текстлаште аван образше агитаций да публицистике сын дене ойыртемалтеш гын (ава – тушман ваштареш шогышо пенгыде совет ен-патриот), сар деч вара возымо произведенийлаште психологизм да психологий коллизий (поснак кугурак кугытан поэзий текстлаште) ончыко лектыт. Сар деч варасе текстлаште аван образше южгунамже (мутлан, Василий Рожкинын произведенийлаштыже) философий сыным налеш.

Поэт-влакын мастарлыкышт произведенийым чоҥымо (ретроспекций, серыш, омо, психологий конфликт, сылнымут рашемдыш да т.м.) да сылнештарыме (танҥастарымаш, метафор, анафор, шукыточко да т.м.) йӧн-влакым моштен кучылтмыштат палдырна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вишневский С. Фронтовой корно: почеламут-шамыч = Фронтовая дорога: стихи. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1943. 30 с.

Вишневский С. Эрвел мардеж: почеламут-шамыч = Ветер с востока: стихи. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1944. 58 с.

История марийской литературы / отв. ред. К.К. Васин, А.А. Васинкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 432 с.

Казаков М. Отважный комсомол: почеламут-шамыч = Отважный комсомол: сб. стихов. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1940. 118 с.

Казаков М. Тул коклаште: почеламут-шамыч = В огне: стихи. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1943. 156 с.

Казаков М. Мемнан уремыште пайрем: почеламут сборник = На нашей улице праздник: сб. стихов. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1945. 63 с.

Очерки истории марийской литературы: в 2 ч. / МарНИИ языка, литературы и истории при Совете министров МАССР; отв. ред. М.А. Георгина. Ч. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 411 с.; Ч. 2. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1963. 424 с.

Патырлык корно. Василий Рожкин – поэт, салтак, туныктышо: почеламут, поэме, ойлымаш, статья, шарнымаш = Дорога мужества. Василий Рожкин – поэт, солдат, учитель: стихи, поэма, рассказ, статьи, воспоминания / Г.З. Зайниев ямдылен. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2014. 176 с.

Рожкин В. Пеледме муро: стих-шамыч = Песнь цветения: стихи. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1939. 80 с.

Рожкин В. Сеҥымаш муро: почеламут сборник = Песнь победы: сб. стихов. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1948. 95 с.

Рожкин В. Тау: ойырен налме почеламут ден поэма-влак = Спасибо: избранные стихи и поэмы. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1976. 126 с.

Фоменко И.В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: ТГУ, 1992. 123 с.

Veronika Pirogova

THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE WORKS OF MARI FRONT-LINE POETS

Introduction. The works of writers of the war generation reflect not only the themes of patriotism, heroism and internationalism traditional to ‘war’ literature, but also entirely ‘non-military’, universal themes, including the theme of the mother. **The purpose** of the article is to examine the semantics and poetics of the image of the mother in the works of Mari front-line poets. **Materials and methods.** The empirical material for the study consists of the poetic texts of Vasiliy Rozhkin, Semyon Vishnevsky and Miklay Kazakov, in which the authors address the theme of the mother and draw upon the image of the mother. Research methods are structural and semantic, comparative and typological. **Results, discussion.** The article addresses such academic issues as the conceptual and thematic strands of the image of the mother, the specificity of the author’s connotation, poetic devices for creating the image, and similarities in its artistic representation in the works of different authors. **Conclusion.** The image of the mother in the poetic texts of front-line poets conveys, in a poignant tone, the emotional tension of the pre-war and wartime eras; it often takes on a symbolic resonance; the image of the mother is revealed through a system of interrelated motifs; the poets’ mastery in the use of figurative and expressive devices is evident.

Keywords: Mari literature; front-line poets; the image of the mother; semantics of the image; poetics; motif; figurative and expressive means.

REFERENCES

Vishnevskij S. Frontovaja doroga: stihi [Front Road: Poems.]. Yoshkar-Ola, Margosizdat, 1943, 30 p. (In Mari).

Vishnevskij S. Veter s vostoka: stihi [The Wind from the East: Poems]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj izdatel'stvo, 1944, 58 p. (In Mari).

Istorija marijskoj literatury [History of Mari Literature]. Ed. K.K. Vasin, A.A. Vasinkin. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 432 p. (In Russian).

Kazakov M. Na nashej ulice prazdnik: sbornik stihov [The Holiday is in our Street: Collection of Poems]. Yoshkar-Ola, Margosizdat, 1945, 63 p. (In Mari).

Kazakov M. Otvazhnyj komsomol: sbornik stihov [The Brave Komsomol: Collection of Poems]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj izdatel'stvo, 1940, 118 p. (In Mari).

Kazakov M. V ogne: sbornik stihov [In the Fire: Collection of Poems]. Yoshkar-Ola, Margosizdat, 1943, 156 p. (In Mari).

Ocherki istorii marijskoj literatury: v 2 chastjah [Essays on the History of Mari literature in 2 vol.]. Ed. M.A. Georgina. Chast' 1. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960, 411 p. Chast' 2. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963, 424 p. (In Russian).

Doroga muzhestva. Vasilij Rozhkin – poet, soldat, uchitel': stihi, poema, rasskaz, stat'i, vospominanija [The Heroic Road: Vasiliy Rozhkin is a Poet, a Soldier, a Teacher: Verses, a Poem, a Short Story, Articles, Memories]. Yoshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 2014, 176 p. (In Mari).

Rozhkin V. Pesn' cvetenija: stihi [The Song of Flowering: Poems]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj izdatel'stvo, 1939, 80 p. (In Mari).

Rozhkin V. Pesn' pobedy: sbornik stihov [The Song of Victory: Collection of Poems]. Yoshkar-Ola, Margosizdat, 1948, 95 p. (In Mari).

Rozhkin V. Spasibo: izbrannye stihi i poemy [My Deep Gratitude: Selected Verses and Poems]. Yoshkar-Ola, Knigam luksho marij izdatel'stvo, 1976, 126 p. (In Mari).

Fomenko I.V. Liricheskij cikl: stanovlenie zhanra, poetika [The Lyrical Cycle: the Formation of the Genre, Poetics]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 1992, 123 p. (In Russian).

Вероника Витальевна Пирогова
главный библиотекарь отдела национальной и краеведческой литературы научной библиотеки им. Р.А. Пановой,
магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: v.pirogo@mail.ru

Veronika Pirogova
Chief Librarian of the Department of National and Local History Literature at the R. A. Panova Scientific Library,
Master's Student, Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: v.pirogo@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 94(470.51)+392
DOI 10.51254/2312-0312-2026-2-74-73-95

БРАЧНЫЕ КОНТАКТЫ БЕСЕРМЯН ПО ДАННЫМ III РЕВИЗИИ

© 2026 г. Н.В. Пислегин

Введение. В начале 1760-х годов переписные книги впервые массово зафиксировали не только бесермян, но и бесермянок. В результате появилась возможность системного изучения у народа такого важного общественного института, как брак. Наибольший вклад в исследование брачных контактов бесермян внесла Е.В. Попова. **Цель статьи** – дополнить и уточнить ее выводы о брачных традициях народа в середине XVIII века. **Материалы и методы.** Главным материалом статьи являются данные выявленных сказок III ревизии 1762–1764 годов, в которых были переписаны бесермяне. В основу исследования положены методы работы с историческими неопубликованными источниками. **Результаты исследования, обсуждение.** Анализу были подвергнуты жители 27 селений, в которых в то время проживали бесермяне, в том числе совместно с татарами и удмуртами. Подавляющая их часть располагалась в бассейне Чепцы, из них 4 – в низовьях этой реки. Всего было зафиксировано более 550 указаний о происхождении бесермянских жен и около 500 упоминаний о выдаче замуж девушек. Более 7 % замужних находились в браке с двое- и троеженцами. Значительная часть представителей этноса к этому времени подверглась христианизации, однако в 1760-е годы она еще не привела к существенным различиям между брачными контактами крестившихся и некрестившихся. В сопровождающих статью приложениях приведены данные о происхождении бесермянских жен (с указанием мест, откуда они прибыли в тот или иной населенный пункт, численности, этнической принадлежности) и брачных контактах бесермянок (с обозначением связанных поселений, числа замужних девушек, принадлежности их мужей к тому либо другому народу). **Заключение.** В целом для народа были характерны внутрипопуляционные брачные традиции. Вместе с тем достаточно часто бесермяне брали жен-удмурток и отдавали своих дочерей за татар.

Ключевые слова: Е.В. Попова; бесермяне; брачные контакты, III ревизия; христианизация; Чепецкий бассейн.

Введение

В середине XVIII века в жизни бесермянского народа, как и других народов Среднего Поволжья и Приуралья, произошло важнейшее событие – инициированное государством массовое крещение. Вскоре после этого была проведена очередная перепись населения. Она впервые относительно полно отразила не только облагаемые налогами и повинностями души мужского пола (ревизские), но и представительниц женской части населения. Но при этом необходимо учитывать, что в XVIII веке существовала тенденция скрывать данные о населении, особенно при переписях. Это особенно заметно по материалам III ревизии, где численность женщин в населенных пунктах Удмуртского Прикамья значительно ниже, чем мужчин. Данное явление наиболее характерно для крупных населенных пунктов [Пислегин, Чураков, 2020, с. 180–224]. Именно поэтому оперируемые числовые данные о брачных связях будут носить относительный характер. Таким образом, системное изучение брачных контактов населения становится возможным только с этого периода. Также стоит обратить внимание на исследование их роли в процессе выбора вероисповедания.

Обращение к исследованию брачных контактов бесермян и, шире, их брачных норм и традиций имеет достаточно богатую историографическую традицию. Его начало было положено в дореволюционную эпоху [см., напр.: Штейнфельд, 1894, с. 232, 235, 241–247, 254]. Теснейшие связи с чепецкими татарами неизбежно обращали внимание исследователей последних и на бесермян [см., напр.: Уразманова, 1978, с. 73–74, 88–89; Исхаков, 1980; Касимова, 2003, с. 82–86].

Особого внимания заслуживают научные изыскания Е.В. Поповой. В своей ставшей классической монографии она, среди прочего, исследовала один из документов, сохранившихся до наших дней, который наиболее полно описывает бесермян 1762–1764 годов. Она указала на имевшие место немногочисленные случаи двоеженства, предположила, что проведенная христианизация значительно ограничила брачный выбор: принявшие православие уже в это время отдавали предпочтение крестившимся, а некрестившиеся – подобным же своим сородичам. При этом, здесь сразу необходимо это отметить, мы не склонны согласиться с мнением указанного автора, что отказавшиеся от крещения в середине XVIII века на тот момент непременно являлись мусульманами, хотя, без сомнения, влияние ислама на бесермян было значительнее, чем, например, на их соседей-удмуртов.

Исследователем отмечена практическая сформированность брачных ареалов, хотя все еще высока была доля браков вне их пределов. Первый ареал

включал четыре села в низовьях реки Чепцы: Большой и Нижний Погосты (оба – современные села Карино Слободского района Кировской области), Мочагино (сейчас деревня Нижнее Мочагино) и Шамардан (деревня Шамарданово); среди жителей этих населенных пунктов 83,9 % заключали браки внутри ареала, а 16,1 % – с жителями Среднечепецкого бассейна; всего было два случая брака с удмуртками из деревни Круглово. Еще три ареала были выделены на территории Средней Чепцы, уже ставшей основным местом расселения народа: 1) среднее течение Лекмы и Лемы (56,1 % – внутри ареала, 33,4 % – из соседнего ареала в верховьях Лекмы и Лемы, а также по Убыти, 6,6 % – правобережье Чепцы и р. Юнда); 2) бассейн Убыти и верховья Лекмы и Лемы (56 % – свой ареал, 33,8 % – ворцинско-ежевские селения, 10 % – гордино-юндинские); 3) бассейн Юнды и правобережье Чепцы (66,2 % – собственный ареал, 29,7 % – преимущественно с селениями по Убыти и в верховьях Лекмы и Лемы). К началу XX века внутриареальные браки достигали уже 85–99 % [Попова, 1998, с. 97–100, 103, 163].

Цель статьи

Проведенный Е.В. Поповой анализ брачных контактов бесермян в середине XVIII века, на наш взгляд, возможно дополнить. Целью настоящей публикации является дополнение и уточнение сделанных ею умозаключений относительно указанных аспектов истории народа в середине XVIII века.

Материалы и методы

Главным материалом статьи являются данные выявленных сказок III ревизии 1762–1764 годов, в которых были переписаны бесермяне. В основу исследования положены методы работы с историческими неопубликованными источниками (источниковедческий, функциональный, информационный анализ, историко-сравнительный метод). Объектом исследования являются представители народа, находившиеся в брачных связях.

Результаты исследования, обсуждение

В начале 1760-х годов бесермяне проживали в 27 населенных пунктах, среди которых были и те, где они жили вместе с татарами и удмуртами. Три из них (удмуртско-бесермянский Белебей-Тамак (современный наследник – д. Купченеево Ермекеевского района Башкортостана), татарско-бесермянский Бектыш первого основания (ныне Балезинского района), Артык (в последующем русское селение в Красногорском районе), возникнув после 1747 года, исчезли достаточно быстро (к 1782 году). Еще в трех (Балезино, Красная Слудка, Шудзялуд) бесермяне, хотя и фиксировались достаточно длительное время (в Шудзялуде (совр. Нижний Шудзялуд Дебесского района) и Балезино – с XVII до начала – конца первой трети XIX века, в Красной Слудке (Нижняя Слудка Глазовского района) – вплоть до XX века), их было немного. Кроме того, один населенный пункт – поч. Сыльшур Ежевских де-

ревень Верхочепецкой Нижней доли (ныне исчезнувшая д. Солшур Юкаменского района) – официально был основан к 1782 году, правда, официальной сказки III ревизии по нему нет, однако он пару раз упоминается в переписях других селений [Пислегин, Чураков, 2024, с. 86; Пислегин, 2024, с. 260, 262–265].

Брачные ареалы бесермян, выделенные Е.В. Поповой, согласуются с группировкой их селений по речным бассейнам. Это объясняет территориальную близость населенных пунктов друг к другу. При изучении Нижнечепецкого ареала мы зафиксировали 154 упоминания о происхождении женщин в четырех селениях и 117 случаев их замужества в этом районе. В первом случае внутриареальных межбесермянских браков насчитывалось 115 (74,68 %), во втором – 108 (92,31 %), браков с бесермянами Среднечепецкого бассейна – соответственно, 26 (16,88 %) и 2 (1,71 %). Указанные процентные соотношения соответствуют данным, представленным Е.В. Поповой. При всем этом, правда, необходимо учитывать тот факт, что в данное число условно межбесермянских браков вполне могли входить браки с татарами. Бесспорно можно говорить только о трех союзах с татарками (1,95 %), взятых из д. Кестым (ныне Балезинского района), поч. Лекомский (д. Починки Юкаменского района) и некой д. Лажинская Алатской дороги Казанского уезда. 7 девушек (5,98 %) были выданы замуж за татар: 6 – в Илясов погост (совр. с. Карино), одна – в Сеитову слободу (с. Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области). 9 жен нижнечепецких бесермян (5,84 %) являлись удмуртками, причем 5 из их вышли замуж в Мочагино. Кроме указанного Е.В. Поповой Круглово, они происходили из находившихся в относительной близости Верхнего Мочагина, Бурино, Нового погоста и отдаленных деревень Сибирь, Баковская, станов «Верх Чепцы» и Ягульская Арской дороги. Одна русская жена была родом из д. Жолнинская Холуницкого тяглого стана. Внутриселенные брачные союзы, составившие 64 случая (41,56 %) среди взятых и 58 случаев (49,57 %) среди отданных, естественным образом были наиболее характерны для крупных селений – Большого и Нижнего погостов. Напротив, в Шамардане и Мочагино внутриселенных браков не имелось вовсе. Подобное было характерно и для других бесермянских населенных пунктов (например, в относительно крупных Гордино и Ежево на Средней Чепце доля браков, заключаемых между однодеревенцами, также была высока).

В Большом погосте были указаны три двоеженца и троеженец. Их супруги происходили из Нижнего погоста (4 случая), Гордино (3), Большого погоста и Мочагина (по одному). В Нижнем погосте отметили трех двоеженцев (места происхождения жен – Большой погост, Нижний погост, пог. Шамардан, д. Ежево, поч. Лекомский и удмуртская д. Сибирь), причем один из них принял крещение (жена-удмуртка Айсултан Иванова, по всей видимости, осталась не-

крещеной). Еще два случая двоеженства приходились на Шамардан: у одного из проживающих там мужчин супруги были родом из Большого погоста; в случае с умершим в 1750 году мужчиной одна из его вдов была из Нижнего погоста, а другая – из Гордино. Таким образом, на Нижней Чепце полигамными являлись 12,34 % (19 из 154) браков, если судить по имеющимся указаниям о местах происхождения жен. Еще один двоеженец, крещеный житель Нижнего погоста, к моменту ревизии, вероятно, переселился в Нижний погост по Лиме (д. Абашево Юкаменского района). На прежнем месте жительства он был отмечен с оставшейся «в суеверии» женой, взятой из Нижнего погоста, а, одновременно, на новом – с ней же и принявшей крещение, также уроженкой Нижнего погоста.

Усредненные данные о брачных связях бесермян Средней Чепцы, представленные Е.В. Поповой, свидетельствуют о том, что браки чаще всего заключались между жителями соседних населенных пунктов, принадлежащих к одной этнической группе. Эти данные позволяют выделить один основной брачный ареал — Среднечепецкий. При этом в него можно включить и, возможно, упущенные исследователем Балезино, Красную Слудку, Шудзялуд (пусть данный населенный пункт, по большому счету, и следует относить к району Верхней Чепцы), Бектыш и Артык. В деревне Белебей-Тамак, которая не входит в этот ареал, единственный бесермянин женился на дочери ясачного татарина-новокрещена из деревни Тюменякова Казанского уезда.

Всего в брачном ареале Средней Чепцы нами зафиксировано 407 замужних женщин, относительно которых имеются сведения о происхождении (см. прил. 1), и 377 бесермянских дочерей, о ком сообщено, куда они вышли (см. прил. 2). В обоих случаях подавляющая их часть (соответственно, 326 или 80,1 % и 313 – 83,02 %) находилась в браке внутри ареала. Из Нижнечепецкого ареала происходили 15 женщин (3,69 %), туда же были выданы 22 (5,84 %). Отметим, что при данных подсчетах возможны погрешности при определении одноименных селений – пог. и д. Шамардан. Всего насчитывалась 41 удмуртка, вышедшая замуж за бесермянина (10,07 %), в свою очередь, женами удмуртов стали всего лишь 6 бесермянок (1,59 %). Больше всего супруг-удмурток или выданных за удмуртов имелось в Балезино (4 из общего числа в 8 упоминаний о местах происхождения), Красной Слудке (соответственно, 5 из 7 упоминаний о деревне происхождения и 1 из 6 указаний на место, куда девушки ушли), Шудзялуде (1 из 1 и 1 из 2), Юнде (7 из 15 и 1 из 15), Нижнем погосте по Лиме (2 из 9, выданных за удмуртов нет), Гордино (9 из 69, но ни одной выданной), Ворце (5 из 35, без выданных), Жуваме (2 из 26, без выданных), Ежево (2 из 49 и 2 из 46). Как правило, здесь бесермяно-удмуртские брачные связи охватывали ближнюю округу, чаще всего, все тот же Среднече-

пецкий ареал. Из относительно удаленных мест происхождения удмуртских жен можно назвать дд. Шаркан (в Юнду), Старая Пудга (в Тутаево) Арской дороги и Пислеглуд (в Жувам). Три среднечепецкие бесермянские жены (0,74 %) происходили из отдаленных русских деревень (д. Вежа Соликамского уезда в Ежево, Верховского тяглого стана в Зянкино, д. Починок Шепелевский Красноглинской волости в Верхней Пажме). У татар в жены были взяты минимум 23 девушки (5,65 %), выданы за них 38 (10,08 %). Для данного исторического периода бесермяно-татарские брачные контакты были наиболее характерны для Гордино (8 татарок: 5 из Починошной, по одной – из 3 деревень Алатской дороги Казанского уезда; 19 отданы за татар: 10 – в Кестым, по 3 – в Большой погост и д. Шашинская Арской дороги, 2 – в д. Ключевская (совр. Татарские Ключи), 1 – в д. Агрыз Арской дороги), Юнды (2 из 15 и 4 из 15), полностью бесермяно-татарскими они были в Бектыше. Особое внимание обращает на себя значительная доля (9 из 22) жен-татарок, взятых из отдаленных селений (Алатская, Арская, Ногайская дороги Казанского уезда, Уфимский уезд). За татар своих дочерей представители народа отдавали преимущественно в ближайшую округу.

Полигиния среди среднечепецких бесермян встречалась реже, чем у их сородичей, проживающих в низовьях Чепцы. Многоженцами являлись по одному жителю поч. У речки Убыти (совр. д. Палагай Юкаменского района; обе жены в сказке указаны как происходившие из д. Ожгиярская, т.е. Турчино), дд. Жувам (из той части жителей деревни, которые либо их потомки стали вскоре населять д. Иманай, ныне Юкаменского района; супруги из Ежево и Гордино) и Починошная Лекомская (Починки Юкаменского района; вторая жена – татарка из д. Большой Сулятан Науруской сотни Ногайской дороги Казанского уезда). В деревне Тутаево (Юкаменский район) проживало наибольшее количество мужчин, состоявших в браке с несколькими женщинами (6 человек). У 4 живущих здесь двоеженцев супруги происходили из Юнды, Починошной (дважды), Тутаево, Турчино, Зянбулатово, Гордино, удмуртской д. Старая Пудга, у умершего – из Тутаево и Зянбулатово. Здесь же имелся единственный на Средней Чепце троеженец-бесермянин, две жены которого были из Жувама, еще одна являлась татаркой из д. Каризий Казанской дороги Уфимского уезда. Упомянутый крещеный двоеженец, скорее всего, уже жил в Нижнем погосте по Лиме. Еще такие крестившиеся были зафиксированы в дд. Гордино (ныне Балезинского района; обе его принявшие православие жены происходили из отдаленных татарских деревень Алатской и Арской дорог) и Шамардан (Юкаменского района; супруги из Зянбулатово и Ежево). Интересная ситуация сложилась в д. Ворца (Ярского района). Здесь Рык (Рыс) Тухаев Тюкин, в крещении Илья Иванов Дюкин, был отмечен с одной женой, происходившей из д. Зянкино, и другими крещеными членами семей-

ства. Вместе с тем в отдельной сказке некрещеной части деревни во дворе одного из его сыновей, отказавшегося креститься Курбаная Рысева Тюкина, были указаны как две его жены (из Ворцы и поч. Лекомский), так и «мачиха», также происходившая из Лекомского. Очевидно, последняя была второй женой неофита Ильи Иванова. У Курбаная числились и две незамужние некрещеные сестры. Еще у двоих из четырех братьев Рыка – Матвея и Ишмурзы – было по две жены: 1) из дд. Шамардан и Тутаево; 2) обе из Ворцы. Кроме того, с Матвеем проживала мачеха, происходившая из Тутаево. Поэтому вполне возможно предположить, что и их отец Тухай (Тукай) Дусаев Дюкин, прибывший в Ворцу между 1710–1717 годами из Большого погоста [Удмуртское Прикамье, 2009; 2016], был многоженцем. К моменту проведения третьей ревизии на Средней Чепце 7,62 % (31 из 407) браков были полигамными.

На наш взгляд, в середине XVIII века не представляется возможным говорить о значительных различиях в брачных предпочтениях между крещеными и некрещеными бесермянами. Это обусловлено тем, что массовый перевод значительной части (около половины) населения в православие на тот момент был проведен сравнительно недавно, после 1747 года. Разве что у отказывавшихся от христианства несколько более были распространены браки с татарами. Один из ярких примеров здесь дают д. Зянбулатово и поч. У речки Убыти. Оба этих населенных пункта происходят от одного двора – Янбулата (Зянбулата) Бедикова, основавшего первоначально один починок в середине XVII века. Приблизительно через сто лет потомки Зянбаевых из д. Зянбулатово приняли христианство в полном объеме, в то время как потомки Абашевых из поч. У речки Убыти приняли его частично. Впоследствии потомки отказавшихся «восприять святое крещение» стали составлять основу населения татарской д. Палагай, а остальные – бесермянской д. Гулекшур [Пислегин, 2025]. При анализе соответствующих разделов приложений наблюдается значительная схожесть брачных предпочтений между крещенными и некрещенными представителями. В начале второй половины XVIII века крещеные вступали в брак исключительно с бесермянами; среди некрещеных из 15 жен 2 были татарками, а 1 из 10 замужних женщин заключила брак с жителем татарской деревни Кестым (см. прил. 1 и 2).

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что к середине XVIII века у бесермян были сформированы брачные ареалы, и их представителям было свойственно стремление заключать браки внутри этноса. Однако необходимо также подчеркнуть ранее не учитывавшийся факт: бесермяне значительно чаще вступали в браки с удмурткими, чем отдавали своих дочерей замуж за удмуртов. В рассматриваемый период эта тенденция способствовала увеличению

численности бесермян. Необходимо также отметить, что наблюдалась обратная тенденция в брачных контактах между бесермянами и татарами. Однако количество таких браков было ниже, чем число браков с удмуртским населением. Анализ брачных связей бесермян, основанный на данных III ревизии, подтверждает уже установившуюся тенденцию к миграции значительной части представителей этноса в район Средней Чепцы.

Приложение 1

Происхождение бесермянских жен по данным III ревизии

Населенный пункт	**Отмеченное место происхождения жен бесермян**	**Численность**	**Этническая принадлежность**
1	2	3	4
Большой погост (совр. с. Карино Слободского района Кировской области)	Большой погост	18	бесермянки
	д. Бурино (совр. Слободского района)	1	удмуртка
	д. Гордино	5	бесермянки
	д. Ежево	1	
	д. Жолнинская Холуницкого тяглого стана	1	русская
	д. Зянкино	1	бесермянка
	д. Кестым	1	татарка
	д. Лекомский починок	1	бесермянки
	д. Мочагино	8	
	Нижний погост	17	
	д. Тутаево	1	
	пог. Шамардан	9	
	д. Шудзялуд	1	
	д. Юнда	2	
Нижний погост (совр. с. Карино Слободского района)	д. Баковская вверх Чепцы (совр. Бакино Шарканского района?)	1	удмуртка
	Большой погост	18	бесермянки
	д. Гордино	4	
	д. Ежево	1	
	д. Жувам	1	
	д. Илясово / Илясов погост (совр. Карино)	1	татарка
	д. Ключевская	1	бесермянка
	д. Лажинская Алатской дороги	1	татарки
	д. Лекомский починок	4	
	Нижний погост	11	бесермянки
	д. Сибирская (совр. Сибирь Унинского района Кировской области)	1	удмуртка
	пог. Шамардан	7	бесермянки
	д. Ягулская Арской дороги	1	удмуртка

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
пог. Шамардан (совр. д. Шамарданово Слободского района)	Большой погост	14	бесермянки
	д. Гордино	1	
	д. Мочагино	1	
	Нижний погост	8	
д. Мочагино (совр. Нижнее Мочагино Слободского района)	Большой погост	2	бесермянки
	д. Верхнее Мочагино (совр. Слободского района)	2	удмуртки
	д. Гордино	1	бесермянка
	д. Кругловская (совр. Слободского района)	2	удмуртки
	д. Люнда	1	бесермянки
	Нижний погост	2	
	Новый погост (совр. Слободского района)	1	удмуртка
д. Артык (совр. Красногорского района)	д. Ворца	1	бесермянки
	д. Гордино	1	
	д. Ежево	1	
	д. Дасос	1	
д. Балезино (совр. с. Балезино Балезинского района)	д. Гордино	1	бесермянка
	д. Заболотное (совр. Балезинского района)	1	удмуртка
	д. Мочагино	1	бесермянка
	д. Олып (совр. Большой Олып Кезского района)	1	удмуртки
	д. Трубашур (совр. Глазовского района)	2	
	поч. У речки Убыти	1	бесермянки
	д. Юнда	1	
поч. Бектышевская пустошь в вершине речки Бачумшур (совр. д. Бектыш Балезинского района)	д. Гордино	2	бесермянка и татарка
	д. Сюйда (?)	1	татарка
д. Белебей-Тамак (совр. д. Купченеево Ермекеевского района Башкортостана)	д. Тюменякова Казанского уезда	1	татарка
д. Вверх Мои / Моинская (совр. Моино Ярского района)	Большой погост	2	бесермянки
	д. Вверх Мои	1	
	д. Ворца	2	
	д. Жувам	1	
	д. Зянбулатово	1	
	д. Над Пажмою	1	
	д. Починошная	1	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
д. Ворца (совр. Ярского района)	д. Байдалино (совр. Ярского района)?	1	удмуртка?
	д. Ворца	5	бесермянки
	д. Гордино	1	
	д. Дасос	1	
	д. Ежево	3	
	д. Жувам	2	
	д. Зянкино	3	
	д. Красная Слудка	1	
	д. Пажминская	2	
	поч. Лекомский	3	
	поч. Татарский	1	бесермянка
	д. Сянино (совр. Глазовского района)	1	удмурткa
	д. Тукбулатово (совр. Глазовского района)	1	
	д. Тутаево	3	бесермянки
	д. Тымпал (совр. Ярского района)	1	удмуртка
	пог. Шамардан	3	бесермянки
	д. Шамардан у Лимы	2	
	д. Юберево (совр. Куркан Юкаменского района)	1	удмуртка
д. Гордино (совр. Балезинского района)	д. Балезино	3	2 бесермянки, 1 удмуртка
	Большой погост	1	бесермянка
	д. Верх Варыш (совр. Большой Варыж Балезинского района)	1	удмуртка
	д. Ворца	3	бесермянки
	д. Ворца (совр. Вортча Кезского района)	2	удмурткa
	д. Глазово (совр. г. Глазов)	2	
	д. Гордино	24	бесермянки
	д. Ежево	2	
	д. Жувам	1	
	д. Зянбулатово	2	
	д. Зятцынская Алатской дороги	1	татарки
	д. Ирмедьи (?) Алатской дороги	1	
	д. Красная Слудка	4	бесермянки
	д. Лудья (совр. Лудъяг Кезского района?)	1	удмуртка
	д. Люнда (совр. Юнда)	6	бесермянки
	д. Малькан (?) Арской дороги	1	татарка

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
д. Гордино (совр. Балезинского района)	д. Омутница (совр. Глазовского района)	1	удмуртки
	д. Оросово (совр. Балезинского района)	1	
	д. Починошная	6	бесермянки
	д. Туменака Алатской дороги	1	татарка
	д. Тутаево	2	бесермянки
	д. Шамардан	1	
	д. Шудзялуд	1	
	д. Ягошур (удм. Голегурт, совр. Балезинский район?)	1	удмуртка
д. Дасос (совр. Засеково Юкаменского района)	д. Бурино (совр. Балезинского района)	1	удмуртка
	д. Ворца	1	бесермянки
	д. Жувам	1	
	поч. Лекомский	1	
	д. Пажминская	1	
	д. Тутаево	1	
	поч. У речки Убыти	1	
д. Ежево (совр. с. Ежево Юкаменского района)	д. Ванегурская (совр. Старый Зяногурт Дебесского района?)	1	удмуртка
	д. Вежа Соликамского уезда	1	русская
	д. Ворца	1	бесермянки
	д. Дасос	1	
	д. Ежево	27	
	д. Жувам	2	
	д. Зянбулатово	2	
	д. Зянкино	3	
	д. Красная Слудка	3	
	д. Лима (совр. Беляново Юкаменского района)	1	удмуртка
	д. Починок Татарский	4	бесермянки
	д. Шамардан	3	
д. Жувам (совр. Юкаменского района)	д. Вверх Мои	1	бесермянки
	д. Ворца	2	
	д. Гордино	3	
	д. Дасос	2	
	д. Ежево	2	
	д. Жувам	2	
	д. Зянбулатово	1	
	д. Ключевская	2	
	Нижний погост у Лимы	2	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
д. Жувам (совр. Юкаменского района)	д. Пислеглуд	1	удмуртка
	д. Починошная	1	бесермянки
	д. Тутаево	2	
	д. Шамардан у Лимы	4	
	д. Ядгурец (совр. Карасево Глазовского района)	1	удмуртка
д. Зянкино (совр. Ярского района)	Верховский тяглый стан	1	русская
	д. Ворца	1	бесермянки
	д. Ежево	2	
	д. Зянбулатово	2	
	д. Зянкино	1	
	д. Ключевская	1	
	поч. Татарский	1	
	д. Турусинская	1	
	д. Шамардан	3	
д. Ключевская (совр. Татарские Ключи Юкаменского района)	д. Жувам	1	бесермянки
	д. Зянкино	1	
	д. Ключевская	8	
	Нижний погост по Лиме	1	
	д. Пажминская	1	
	поч. Татарский	1	
д. Красная Слудка (совр. Нижняя Слудка Глазовского района)	д. Балезино	1	удмуртки
	д. Вверх Утемская (совр. Ягул Глазовского района?)	1	
	д. Глазово	1	
	д. Гордино	1	бесермянки
	д. Красная Слудка	1	
	д. Лиминская (совр. Портяново Глазовского района)	1	удмуртки
	поч. Выше Богатырки (совр. д. Верхняя Богатырка Глазовского района)	1	
д. Над Пажмою речкою / Пажма / Верхнепажминская над Пажмой речкой (совр. Верхняя Пажма Юкаменского района)	д. Ворца	2	бесермянки
	д. Починок Шепелевский Красноглинской волости	1	русская
	д. Красная Слудка	1	бесермянки
	д. Починошная	1	
	д. Тутаево	1	
	д. Шамардан у Лимы	1	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Нижний погост по Лиме (совр. д. Абашево Юкаменского района)	д. Балезино	1	удмуртка
	д. Ежево	1	бесермянки
	д. Зянкино	1	
	д. Лиминская (совр. Беляново Юкаменского района)	1	удмуртка
	Нижний погост по Лиме	1	бесермянки
	поч. Сыльшур (совр. д. Солшур Юкаменского района)	1	
	д. Турусинская	2	
	д. Шамардан по Лиме	1	
д. Починошная / Починошная Лекомская / Лекомский починок / Татарский починок (совр. Починки Юкаменского района)	д. Большой Сулятан Науруской сотни Ногайской дороги Казанского уезда	1	татарка
	д. Вверх Мои	2	бесермянки
	д. Ворца	6	
	д. Ежево	1	
	д. Ключевская	1	
	д. Над Пажмою	2	
	д. Починошная	1	
	д. Турусинская	1	
	д. Тутаево	2	
д. Турусинская / Ожгиярская (совр. Турчино Юкаменского района)	д. Гордино	1	бесермянки
	д. Дасос	1	
	д. Кочуково (совр. Юкаменского района)	1	удмуртка
	д. Турусинская	7	бесермянки
	д. Тутаево	1	
	д. Шамардан	1	
д. Тутаево (совр. Юкаменского района)	д. Вверх Мои	1	бесермянки
	д. Ворца	3	
	д. Гордино	3	
	д. Ежево	4	
	д. Жувам	4	
	д. Зянбулатово	7	
	д. Каризий Казанской дороги Уфимского уезда	1	татарка
	д. Люнда	3	бесермянки
	Нижний погост по Лиме	1	
	д. Починошная	7	1 бесермянка, 6 татарок
	д. Старая Пудга (совр. Порги Якшур-Бодьинского района)	1	удмуртки

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
	д. Сыльшур (совр. Хомяково, часть д. Иваново Глазовского района)	1	удмуртки
	д. Турусинская	1	бесермянки
	д. Тутаево	4	
поч. У речки Убыти (совр. д. Палагай Юкаменского района)	д. Ворца	2	бесермянки
	д. Гордино	1	
	д. Ожгиярская	2	
	д. Пажминская	1	
	д. Починошная	4	
	д. Смагилова Арской дороги	1	татарки
	д. Тарщина Алатской дороги	1	
	д. Тутаево	3	бесермянки
поч. У речки Убыти и д. Зянбулатово (совр. д. Гулекшур Юкаменского района)	д. Балезино	1	бесермянки
	д. Ворца	1	
	д. Ежево	3	
	д. Зянбулатово	3	
	д. Люнда	1	
	д. Пажминская	1	
	д. Починошная / поч. Татарский	2	
	д. Тутаево	2	
	поч. У речки Убыти	1	
д. Шамардан / Шамардановская у Лимы (совр. Шамардан Юкаменского района)	д. Ворца	4	бесермянки
	д. Ежево	13	
	д. Жувам	2	
	д. Зянбулатово	2	
	д. Зянкино	1	
	д. Ключевская	1	
	д. Над Пажмою речкою	1	
	Нижний погост по Лиме	1	
	д. Турусинская	4	
	д. Тутаево	1	
	д. Шамардан у Лимы	2	
д. Шудзялуд (совр. Нижний Шудзялуд Дебесского района)	д. Толлен (совр. Тольен Дебесского района)	1	удмуртка

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
д. Юнда / Люнда (совр. с. Юнда Балезинского района)	поч. Бадьярово (ныне часть д. Бадьярово Шарканского района)	1	удмуртка
	д. Балезино	3	1 бесермянка, 2 удмуртки
	д. Бахтиево (совр. Балезинского района)	1	удмуртка
	д. Гордино	2	бесермянки
	д. Донда (совр. Глазовского района)	1	удмуртка
	д. Кестым	1	татарка
	д. Тутаево	1	бесермянка
	д. Унтем (совр. Большой Унтем Балезинского района)	1	удмуртка
	д. Ханбашная Уфимского уезда	1	татарка
	д. Шаркан (ныне часть с. Шаркан)	1	удмуртка
	д. Шудзялуд	1	бесермянки
	д. Юнда	1	

Источники: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1173. Л. 448–460; Д. 3192. Л. 188–271; Д. 3197. Л. 100–104; Д. 3198, Л. 338–415; Д. 3199. Л. 49–494; Д. 3206 (в деле отсутствует сплошная пагинация); Д. 3796. Л. 41об.–42; Д. 3934, Л. 1–74об., 511–584об.

Приложение 2

Брачные контакты бесермянских девушек по данным III ревизии

Место происхождения девушек-невест	**Селения, в которые бесермянки выданы замуж**	**Численность**	**Этническая принадлежность супругов**
1	2	3	4
Большой погост	Большой погост	12	бесермяне
	пог. Илясово / Погост	2	татары
	Нижний погост	14	бесермяне
	пог. Шамардан	12	
Нижний погост	Большой погост	21	бесермяне
	пог. Илясово	1	татарин
	д. Мочагино	1	бесермяне
	Нижний погост	11	
	Сеитова слобода (совр. с. Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области)	1	татарин
	пог. Шамардан	8	бесермяне

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
пог. Шамардан	Большой погост	12	бесермяне
	Нижний погост	9	
д. Мочагино	д. Балезино	1	бесермяне
	Большой погост	7	
	д. Красная Слудка	1	
	пог. Шамардан	1	
д. Балезино	д. Гордино	2	бесермяне
	Нижний погост	1	
	поч. У речки Убыти	1	
	д. Юнда	3	
поч. Бектышевская пустошь	д. Ключевская	1	татарин
д. Вверх Мои	д. Вверх Мои	1	бесермяне
	д. Жувам	1	
	д. Починошная	2	
	д. Тутаево	1	
д. Ворца	д. Верхней погост Каринской доли (т.е. Большой погост, совр. с. Карино?)	1	татарин?
	д. Ворца	4	бесермяне
	д. Гордино	2	
	д. Дасос	1	
	д. Ежево	7	
	д. Жувам	2	
	д. Зянбулатово	1	
	д. Ключевская	4	
	поч. Лекомский / Татарский	10	
	д. Моинская	2	
	д. Пажминская	2	
	д. Турусинская	1	
	д. Тутаево	3	
	поч. У речки Убыти	3	
	пог. Шамардан	2	
	д. Шамардан	2	
д. Гордино	д. Агрыз (совр. г. Агрыз)	1	татарин
	Большой погост	10	7 бесермян, 3 татарина
	д. Ворца	1	бесермяне
	д. Гордино	26	
	д. Жувам	3	
	д. Зянбулатово	1	
	д. Кестым	10	татары

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
д. Гордино	д. Ключевская	2	татары
	д. Красная Слудка	1	бесермяне
	д. Мочагино	1	
	Нижний погост	4	
	д. Тутаево	2	
	д. Шамардан	1	
	д. Шашинская Арской дороги	3	татары
	д. Юнда	2	бесермяне
д. Дасос	д. Жувам	1	бесермяне
	д. Ежево	1	
	д. Ворца	2	
д. Ежево	д. Вверх Сыги (совр. Колевай Глазовского района?)	1	удмурт
	д. Ворца	3	бесермяне
	д. Гордино	2	
	д. Дзякино (совр. Ярского района)	1	удмурт
	д. Ежево	7	бесермяне
	д. Жувам	3	
	д. Зянбулатово	2	
	д. Зянкино	1	
	д. Ключевская	2	
	Нижний погост по Лиме	1	
	поч. Татарский	3	
	д. Турусинская	4	
	д. Тутаево	2	
	пог. Шамардан	13	
	д. Шамардан Лекомской стороны	1	
д. Жувам	д. Вверх Мои	1	бесермяне
	д. Ворца	2	
	д. Гордино	1	
	д. Дасос	1	
	д. Ежево	4	
	д. Жувам	2	
	д. Ключевская	3	1 бесермянин, 2 татарина
	д. Починошная	1	бесермяне
	д. Тутаево	4	
	д. Шамардан у Лимы	2	

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
д. Зянкино	д. Ворца	4	бесермяне
	д. Ежево	1	
	д. Зянбулатово	1	
	д. Ключевская	1	
	д. Турусинская	2	
	д. Шамардан	1	
д. Ключевская	д. Ворца	1	бесермяне
	д. Ежево	7	
	д. Зянбулатово	1	
	д. Зянкино	1	
	д. Ключевская	3	
	д. Красная Слудка	1	
	поч. Татарский	4	
	д. Турусинская	2	
	д. Шамардан	1	
д. Красная Слудка	д. Ворца	1	бесермяне
	д. Гордино	2	
	д. Ежево	2	
	д. Кожиль (совр. Глазовского района)	1	удмурт
д. Над Пажмою	д. Верх Мои	1	бесермяне
	д. Ворца	2	
	д. Дасос	1	
	д. Зянбулатово	1	
	д. Починошная	1	
	поч. Сыльшур	1	
	д. Шамардан у Лимы	1	
Нижний погост по Лиме	д. Ежево	1	бесермяне
	д. Жувам	2	
	д. Ключевская	3	1 бесермянин, 2 татарина
	д. Над Пажмою речкою	1	татарин
	Нижний погост	3	бесермяне
	д. Починошная	2	татары
	д. Тутаево	1	бесермяне
	пог. Шамардан	1	
	д. Шамардан по Лиме	1	

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
д. Починошная	Большой погост	1	бесермяне
	д. Верх Мои	1	
	д. Ворца	3	
	д. Гордино	1	
	д. Дасос	1	
	д. Жувам	1	
	д. Зянбулатово	2	
	д. Кестым	1	татарин
	д. Ключевская	2	бесермяне
	д. Над Пажмою	2	по 1 бесер-мянину, 1 татарину
	д. Починошная	2	
	д. Тутаево	1	бесермянин
д. Турусинская	Большой погост	1	бесермяне
	д. Зянбулатово	1	
	д. Зянкино	2	
	д. Ключевская	1	
	Нижний погост у Лимы	1	
	поч. Татарский	1	
	д. Турусинская	1	
	д. Тутаево	1	
	д. Шамардан	2	
д. Тутаево	Большой погост	1	бесермяне
	д. Ворца	3	
	д. Гордино	2	
	д. Дасос	1	
	д. Жувам	2	
	д. Зянбулатово	6	
	д. Ключевская	1	татарин
	д. Красная Слудка	1	бесермяне
	д. Люнда	1	
	д. Над Пажмою речкою	1	
	д. Починошная	3	
	д. Турусинская	1	
	д. Тутаево	4	
	д. Шамардан Лекомской стороны	1	

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
поч. У речки Убыти (совр. д. Палагай)	д. Ворца	1	бесермяне
	д. Гордино	3	
	д. Дасос (Дасос)	1	
	д. Кестым	1	татарин
	д. Ключевская	1	бесермяне
	поч. Лекомский	1	
	д. Тутаево	2	
поч. У речки Убыти и д. Зянбулатово (совр. д. Гулекшур)	д. Балезино	1	бесермяне
	д. Ворца	1	
	д. Ежево	3	
	д. Зянкино	2	
	д. Починошная / Татарский починок	2	
	д. Тутаево	2	
	поч. У речки Убыти	1	
	д. Шамардан	1	
д. Шамардан	д. Ворца	5	бесермяне
	д. Ежево	3	
	д. Жувам	4	
	д. Зянкино	3	
	д. Над Пажмою речкою	1	
	Нижний погост по Лиме	1	
	д. Починошная	1	татарин
	д. Турусинская	1	бесермяне
	д. Шамардан у Лимы	2	
д. Шудзялуд	д. Гордино	1	бесермянин
	д. Юрюм (т.е. Ирым, совр. Сюрногурт Дебесского района)	1	удмурт
д. Юнда / Люнда (совр. с. Юнда Балезинского района)	д. Агрыз	1	татарин
	д. Балезино	1	удмурт
	д. Гордино	4	бесермяне
	д. Зянбулатово	1	
	д. Кестым	3	татары
	д. Мочагино	1	бесермяне
	д. Тутаево	3	
	д. Юнда	1	

Источники: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1173. Л. 448–460; Д. 3192. Л. 188–271; Д. 3197. Л. 100–104; Д. 3198. Л. 338–415; Д. 3199. Л. 49–494; Д. 3206 (в деле отсутствует сплошная пагинация); Д. 3796. Л. 41об.–42; Д. 3934. Л. 1–74об., 511–584об.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Исхаков Д.М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынско-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1980. С. 16–38.

Касимова Д.Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX – XX вв.). Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2003. 300 с.

Пислегин Н.В. Населенные пункты бесермян в XVII – середине XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3 (51). С. 257–273.

Пислегин Н.В. Жители починка У речки Убыти и деревни Зянбулатовская к середине XVIII века: начало оформления татарской деревни Палагай и бесермянской деревни Гулекшур // Финно-угроведение. 2025. № 3 (71). С. 54–65.

Пислегин Н.В., Чураков В.С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2020. 784 с.

Пислегин Н.В., Чураков В.С. Родовая система удмуртов: моногр. / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2024. 424 с.

Попова Е.В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX в.): Моногр. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1998. 241 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 1173, 3192, 3197, 3198, 3199, 3206, 3796, 3934.

Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков [Электронный ресурс] / авт.-сост. Чураков В.С. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2009. URL: https://rodnaya-vyatka.ru/books/udmurtskoe-prikame-po-piscovym-opisaniyam-i-podvornym-perepisyam-xvii-nachala-xviii-vekov-0?ysclid=mpqnjd136e86911143 (дата обращения: 04.04.2026).

Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2. [Электронный ресурс] / авт.-сост. Чураков В.С. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2016. https://rodnaya-vyatka.ru/books/udmurtskoe-prikame-po-piscovym-opisaniyam-i-podvornym-perepisyam-xvii-nachala-xviii-vekov-vyp?ysclid=mpqnk1w0nb549485833 (дата обращения: 04.04.2026).

Уразманова Р.К. Семейно-брачные отношения, свадебная обрядность чепецких татар (конец XIX – начало XX в.) // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Сб. ст. Казань: ИЯЛИ, 1978. С. 68–85.

Штейнфельд Н.П. Бесермяне – опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка: Губерн. тип., 1894. С. 220–259.

Nikolay Pislegin

MARITAL CONTACTS OF THE BESERMYANS ACCORDING TO THE THIRD CENSUS

Introduction. In the early 1760s, census records for the first time systematically recorded not only Besermyan men but also Besermyan women. This made it possible to study such an important social institution as marriage among them more

thoroughly. E.V. Popova made the greatest contribution to the study of marital relations among the Besermyans. **The purpose** of the article is to supplement and refine E.V. Popova's conclusions regarding the marriage traditions of the Besermyans in the mid-18th century. **Materials and methods.** The main material for this article consists of data from the identified registers of the Third Census of 1762–1764, in which the Besermyans were recorded. The research is based on methods of working with unpublished historical sources. **Research results, discussion.** The analysis covered the inhabitants of 27 settlements where the Besermyans lived at that time, including alongside Tatars and Udmurts. The vast majority of them were located in the Cheptsa basin, four of them in the lower reaches of the river. In total, more than 550 references to the origins of Besermian women and around 500 mentions of girls being married off were recorded. More than 7% of married women were married to men with two or three wives. By that time, a significant proportion of the ethnic group had been Christianised. However, in the 1760s, it had not yet led to any significant differences in marital relations between the baptised and the unbaptised. The appendices to the article provide data on the origins of Besermyan wives (indicating the places from which they arrived in a particular settlement, their numbers, and ethnic affiliation) and the marital contacts of Besermyan women (specifying the associated settlements, the number of married women, and the ethnic affiliation of their husbands). **Conclusion.** In general, the people were characterised by intra-population marriage traditions. At the same time, the Besermyans quite often married Udmurt women and gave their daughters in marriage to Tatars.

Keywords: E.V. Popova; Besermyans; marital contacts; Third Census; Christianization; Cheptsa River basin.

REFERENCES

Ishakov D.M. Tataro-besermjanskie etnicheskie svjazi kak model' vzaimodejstvija bulgarskogo i zolotoordynsko-tjurkskogo etnosov [Tatar and Besermyan ethnic ties as a model of interaction between the Bulgarian and Golden Horde-Turkic ethnic groups]. *Izuchenie preemstvennosti etnokul'turnyh javlenij.* Moscow, Institut etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja, 1980, pp. 16-38. (In Russian).

Kasimova D.G. Semejnaja obrjadnost' chepeckih tatar (seredina XIX – XX vv.) [Family rituals of the Tatars on the Cheptsa River (mid-19th – 20th centuries)]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 2003, 300 p. (In Russian).

Pislegin N.V. Naselennye punkty besermjan v XVII – seredine XX veka [Settlements of Besermyans in the 17th – mid-20th century]. *Bulletin of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 3 (51), pp. 257-273. (In Russian).

Pislegin N.V. Zhiteli pochinka U rechki Ubyti i derevni Zjanbulatovskaja k seredine XVIII veka: nachalo oformlenija tatarskoj derevni Palagaj i besermjanskoj derevni Gulekshur [The Inhabitants of the Small Settlement of U Rechki Ubyti and the Village of Zyanbulatovskaya by

the mid-18th century: the Beginning of the Tatar Village of Palagai and Besermyan Village of Gulekshur]. *Finno-Ugrovedenie,* 2025, no. 3 (71), pp. 54-65. (In Russian).

Pislegin N.V., Churakov V.S. Naselennye punkty Udmurtskogo Prikam'ja XVII – serediny XIX v. [Settlements of the Udmurt Kama Region of the 17th – mid-19th centuries]. Izhevsk, Udmurtskij federal'nyj issledovatel'skij centr Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 2020, 784 p. (In Russian).

Pislegin N.V., Churakov V.S. Rodovaja sistema udmurtov [The Udmurt Generic System]. Izhevsk, Udmurtskij federal'nyj issledovatel'skij centr Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 2024, 424 p. (In Russian).

Popova E.V. Semejnye obychai i obrjady besermjan (konec XIX – 90-e gody XX v. [Family Rituals and Customs of the Besermyans (late 19th – 90s of the 20th century]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 1998, 241 p. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. Fond 350. Opis' 2. Dokument 1173, 3192, 3197, 3198, 3199, 3206, 3796, 3934 [Russian State Archive of Ancient Acts. Archives 350. Anagraph 2. Documents 1173, 3192, 3197, 3198, 3199, 3206, 3796, 3934]. (In Russian).

Churakov V.S. Udmurtskoe Prikam'e po piscovym opisanijam i podvornym perepisjam XVII – nachala XVIII veka [Udmurt Kama region according to scribal descriptions and household censuses of the XVII – early XVIII centuries]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 2009, available at: https: // rodnaya-vyatka.ru/books/udmurtskoe-prikame-po-piscovym-opisaniyam-i-podvornym-perepisyam-xvii-nachala-xviii-vekov-0?ysclid=mpqnjd136e86911143 (accessed 4 April 2026). (In Russian).

Churakov V.S. Udmurtskoe Prikam'e po piscovym opisanijam i podvornym perepisjam XVII – nachala XVIII veka [Udmurt Kama region according to scribal descriptions and household censuses of the XVII – early XVIII centuries]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 2016, iss. 2, available at: https: // rodnaya-vyatka.ru/books/udmurtskoe-prikame-po-piscovym-opisaniyam-i-podvornym-perepisyam-xvii-nachala-xviii-vekov-vyp?ysclid=mpqnk1w0nb549485833 (accessed 4 April 2026). (In Russian).

Urazmanova R.K. Semejno-brachnye otnoshenija, svadebnaja obrjadnost' chepeckih tatar (konec XIX – nachalo XX v.) [Family and marriage relations, wedding rituals of the Tatars on the Cheptsa River (late 19th – early 20th centuries)]. *Novoe v etnograficheskih issledovanijah tatarskogo naroda. Sbornik statej*. Kazan', Institut jazyka, literatury i iskusstva, 1978, pp. 68-85. (In Russian).

Shtejnfel'd N.P. Besermjane – opyt etnograficheskogo issledovanija [Besermyans – the experience of ethnographic research]. *Calendar' i pamjatnaja knizhka Vjatskoj gubernii na 1895 god.* Vjatka, Gubernskaja tipografija, 1894, pp. 220-259. (In Russian).

Пислегин Николай Викторович
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: cpeg@rambler.ru

Nikolay Pislegin
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher
of Udmurt Institute of History, Language and
Literature of Udmurt Federal Research Centre
of Ural Branch of Russian Academy
of Sciences,
Izhevsk
e-mail: cpeg@rambler.ru

УДК 94 (470.343)
DOI 10.51254/2312-0312-2026-2-74-96-120

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МАРИЙЦЕВ XV–XVI ВЕКОВ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

© 2026 г. С.К. Свечников

Введение. Историография взглядов на общественный строй марийского народа XV–XVI веков в трудах российских ученых второй половины XIX века – важная, но малоизученная тема. Во второй половине XIX века в России наблюдался подъем исторической науки: усиливалась ее специализация, росла источниковая база, а подход к изучению прошлого становился более аналитическим. Изучение истории народов Среднего Поволжья, в том числе марийцев, в этот период перешло в руки местных исследователей и региональных научных обществ. В результате вопросы социального развития марийцев стали предметом более тщательного исторического анализа. **Цель статьи** – провести анализ взглядов и теоретических концепций российских исследователей второй половины XIX века, касающихся общественного строя марийцев XV–XVI веков. **Материалы и методы.** Основным материалом статьи служат труды российских ученых второй половины XIX века. Методы исследования: конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-биографический, анализ историографической ситуации. **Результаты исследования, обсуждение.** В статье рассматривается процесс становления и развития изучения общественного строя марийцев XV–XVI веков в российской историографии второй половины XIX века. Подъем исторической науки в этот период, связанный с именами С.М. Соловьева и его последователей, привел к утверждению аналитического подхода к истории и поиску закономерностей развития общества, что выразилось в доминировании родовой теории. С.М. Соловьев заложил теоретическую основу для понимания финских племен как находящихся на догосударственной стадии. Н.А. Фирсов применил родовую теорию к анализу общественных отношений народов Казанского ханства. Г.И. Перетяткович значительно углубил изучение социальной структуры и дифференциации этнотерриториальных групп марийцев в контексте колонизации Поволжья. Особое внимание уделено фундаментальному труду И.Н. Смирно-

ва «Черемисы», который, опираясь на эволюционизм и междисциплинарный подход, впервые комплексно реконструировал историю, социальную организацию и этапы развития марийского общества, выдвинув гипотезы о наличии у них политической организации, социальной дифференциации и родовых институтов. Также отмечается вклад местных и национальных исследователей (провинциальных краеведов, марийских и чувашских просветителей), которые на основе местных источников и преданий постепенно отходили от стереотипных представлений о «дикости» марийцев и накапливали конкретный материал по их истории и общественному устройству. **Заключение.** Историография второй половины XIX века заложила прочную основу для дальнейшего, более глубокого изучения социальной истории марийского народа.

Ключевые слова: марийцы (черемисы); историография; Казанское ханство; общественный строй; родовая теория (теория родового быта); С.М. Соловьев; Н.А. Фирсов; Г.И. Перетяткович; И.Н. Смирнов; эволюционизм.

Введение

Историография взглядов на общественный строй марийского народа XV–XVI веков в трудах российских ученых второй половины XIX века является важной, но малоизученной темой. Между тем во второй половине XIX века в России наблюдался подъем исторической науки. Изучение истории перестало быть привилегией узкого круга историков-профессионалов, наблюдался небывалый рост публикаций по вопросам истории, усиливалась специализация и дифференциация исторической науки, много ценного материала исторической науке стали поставлять археология и этнография, значительно увеличилась источниковая база исследований за счет введения в научный оборот разнообразных новых письменных источников. Стало важным понимание истории как единого внутренне обусловленного процесса. Историки стремились вывести закономерности исторического развития, что свидетельствовало о переходе от описательного подхода к более аналитическому и систематическому изучению прошлого. Это позволило более глубоко и объективно осмысливать эволюцию обществ.

В данный период развития отечественной исторической науки изучение истории народов Среднего Поволжья, в том числе марийцев, стало прерогативой местных исследователей (включая представителей коренных народов) и региональных научных обществ, появившихся именно в это время (Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878), Костромская губернская ученая архивная комиссия (1884), Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (1887) и др.). В результате этих измене-

ний вопросы социального развития марийцев в историческом контексте стали предметом более тщательного анализа.

Цель статьи – провести анализ взглядов и теоретических концепций российских исследователей второй половины XIX века, касающихся общественного строя марийцев XV–XVI веков.

Материалы и методы

Основным материалом статьи служат труды русских историков и этнографов второй половины XIX века. В данной работе нашли применение следующие методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический для выяснения исторической последовательности, генетической связи явлений и синхронизации фактов; историко-биографический для определения влияния жизненного пути на создание научных исследований; анализ историографической ситуации для выявления воздействия внешних обстоятельств на развитие национальных историографических традиций.

Результаты исследования, обсуждение

Ключевым деятелем российской историографии XIX века, оказавшим фундаментальное влияние на развитие исторической науки в России, был Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879). Он одним из первых среди российских историков перешел от описания правления монархов к анализу внутренних процессов развития. Его 29-томная «История России с древнейших времен» (1851–1879) – это первая систематическая, научно обоснованная история России, превзошедшая по масштабу и глубине все предшествующие работы, включая «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Этот труд С.М. Соловьева стал базой для дальнейших исследований.

В шестом томе, где описывается покорение Казанского царства, историк охарактеризовал марийцев и другие народы Среднего Поволжья, используя стереотипные определения «дикие», «воинственные», «первобытные»: «Казань была взята, но надобно было распорядиться насчет дикого, воинственного народонаселения, жившего в ее области»; «Около Казани сосредотачивались и укрепляли ее разные дикие народы, жившие в привольных для первобытного человека местах по обеим сторонам Волги, западной и восточной, горной и луговой: черемисы, мордва, чуваши, вотяки, башкиры» [Соловьев, 1989, кн. 3, с. 458, 462]. При этом казанские татары в книге представлены как «варвары», «жители степей и кибиток» [Соловьев, 1989, кн. 3, с. 462].

Однако более важными представляются выводы С.М. Соловьева, сформулированные в первых двух томах «Истории государства Российского» (1851–1852), посвященных ранней истории Руси. В этих томах он приводит свои рассуждения о переходе Руси от родового строя к государственному и об отставании от нее финских племен, к которым, помимо веси, мери, мордвы, муромы и др., он относил и черемисов (марийцев). По его мнению, финские племена,

в отличие от славян, не смогли консолидироваться под единым политическим руководством и сформировать собственное государство, что привело к стагнации в их общественном развитии: «Сначала мы видим, что племена славянские и финские живут на равной ноге; финны вместе с славянами призывают князей – нарядников, но старший и скоро единственный князь утверждает свой стол среди племени славянского... Славянские племена соединяются под одною властию, чрез это единство приобретают силу материальную, а потом и начатки образованности христианской, и таким образом получают над финскими племенами материальное и духовное преимущество, пред которым те и должны были преклониться» [Соловьев, 1989, кн. 1, с. 110]. На рубеже XII–XIII веков, по словам С.М. Соловьева, «Русь мимо всех препятствий к государственному развитию все шла вперед по пути этого развития, тогда как финские племена оставались и теперь на той же ступени, на какой славянские племена – дреговичи, северяне, вятичи – находились в половине IX века, жили особными и потому бессильными племенами, которые, раздробляясь, враждовали друг с другом» [1989, кн. 1, с. 627]. Как указано выше, народы Среднего Поволжья, входившие в состав Казанского ханства, охарактеризованы ученым как «дикие» и «первобытные». Это позволяет нам с полной уверенностью утверждать, что марийцы XV–XVI веков в интерпретации С.М. Соловьева представляли собой племена, которые еще не вышли из родового строя, находились на догосударственной стадии развития общества.

Теорию родового быта С.М. Соловьев заимствовал у профессора и позднее ректора Дерптского университета Иоганна Филиппа Густава фон Эверса (1781–1830). Эверс первый из историков России попытался объяснить древнейший этап развития общества, исходя из господствовавших у первобытных народов отношений, «патриархального состояния гражданского общества» [1835, с. 14]. Он поставил задачу выделить те догосударственные формы общественного объединения, которые, развиваясь, постепенно переросли в государство. Исходя из данного постулата, первоначальной формой такого объединения являлась патриархальная семья с сильной отцовской властью. Схему развития родового строя он представил в следующем виде: «Первоначально существует каждое семейство само по себе; отец есть естественный начальник всех лиц, от него происходивших. Сии лица образуют новые семейства; эти семейства живут вместе, дабы защищать себя общими силами против нападения внешних неприятелей и таким образом происходит род. Род объемлет собою многие семейства; в каждом из них отец есть господин; но глава целого рода есть тот, кто стоит всех ближе к общему родоначальнику, следовательно, старший сын первого родоначальника. Из родов образуются племена, и главою племени становится тот же, кто был родоначальником, старший сын от старшего сына основателя племени и т.д. Сперва начальник рода имеет весьма

ограниченную власть; каждый отец владычествует почти независимо в своем семействе, и связь подчиненности бывает слаба. Но с возрастанием родов и племен возрастает и власть их начальника; он приобретает славу и обогащается от добычи; в его распоряжении состоит все, в чем нуждается, чем владеет целый союз. Начальник племени, если он бывает счастливым воином, делается мало-помалу владыкою над известным пространством земли, могущественным князем. Но первоначальное семейственное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу и в новообразованном государстве» [Эверс, 1835, с. 95–96]. Племена, по словам Эверса, появлялись у оседлых народов и составляли первоначальные «гражданские общества». Ученый выделял их как территориальные объединения; главные поселения племен становились уже «укреплением, градом»: «Сии главные поселения с местами, от них зависящими, образуют первоначальное разделение земли» [Эверс, 1835, с. 74–75]. Таковы, как полагал Эверс, первые шаги в постепенном развитии общества, через которые проходят все народы. Вторым шагом в этом движении, по его мнению, было образование государства, которое «суть не что иное, как соединение отдельных, бывших дотоле совершенно свободными, родов или больших семейств, под владычество одного общественного главы» [Эверс, 1835, с. 2]. Как отмечает В.И. Швецов, выдвинув проблему родового строя, Эверс тем самым сделал ее предметом широкого обсуждения в русской историографии [1975, с. 65]. Теория родового быта явилась тем основанием, на котором развивалась «государственная (юридическая) школа», доминировавшая в отечественной исторической науке во второй половине XIX века.

Основываясь на имеющихся данных, можно лишь гипотетически предполагать, каким образом теория родового быта могла бы быть применена для изучения марийского общества в XV–XVI веках, однако ни Сергей Соловьев, ни тем более Густав Эверс не занимались анализом процессов общественного развития нерусских народов России. Впервые вопросы, связанные с исследованием общественных отношений народов Поволжья, рассмотрел Николай Алексеевич Фирсов (1831–1896). В своей магистерской диссертации «Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве», защищенной в Казанском университете в 1866 году, он показал судьбы народов Поволжья, Урала, Европейского Севера и Сибири, вошедших в состав России. В отзыве профессора Н.Н. Булича отмечено, что данная диссертация «представляет первую систематическую ученую попытку обработать вопрос об инородцах в связи с историей России» [Ермолаев, 1967, с. 55].

В первой части диссертации ученый проанализировал общественное развитие «инородцев» Казанского царства (ханства) до их вхождения в состав России. Согласно его точке зрения, Казанское ханство – это общественный союз, который «заключал в себе, кроме татар, – черемису, мордву, чувашей,

вотяков, мещеряков и башкирцев» [Фирсов, 1866, с. 5]. Характеризуя общественно-политический строй Казанского ханства, Н.А. Фирсов отметил его военно-деспотический характер, унаследованный от Золотой Орды, но при этом выдвинул предположение, что власть хана была сильно ограничена местной аристократией («природным дворянством», «элементом служебным» и духовенством) [1866, с. 12–13]. В целом представления Н.А. Фирсова о социально-политическом устройстве Казанского ханства построены на основе выводов В.В. Вельяминова-Зернова, сделанных в отношении Касимовского ханства и других тюрко-мусульманских государств, возникших в результате распада Золотой Орды [Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 410–455].

Полностью самостоятельный и весьма оригинальный характер носят суждения Н.А. Фирсова о взаимоотношениях и связях казанской аристократии с народом. Он пришел к выводу, что в Казанском ханстве изменилось положение «племенных князей финских поколений», управлявших населением «по родовому праву» в те времена, когда сарайские ханы жили «как бы лагерной жизнью» и «не имели крепкой связи с землей покоренных ими народов». Теперь же, когда «татары оселись на одном месте», одни были заменены начальниками, назначаемыми «дворянским правительством», другие в качестве «земских князей» пополнили ряды казанской аристократии, третьи утратили «права на внутреннее управление» настолько, что «они не имели никакого влияния на ход общественных дел в государстве». Это повлекло к зависимости общественной жизни «инородческих поколений» от аристократии [Фирсов, 1866, с. 11, 14–16]. После вхождения в состав России, как утверждал Н.А. Фирсов, «инородческие сотники» имели только одно особое право – «право бить челом государю» [1866, с. 177]. Вместе с тем Н.А. Фирсов указывал, что представители податного (ясачного) населения не были обложены тяжелыми поборами и обладали личной свободой, аргументируя это тем, что он не встречал в источниках сообщений о каких-либо народных мятежах в Казанском ханстве. По его мнению, сам аристократический тип государственного строя ставил господствующую казанскую знать в такое положение, что она не могла быть слишком требовательной по отношению к народу. Как следствие, «инородцы финского корня и низший класс из татар не разрывали связи с дворянством почти до падения царства, не отставали от него ни в счастливые, ни в тяжелые дни его существования» [Фирсов, 1866, с. 16–17].

Парадоксально, но Н.А. Фирсов не нашел в источниках (в том числе в привлеченных им многочисленных актовых, делопроизводственных и законодательных документах) информацию, свидетельствующую о том, что ясачное обложение в Поволжье и Сибири было неодинаковым. Он ошибочно полагал, что поволжские народы платили ясак пушниной в таком же порядке, как и население Сибири [Фирсов, 1866, с. 155–171]. Между тем источники со-

держат ясные указания на то, что народы Среднего Поволжья в XVI – начале XVIII века платили ясак деньгами и хлебом [Димитриев, 1956, с. 107–115]. Однако это заблуждение ученого имеет под собой определенную основу и не должно вызывать большого удивления. Дело в том, что Н.А. Фирсов считал, что марийцы и другие народы Поволжья (за исключением татар и мордвы) не были оседлыми земледельцами и «вели скудную жизнь в лесах, занимались звероловством, славились как искусные стрелки и отличались воинственностью» [1866, с. 18]. Вследствие своей отсталости, как полагал ученый, они в основной своей массе оставались язычниками [Фирсов, 1866, с. 18–19].

Справедливости ради надо отметить, что Н.А. Фирсов критично оценивал уровень развития и русского народа. По его мнению, столкновения русского и «инородческого» населения в XVI–XVII веках происходили «при недостатке умственного и общественно-экономического развития у того и другого» [Фирсов, 1866, с. 67]. Отмечая, что большинство русских служилых людей, действовавших в «инородческих землях», были невежественными, необразованными, грубыми, в то же время подчеркивал, что «в инородцах было более человеческих качеств, чем в этих воеводах, детях боярских, казаках, стрельцах и проч., которые ведали их жизнь» [Фирсов, 1866, с. 238–239]. Однако проявления этноцентризма были присущи и ему. В частности, он утверждал, что «этнографические черты русского простонародья, как более сильного и по численности, и по развитию, должны были брать перевес над инородческими» [Фирсов, 1866, с. 261].

В магистерской диссертации казанского историка Н.А. Фирсова были использованы методологические достижения российской историографии середины XIX века. Находясь под влиянием «государственной» школы, автор творчески применил родовую теорию Густава Эверса и Сергея Соловьева для изучения внутренних процессов развития нерусских народов Поволжья, Урала, Европейского Севера и Сибири в XV–XVII веках. Несмотря на обобщенный характер исследования и наличие спорных выводов, она сохраняет научную ценность и по сей день. Более того, ни один из последующих исследователей, занимающихся изучением народов Поволжья, не мог обойти вниманием этот фундаментальный труд.

Более глубокий и детальный анализ общественной жизни мари и других народов Поволжья в XV–XVI веках осуществил Георгий Иванович Перетяткович (1840–1908), защитивший в 1877 году в Московском университете магистерскую диссертацию «Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории колонизации края)». Будучи учеником С.М. Соловьева, он всецело следовал его концепции истории. В самом заглавии диссертации нашла отражение известная мысль С.М. Соловьева о России как стране, которая колонизуется [1988, кн. 1, с. 631], соответственно, основной целью исследования стал ана-

лиз процесса колонизации Поволжья. Кроме того, отправной точкой рассуждений Г.И. Перетятковича об уровне развития финских племен явились слова влиятельного историка о том, что те в XII–XIII веках оставались «на той же почти ступени развития, на какой находились славяне в половине IX века» [1877, с. 83]. Утверждал, что даже в XIX веке марийцы, чуваши, мордва все еще жили родовым бытом [Перетяткович, 1877, с. 117–123].

Хорошо он был знаком и с исследованием Н.А. Фирсова. По многим вопросам выводы обоих авторов совпадают полностью или частично, но имеются и существенные расхождения. Например, Г.И. Перетяткович тоже считал, что власть казанского хана была сильно ограничена аристократией («высшим дворянством») [1877, с. 126–127]. Вместе с тем, в отличие от Н.А. Фирсова, полагал, что Казанское царство было внутренне непрочным государством, где входившие в него народы «находились в совершенно внешних отношениях к государственному организму», при этом аристократия преследовала «только свои эгоистические интересы» и этим ослабляла политическое единство страны [Перетяткович, 1877, с. 206–207]. Именно Г.И. Перетяткович первым указал на существование в Казани «партий», которые боролись за власть [1877, с. 129–130, 151]; позднее этот вывод подхватили многие историки.

Приходится констатировать, что уровень социально-экономического и культурного развития Казанского царства историком недооценен. По словам Г.И. Перетятковича, в этой стране «чрезвычайно малое количество городов», земледелием занимаются, но без охоты и усердия, несмотря на развитую торговлю Казань все же «предпочитает жить чуть не ежегодным грабежом своего соседа и уводом в плен его жителей»; отмечено, что были неграмотными даже многие представители высшей казанской знати [1877, с. 116–117, 124–132].

Среди народов Казанского ханства особое положение автор отводил черемисам (марийцам): «...они по обширности занимаемой ими страны и по своему участию в войнах Казани с Москвою занимают выдающееся положение» [Перетяткович, 1877, с. 117–118]. Он первый попытался показать различия между горными и луговыми марийцами, опираясь на комплекс разнообразных источников (исторических, антропологических, этнографических), умудрившись при этом не ссылаться непосредственно на материалы «Казанской истории» (к этому памятнику оригинальной древнерусской литературы его учитель С.М. Соловьев относился с огромным недоверием, называя его «очень мутным источником» [1989, кн. 3, с. 365]). По всей видимости, определяющее влияние на выработку дифференцированного подхода к двум этнографическим группам марийского народа оказало знакомство автора со сравнительным этнографическим описанием горных и луговых мари, осуществленным А.Ф. Риттихом [1870, ч. 2, с. 121–200]. Луговые марийцы показаны Г.И. Перетятковичем как непривлекательные и недаровитые жители однообразной рав-

нины, покрытой лесом и огромными болотами, у которых не было постоянных жилищ, а основной пищей служили продукты охоты и рыболовства. В противоположность им, горные марийцы в его представлении – это красивые и способные земледельцы нагорной стороны. При этом, как отмечает автор, и те и другие «не пренебрегали при случае грабежом и войною» [Перетяткович, 1877, с. 118]. Автор также подчеркнул значительную роль в хозяйстве марийцев бортничества [Перетяткович, 1877, с. 255–256].

Несмотря на признание Г.И. Перетятковичем факта существования земледелия среди горных марийцев, а также казанских татар, мордвы и чувашей, он выражал скептицизм относительно высокого уровня развития данной хозяйственной деятельности в Казанском ханстве. Изучив материалы писцовых книг Казанского и Свияжского уездов 1565–1567 годов, он пришел к выводу, что у мордвы и чувашей развивалась переложная система земледелия (пахали земли «наездом»), лишь позже они переняли у русских крестьян трехполье [Перетяткович, 1877, с. 245–246, 256, 271].

Зависимость марийцев от Казанского ханства, по словам Г.И. Перетятковича, выражалась в том, что те «обязаны были вносить дань и оброк и служили стрелками в пехотном войске» [1877, с. 119]. Он в целом разделял точку зрения Н.А. Фирсова о том, что «положение управляемых в Казанском царстве было не особенно тяжелое» [Перетяткович, 1877, с. 131]. В то же время историк оставлял открытым вопрос о размере налогов и повинностей: «Как велики были тягости, которыми были обложены в Казани земские и черные люди, нельзя сказать ничего определенного» [Перетяткович, 1877, с. 130].

В отличие от Н.А. Фирсова, Г.И. Перетяткович придавал высокую значимость статусу местной знати, которую он определял как «своего рода аристократию», причислив к ней десятских, сотских, князей, сотных князей и мирз [1877, с. 119]. Он первый высказал предположение, что сотные и десятные князья обладали правом на присвоение части налогов, собранных ими в пользу Казанского ханства. Такой вывод он сделал на основе того наблюдения, что «после завоевания Казани в продолжение некоторого времени казанская аристократия подымает инородческие племена именно через посредство этих влиятельных среди инородцев людей» [Перетяткович, 1877, с. 131]. Согласно выводам Г.И. Перетятковича, сотные князья, «выдающиеся люди из инородцев», были «начальниками волостей» и играли большую роль в повстанческом движении народов Среднего Поволжья, развернувшемся во второй половине XVI века [1877, с. 233–234].

Безусловно, работу Г.И. Перетятковича «Поволжье в XV и XVI веках» можно считать большим шагом вперед в исследовании политической и социально-экономической истории Казанского ханства и народов, входивших в его состав. Несомненная заслуга ученого состоит в том, что он довольно подроб-

но и комплексно проанализировал особенности социальной жизни марийцев в XV–XVI веках, что ранее не было осуществлено в научной литературе. Несмотря на наличие определенной доли тенденциозности, данное исследование сохраняет свою научную ценность и актуальность. Значительная часть выводов, представленных автором, получила широкое признание и дальнейшее развитие в последующих научных трудах, включая современные исследования.

Первым исследователем, написавшем монографию по истории и этнографии марийцев, является профессор Казанского университета Иван Николаевич Смирнов (1856–1904). Он родился в семье православного священника марийского происхождения Н.Я. Смирнова в селе Арино Царевококшайского уезда Казанской губернии, хорошо знал марийский язык (правда, всегда позиционировал себя как русского человека), проходил учебу в Казанском духовном училище и Казанской духовной семинарии [Кузнецов, 1904, с. 214–215; Степанов, 2008, с. 40–47, 167–183]. Однако карьера священника не привлекала одаренного семинариста. В 1874–1878 годах он был студентом историко-филологического факультета Казанского университета, где одним из его учителей был Н.А. Фирсов. Тем не менее успешно защищенные магистерская (1881) и докторская (1885) диссертации И.Н. Смирнова были посвящены средневековой истории южных славян. Став доктором наук, практически вплоть до своей смерти он являлся ординарным профессором кафедры всеобщей истории Казанского университета.

В декабре 1885 года при поддержке Н.А. Фирсова молодой профессор вступил в Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете и открыл в нем для себя малоизученный мир финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. По словам известного этнографа С.К. Кузнецова, у Ивана Николаевича «появился интерес к изучению инородцев» под влиянием эстонского ученого-лингвиста Михкеля Веске, перешедшего в Казанский университет из Дерптского университета в 1887 году [1904, с. 214–215; Биографический словарь... , 1904, ч. 1, с. 56]. И.Н. Смирнов и М. Веске действительно находились в дружбе и тесном научном сотрудничестве, однако с мнением С.К. Кузнецова трудно согласиться, поскольку уже 29 декабря 1885 года И.Н. Смирнов на собрании Общества выступил с сообщением «Заметки о русском влиянии на инородцев Казанского края», которое «вызвало длинные споры» [Известия Общества... , 1886, т. VI, с. 17–18, 59–63]. Это свидетельствует о давнем интересе ученого к истории и этнографии народов Поволжья и Приуралья.

С 20 июня 1888 года была проведена двухмесячная экспедиция в составе И.Н. Смирнова, М.П. Веске и хранителя Музея отечествоведения при Казанском университете П.В. Траубенберга по изучению марийцев в Казанской, Костромской, Нижегородской, Вятской, Уфимской и Пермской губерниях [Ги-

бадуллина, 2011, с. 27]. 25 ноября 1888 года И.Н. Смирнов выступил на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете с сообщением «Очерк истории черемисской народности» [Известия Общества... , 1889, т. VII, с. XXXII–XXXIII]. Текст этого сообщения с учетом замечаний, высказанных коллегами (Н.А. Фирсовым, А.А. Штукенбергом, М.П. Веске), вошел в виде отдельной главы в его историко-этнографический очерк «Черемисы», который был опубликован в 1889 году в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» [Известия Общества... , 1889, т. VII, с. 1–212]. В том же году монография была издана отдельным тиражом [Смирнов, 1889].

В целом автору первой монографии о марийцах удалось использовать разнообразный комплекс литературы (зарубежной и отечественной, исторической и этнографической) и источников (летописных, архивных, полевых, музейных, статистических и др.) и рассмотреть особенности истории и культуры марийцев на высоком и качественно новом уровне теоретического осмысления. Будучи историком-позитивистом, он впервые попытался реконструировать историю марийцев, используя междисциплинарный подход. Ученый до конца своей жизни оставался последовательным эволюционистом. Он придерживался идей существования универсальных законов развития человеческой культуры, непрерывного развития обществ по законам эволюции, обусловленности культурных различий у современных народов различием в ступенях развития. Огромную роль в формировании эволюционистских представлений ученого сыграл классик эволюционизма, выдающийся английский философ и социолог Герберт Спенсер, идеи которого были особенно популярны в России в 1870–1880-е годы. Вместе с тем, как и все ранние эволюционисты, И.Н. Смирнов подходил к изучению народов с европоцентристскими оценочными мерками, воспринимая как отсталость и косность все то, что не вписывалось в рамки европейской культуры.

Историю марийского народа И.Н. Смирнов делил на три периода: первый период – дотатарский (до XIV века); второй – эпоха подчинения татарам (XIV – XVI века); третий – время пребывания под русским владычеством (со второй половины XVI века). В рамках анализа второго периода, автор попытался дать оценку степени социального, экономического, политического и культурного развития марийского этноса. Опираясь на данные языка (преимущественно на материалы книги Н.И. Золотницкого «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен» (1875), он пришел к выводу, что «культурное воздействие тюркских народов на черемис было громадно. Под тюркским влиянием у черемис создался переход от охотничьей жизни к скотоводству и земледелию, сложился оседлый быт, домашняя обстановка, костюм, возникла торговля

и связанная с нею экономическая дифференциация, явились зародыши общественной организации, получили дальнейшее развитие верования» [Смирнов, 1889, с. 24]. При этом он полагал, что на развитие марийского этноса ключевое влияние оказали не столько казанские татары, сколько волжские булгары, к потомкам которых относил чувашей [Смирнов, 1889, с. 23–29]. К сожалению, И.Н. Смирнов не смог удовлетворительно объяснить качественные изменения в жизни марийцев, поэтому все сложные элементы их культуры приписал заимствованиям и подражанию. С другой стороны, ученый пришел к справедливому выводу, что марийцы до вхождения в состав России вели оседлый образ жизни, занимались земледелием, скотоводством, развивали ремесла и торговлю, достигнув тем самым определенного уровня общественного прогресса.

Безусловной заслугой И.Н. Смирнова является его попытка реконструировать социально-политическое устройство марийского общества в XV–XVI веках. Отметив, что утверждение Н.М. Карамзина о наличии у марийцев своих князей, находившихся «под татарским владычеством», не подтверждается летописными свидетельствами, и указав на то, что в марийском языке нет слова, «выражающего понятия князь», он, тем не менее, опираясь на «некоторые известные факты из истории черемис в XVI и XVII вв.», предположил, что «Карамзин был до некоторой степени прав» и «в эпоху завоевания Казани и в последующее время у черемис была несомненная, хотя бы элементарная, политическая организация» [Смирнов, 1889, с. 31].

Недостаток письменных свидетельств историк пытался восполнить фольклорным и этнографическим материалом. И.Н. Смирнов, несмотря на скептическое отношение к историческим преданиям марийского народа о древних предводителях, таких как Адай, Акпарс, Болтуш, Пашкан, Сабатор, тем не менее признавал их значимость для исторической реконструкции. Он утверждал: «Все, что историк может извлечь из этих преданий, заключается в том, что в эпоху падения Казани у черемис существовали свои князьки» [Смирнов, 1889, с. 242]. По версии И.Н. Смирнова, марийские князьки были на самом деле родовыми (племенными) старейшинами [1889, с. 31, 42]. Вместе с тем им было сделано заключение, что «по размеру территории, на которую простиралась власть Акпарса, его можно сравнить с мелким русским удельным князьком» [Смирнов, 1889, с. 32].

Также на основе преданий И.Н. Смирнов гипотетически допустил, что в составе Казанского ханства («под татарским владычеством») марийцы «пользовались некоторой автономией», а князья, жившие в городах, «притесняли народ тяжелыми поборами»; на низшем уровне управления стояли сотники, «но объем их прав неизвестен» [1889, с. 41]. Он писал и о глубоко зашедшей социальной дифференциации марийского общества. По его мнению, еще в дотатарский период были богатые и бедные, хозяева и работники,

а в XIV–XVI веках марийцы стали делиться на ясачных людей и свободных от ясака служилых людей – тарханов и мурз. При этом он проводил параллели с социальными группами русского общества того времени, утверждая, что ясачным людям соответствовали тяглые люди Москвы, тарханам – служилые люди, мурзам и «родовым или племенным князькам» – боярство [Смирнов, 1889, с. 41–42]. Марийские ясачные люди, по словам И.Н. Смирнова, «были обложены, вероятно, наравне с другими народами податью (ясаком) и, кроме того, должны были нести воинскую повинность» [1889, с. 34]. Правда, вслед за своим учителем Н.А. Фирсовым ученый полагал, что ясак они платили мехами даже в XVII веке [Смирнов, 1889, с. 45–46].

Особого внимания заслуживает проведенный И.Н. Смирновым анализ организации марийцами вооруженных выступлений во второй половине XVI века (черемисских войн). По его мнению, «общие бунты, охватывавшие черемисскую страну», свидетельствуют о существовании у марийцев того времени политической организации. Для доказательства своей позиции он применил метод пережитков, разработанный известным английским этнологом, эволюционистом Эдвардом Тайлором. Под пережитками Э. Тэйлор понимал «те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого» [1989, с. 28]. И.Н. Смирнов усматривал пережитки («следы») централизованной организации черемисских войн во всемарийских молениях, проведенных в 1820-х годах в Варангуже и Кӱпрансоле (Куприяново): «Как в XIX веке созывается черемисский народ на общее мольбище, так в XVI и XVII он призывался, вероятно, к восстаниям против русской власти» [1889, с. 33, 143].

В третьей главе своей монографии И.Н. Смирнов рассмотрел исторические этапы развития семьи и формы общественной организации. Здесь исследователь механистически применил эволюционистские парадигмы того периода к марийскому этносу, стремясь выявить в его жизни и традициях проявления промискуитета и коммунального (коллективного) брака. Он отметил, что марийская семья «развивалась по общему типу, установленному современной антропологией и сравнительной историей права: она переходила от коммунального брака через левират и снохачество к полигамии и эндогамии» [Смирнов, 1889, с. 128]. При этом появление брачной традиции выкупа невесты *(калым, олно)* он обусловил тюркским влиянием [Смирнов, 1889, с. 133].

При анализе истории общественного устройства марийцев И.Н. Смирнов в целом придерживался концепции родового строя, восходящей к теории родового быта Густава Эверса и С.М. Соловьева. По крайней мере, не видно, чтобы ученый опирался на передовой для того времени вывод выдающегося американского этнолога Льюиса Генри Моргана о том, что материнский род появил-

ся раньше, чем семья. По мысли И.Н. Смирнова, «первоначальная деревенская община была поселением рода (туком)», где все жители «были в родстве между собою» и вели «свое происхождение от одного предка»; с течением времени из разросшегося рода «выделялись отдельные семьи, которые основывали новые поселки, в свою очередь постепенно разраставшиеся» [1889, с. 139–140]. Спустя много лет выдающийся советский этнолог К.И. Козлова подвергла тщательному критическому анализу родовую теорию И.Н. Смирнова, убедительно доказав, что понятие *туком (тукым)* служило марийцам для того, чтобы очертить круг лиц, находившихся в патронимических связях, но без какой-либо прямой связи с родовым социальным устройством [1978, с. 56–61].

Ученый, опираясь на сведения, почерпнутые из статьи С.К. Кузнецова «Остатки язычества у черемис», отметил, что крупную группу, представлявшую из себя разросшийся род в 50–300 человек, марийцы называли *кюмыж*. Это наименование выводилось «из обычая во время жертвоприношений есть из одной громадной чашки» (мар. *кӱмыж*). Примечательно, что название *кӱмыж* в значении «родичи-одночашники» не встречается в других этнографических исследованиях о марийцах, а также в марийских словарях; видимо, оно во второй половине XIX века использовалось только какой-то локальной группой луговых марийцев [Козлова, 1978, с. 57]. При этом автор монографии марийских «одночашников» уподобил древнеримским *confarrei* [Смирнов, 1889, с. 140]. Вообще-то понятие *confarrei* связано с ритуалом *конфарреации* (лат. *confarreatio*) – религиозной формой заключения римского брака у патрициев, ключевым моментом которой было совместное вкушение женихом и невестой хлеба [Шулин, 1893, с. 211]. Не совсем ясно, какие схожие черты между «одночашниками» и *confarrei* имел в виду уважаемый ученый.

К следующему уровню общественного объединения марийцев, основанного на религиозных началах, И.Н. Смирнов отнес *мэр* – «сочетание нескольких кюмыжей, связанных между собою преданиями о кровном родстве или сожительством» [1889, с. 140]. При выделении «мэра» он руководствовался наличием у марийцев особых священных рощ *мэр-ото* [Смирнов, 1889, с. 140–141]. Однако ученый почему-то проигнорировал упоминавшийся С.К. Кузнецовым еще один тип общины марийцев – *тыштымбал*, состоящий из нескольких «кюмыжей» [Кузнецов, 2009, с. 180]. Согласно выводам исследователя иерархии марийских культовых объединений В.П. Петрова, *мер* представлял собой земляческое объединение нескольких *тиште* [1981, с. 147–153].

Профессор И.Н. Смирнов отмечал, что коллективные моления марийцев, практиковавшиеся в XIX веке, являлись реликтами древних народных собраний: «Остатки стародавних всенародных собраний можно видеть в молениях, совершающихся от лица целого черемисского народа в роще, которая на-

зывается всемирной (тюня-ото)» [1889, с. 143]. Также в монографии сделан справедливый, по сути, вывод о длительном делении марийского населения на «мэры» и «кюмыжи», очертания которых не совпадали с границами учрежденных с XVI века российской властью уездов и волостей. В примечаниях ученый указал, что для продолжения исследований важно создать перечень «мэров» и разработать карту с обозначением их территорий [Смирнов, 1889, с. 141].

В целом И.Н. Смирнов внес колоссальный вклад в изучение общественной жизни марийцев до их присоединения к России. Его капитальное исследование «Черемисы» не шло ни в какое сравнение с предыдущей историко-этнографической литературой о марийцах. Более того, в течение длительного времени после его появления ничего подобного больше не создавалось. Оно при всех своих недостатках и противоречиях превосходит по своей научной значимости и глубиной анализа многие труды аналогичной тематики, появившиеся в XX веке.

Своеобразный взгляд на особенности развития марийцев и других нетатарских народов формировался у представителей зарождающейся татарской историографии. Известный татарский мыслитель, основоположник национальной исторической науки Шихаб ад-дин ал-Марджани / Шигабутдин Марджани (1818–1889) считал, что финны (к ним он относил мари, мордву, удмуртов и даже чувашей) «уступали тюркам в нравственности, рассудительности, разуме, силе, способности управлять, смелости, знаниях» [2022, с. 39]. Это суждение отражает не столько его собственные этнокультурные предпочтения, сколько более широкий контекст этноцентрических взглядов, характерных для того времени. В целом первые татарские историки в своих исследованиях, посвященных Казанскому ханству, как правило, уделяли недостаточное внимание нетатарским народам, ограничиваясь анализом татарской истории.

Во второй половине XIX века стали зарождаться историографические традиции и у других народов Среднего Поволжья. В числе прочих поднимались и вопросы об общественной организации марийцев до их присоединения к России.

Чувашский ученый-самоучка Спиридон Михайлович Михайлов (1821–1861) из Козьмодемьянского уезда с 1851 года начал публиковать свои статьи по истории и этнографии чувашей, горных марийцев, русских. Опираясь на сохранившиеся фрагменты народного исторического сознания и материалы «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, он пытался раскрыть некоторые аспекты жизни горных марийцев в составе Казанского ханства. С.М. Михайлов поведал миру о марийской крепости «эпохи Казанского царства» на Сторожевой горе близ села Малый Сундырь (Акозино, Троицкое) Козьмодемьянского уезда [Михайлов, 2004, с. 57–62, 66–67], ныне известной как крепость Аламнер и Важнангерское (Мало-Сундырское) городище XIV–

XV веков. Правда, при этом краевед ошибочно отождествил данное городище с летописным Чалымским городком [Михайлов, 2004, с. 67, 243]. Также он выдвинул предположение, что горномарийские поселения Чермышево-Еласы, Кузнецово и Малый Сундырь были старинными центрами, в которых «жили их старейшие родичи или князьки и которые поэтому были в особенном уважении у народа» [Михайлов, 2004, с. 210]. Писал о тяжелом положении чувашей и горных марийцев под властью казанских ханов: «...цари казанские, у которых они были в подданстве, взимали с них большие налоги; посылаемые от них вельможи для поборов теснили чуваш и будто бы уводили к царям в неволю девиц их» [Михайлов, 2004, с. 52].

Марийский просветитель, историк и этнограф Сергей Андреевич Нурминский (1839–1914), будучи студентом Казанской духовной академии, первоначально находился под значительным влиянием русской историографии первой половины XIX века. В 1862 году он представлял марийцев как «дикий, лесной народ», который «мало привязан к хлебопашеству», а в своих попытках охарактеризовать «строй общественной жизни» марийцев в период их вхождения в состав России он утверждал, что «этот народ искал только воли и простора, а всякая государственная дисциплина, хотя бы вполне полезная им, была им ненавистна... Им нужна была жизнь без всякого внешнего контроля, без всякой власти» [Нурминский, 1862, с. 239–243]. Однако спустя два года С.А. Нурминский, перейдя на более патриотические взгляды, пересмотрел свою позицию, что привело к некоторой переоценке и даже возвышению уровня развития средневековых марийцев. Он пришел к заключению, что черемисы до начала русской колонизации Казанского края «были развитее остальных инородцев», стремились «составить политическое целое, сплотиться в государство». По его словам, на Вятке «было их главное местопребывание, центр их общественной жизни в городе Кокшаров», однако под напором русских и татарских переселенцев марийцы были вынуждены «уступать свою возделанную и удобренную почву». Следует подчеркнуть, что С.А. Нурминский впервые интерпретировал повышенную воинственность средневековых марийцев («они дольше всех и упорнее всех отстаивают свою независимость») как прогрессивное явление, а не признак дикости и отсталости [1864, с. 4–7].

Значительный интерес представляет статья горномарийского учителя-самоучки, краеведа и этнографа Ивана Яковлевича Молярова (Малярова) (1843–1910) «Беседы к черемисам Кузнецовского прихода», опубликованная в 1873 году [1873, № 7, с. 209–223; № 8, с. 244–256; № 9, с. 271–290]. Основным источником информации ему послужили исторические предания горных марийцев. Он представлял марийцев до принятия ими православной веры как боязливых, диких, невежественных, крайне бедных лесных жителей, занимавшихся, тем не менее, земледелием. Находясь под властью казанских ханов,

марийцы, по словам И.Я. Молярова, платили подать «с дыма хоть по копейке ассигнациями», были «в работниках у татар», «брали также черемис татары и в солдаты» [Моляров, 1873, № 7, с. 219]. Горномарийская земля показана им как территория, управлявшаяся во времена Казанского ханства самостоятельными владельцами – Акпарсом, Аказом, Ковяжем и Яныгыном; особое внимание отведено Акпарсу, который «был смелее и искуснее своих товарищей», «занял большое пространство земли» и носил титул *лужавуй*. Этот титул, по интерпретации И.Я. Молярова, имеет этимологическую связь с марийскими словами *лужа* ‘земля’ и *вуй* ‘глава’, что позволяет трактовать его как ‘глава земли’ [1873, № 7, с. 220–223]. Однако следует отметить, что данное толкование не соответствует лексикографическим данным XVIII века, где слово *лужа* переводится как ‘сотник’ [Сергеев, 2021, с. 214, 238]. И.Я. Моляров допустил ряд других ошибок, выявленных еще И.Н. Смирновым [Смирнов, 1889, с. 246–248].

В 1880–1890-х годах вопрос об общественно-политической организации марийцев «до подчинения русским» ставил в своих работах марийский просветитель, историк, топонимист, этнограф и фольклорист Тимофей Семенович Семенов (1865–1907). Он активно и плодотворно сотрудничал с известным ученым С.К. Кузнецовым, а в 1880 году его приняли в члены Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете [Попов, Федосеева, 2014, с. 146]. В 1887 году на VII Археологическом съезде России в Ярославле Т.С. Семенов не только предпринял попытку обосновать гипотезу о том, что марийцы являются потомками мери, но и подчеркнул, что «черемисы по культуре общественного устройства стояли не ниже мери», аргументируя это наличием у обоих народов своих князей, городков и укреплений. Также он продолжил поддерживать и укреплять позитивную коннотацию воинственности средневековых марийцев [Семенов, 1891, с. 228–258]. В 1893 году, вскоре после издания монографии И.Н. Смирнова «Черемисы», был издан этнографический очерк Т.С. Семенова под тем же названием. Автор с сожалением отметил: «На какой ступени общественной и политической организации были черемисы до подчинения русским – сказать, за неимением данных, мы многого не можем». Вместе с тем, ссылаясь на работу И.Н. Смирнова и «отрывочные известия», в том числе на предания, Т.С. Семенов утверждал, что у марийцев были свои князья (старейшины, *кугыжа*), старшины, предводители, сотники, «города» (Кокшаров, Малмыж). Исходя из предположений, выдвинутых И.Н. Смирновым, он пришел к выводу, что «черемисы были в переходном состоянии от охотничьей жизни к скотоводству и земледелию – у них только еще начинал складываться оседлый быт» [Семенов, 1893, с. 5–6].

В 80–90-х годах XIX века появились интересные работы провинциальных исследователей, которые частично касались вопросов общественного устройства марийцев в XV–XVI веке.

Профессор Казанского университета, доктор государственного права Николай Павлович Загоскин (1851–1912), рассматривая повстанческое движение народов Среднего Поволжья 1552–1557 годов, пришел к выводу, что в ходе него марийский предводитель Мамич-Бердей замыслил «провозгласить независимость», «создать самостоятельное царство луговых черемис» [1891, с. 3; Спутник... , 1895, с. 137].

В 1890-х годах костромской краевед Дмитрий Петрович Дементьев (1859–1926) опубликовал свои статьи, посвященные средневековой истории Поветлужья. На основе не дошедших до нас местных русских летописцев позднего происхождения (XVII–XIX веков) он изложил историю марийского Ветлужского княжества XII–XV веков. Правда, основное внимание им было уделено военно-политическим взаимоотношениям ветлужских предводителей (кугузов) с соседними русскими княжествами и землями, а не внутреннему устройству Ветлужского княжества [Дементьев, 1892, с. 1–16; 1894, с. 20–51]. Из-за ненадежности источников, которые использовал Д.П. Дементьев, и склонности самого автора к вымыслу, историки осторожно относятся к признанию достоверности информации, представленной в публикациях костромского исследователя [Бочков, 1989, с. 72–78; Бахтин, 2025, с. 75–77].

Вятский историк (впоследствии выдающийся ученый-археолог) Александр Андреевич Спицын (1858–1931) в своей статье «К истории вятских инородцев» отметил, что «черемисы были более культурным народом, чем обыкновенно думают» [1888, с. 226]. Согласно его выводам, луговые марийцы до их вхождения в состав России отличались предприимчивостью и воинственностью, успешно занимались земледелием, «жили под началом родового быта», управлялись своими князьями [Спицын, 1888, с. 225–229].

Учитель-краевед из Вятской губернии Ксенофан Васильевич Лаврентьев (1850–1910) в своем учебнике по родиноведению дал краткую, но емкую характеристику луговых марийцев до их вхождения в состав Российского государства: «Черемисы часто делали нападения на своих соседей, были предприимчивее вотяков и жили лучше их; русские, делавшие на черемис походы, рассказывали, что страна черемисская очень богата хлебом, медом и дорогими мехами, что у знатных черемис построены хорошие дома. До прихода русских черемисы имели своих князей и жили также отдельными родами; свои поселения черемисы разбрасывали далеко одно от другого и не всегда селились сплошными массами, как вотяки. Из черемисских князей наиболее замечателен был Болтуш, имевший свое пребывание в Малмыже» [Лаврентьев, 1890, с. 164]. Этот текст можно рассматривать как репрезентативное изложение представлений российской историографии второй половины XIX века об уровне общественного развития марийцев в XV–XVI веках.

Заключение

Российская историография второй половины XIX века достигла существенных успехов в изучении общественного строя марийцев в XV–XVI века. Определяющее значение в этом процессе принадлежало теории родового быта, разработанной Г. Эверсом и С.М. Соловьевым. Данная теоретико-методологическая парадигма составила фундамент последующих изысканий, в частности трудов Н.А. Фирсова и Г.И. Перетятковича. Опираясь на ее положения, исследователи стремились реконструировать уровень общественного развития и особенности социально-политической организации марийцев и других народов, входивших в орбиту Казанского ханства. Наиболее существенный вклад в теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение концепции родового строя марийцев указанного периода внес И.Н. Смирнов. В своей капитальной работе «Черемисы» он синтезировал достижения предшествующей отечественной историографии и интегрировал их в контекст господствовавшей в мировой науке эволюционистской парадигмы. В целом российская историография второй половины XIX века заложила прочную основу для дальнейшего, более глубокого изучения социальной истории марийского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин А.Г. Марийский край в истории России XIII–XVI веков: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2025. 663 с.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Ч. 1. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 453 с.

Бочков В.Н. Ветлужский летописец // Памятники Отечества. 1989. № 1. С. 72–78.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1864. XVI, 498 с.

Гибадуллина Н.М.-Н. И.Н. Смирнов – профессор Императорского Казанского университета: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2011. 300 с.

Дементьев Д.П. Краткие исторические сведения о Кажировской пустыни // Костромская старина. Вып. 2. Кострома: Губ. тип., 1892. С. 1–16.

Дементьев Д.П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромская старина. Вып. 3. Кострома: Губ. тип., 1894. С. 20–51.

Димитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 107–115.

Ермолаев Е.П. Н.А. Фирсов как историк местного края // Вопросы истории, философии и педагогики. Вып. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. С. 50–60.

Загоскин Н.П. Казанские мятежи в первые пять лет после покорения русской державе (исторический очерк) // Казанские вести. 1891. № 68. С. 2–3.

Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. VI. Вып. 1. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1886. 64 с.

Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. VII. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. 50, 8, 16, 18, 20, 212, XXXIV с.

Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 345 с.

Кузнецов С.К. И.Н. Смирнов (ум. 15 мая 1904 г. в Казани) // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. LXI. № 2. С. 214–216.

Кузнецов С.К. Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2009. 702 с.

Лаврентьев К.В. География Вятской губернии: Курс родиноведения для находящихся в Вятской губернии городских училищ, старших отделений сельских двухклассных, одноклассных, земских начальных училищ и церковно-приходских школ и младших классов средних учебных заведений, находящихся в Вятской губернии. Вятка: Тип. Маишеева, 1890. VI, 216, V с.

Марджани Ш. Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. 1. Казань: Магариф-Вакыт, 2022. 216 с.

Михайлов С.М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 509 с.

Моляров И.Я. Беседы к черемисам Кузнецовского прихода // Известия Казанской епархии. 1873. № 7. С. 209–223; № 8. С. 244–256; № 9. С. 271–290.

Нурминский С.А. Влияние монастырей на расселение народное в Казанском крае // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1864. Ч 1. Казань: Унив. тип., 1864. С. 3–30.

Нурминский С.А. Очерк религиозных верований черемис // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1863. Ч 3. Казань: Тип. Губ. правления, 1862. С. 239–296.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории колонизации края). М.: Тип. Грачева и К°, 1877. 334 с.

Петров В.Н. Иерархия марийских культовых объединений // Археология и этнография Марийского края. Вып. 5: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981. С 133–153.

Попов Н.С., Федосеева Н.А. Тимофей Семенович Семенов и марийская культура конца XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2014. С. 146–149.

Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Т. XIV: Казанская губерния. Ч. 2. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1870. 225 с.

Семенов Т.С. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. Т. 2. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Розмана, 1891. С. 228–258.

Семенов Т.С. Черемисы: Этнографический очерк. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. 36 с.

Сергеев О.А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 214, 238.

Смирнов И.Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. II, 265 с.

Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.

Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.

Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 5–6. М.: Мысль, 1989. 783 с.

Спицын А.А. К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка: Губ. тип., 1888. С. 207–232.

Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. Н.П. Загоскина. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. XXVI, 691, 82 с.

Степанов А.Ф. История становления марийской национальной школы. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2008. 280 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 572 с.

Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве: Рассуждение, написанное для получения степени магистра русской истории. Казань: Унив. тип., 1866. 261, IV с.

Швецов В.И. Густав Эверс и русская историография // Вопросы истории. 1975. № 3. С. 55–70.

Шулин Ф. Учебник истории римского права. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. XII, 610 с.

Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб.: Тип. Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. XXII, 422 с.

Sergey Svechnikov

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE SOCIAL STRUCTURE OF THE MARI PEOPLE IN THE 15TH–16TH CENTURIES IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Introduction. The historiography of views on the social structure of the Mari people in the 15th-16th centuries in the works of Russian scholars of the second half of the 19th century is an important but little-studied topic. In the second half of the 19th century, Russia witnessed the rise of historical science: its specialisation intensified, the source base expanded, and the approach to studying the past became more analytical. The study of the history of the peoples of the Middle Volga region, including the Mari, shifted to local researchers and regional scientific societies. As a result, issues concerning the social development of the Mari became the subject of more thorough historical analysis. **The purpose** of the article is to analyse the views and theoretical concepts of Russian researchers from the second half of the 19th century concerning the social structure of the Mari people in the 15th–16th centuries. **Materials and methods.** The main material for this article consists of the works of Russian scholars from the second half of the 19th century. Research methods include concrete and historical, comparative and historical, historical and biographical methods, and analysis of the historiographical situation. **Research results, discussion.** The article considers the emergence and development of the study

of the Mari social structure in the 15th–16th centuries within Russian historiography of the second half of the 19th century. The rise of historical science during that period, associated with the names of S.M. Solovyov and his followers, led to the establishment of an analytical approach to history and the search for patterns in the development of society, which manifested itself in the dominance of clan theory. S.M. Solovyov laid the theoretical foundations for understanding the Finnish tribes as being at a pre-state stage. N.A. Firsov applied clan theory to the analysis of social relations among the peoples of the Kazan Khanate. G.I. Peretyatkovich significantly deepened the study of the social structure and differentiation of the Mari ethnic and territorial groups in the context of the colonisation of the Volga region. Particular attention is paid to the basic work 'The Cheremis' by I.N. Smirnov, who drawing on evolutionism and an interdisciplinary approach, comprehensively reconstructed the history, social organisation and stages of development of Mari society for the first time. He also put forward hypotheses regarding the existence of political organisation, social differentiation and clan institutions among the Mari people. The contribution of local and national researchers (provincial local historians, Mari and Chuvash educators) is also described in the article. Relying on local sources and traditions, they gradually moved away from stereotypical notions of the 'savagery' of the Mari people and accumulated concrete material on their history and social structure. **Conclusion.** The historiography of the second half of the 19th century laid a solid foundation for further, more in-depth study of the social history of the Mari people.

Keywords: the Mari people (Cheremis); historiography; Kazan Khanate; social structure; clan theory (theory of clan life); S.M. Solovyov; N.A. Firsov; G.I. Peretyatkovich; I.N. Smirnov; evolutionism.

REFERENCES

Bahtin A.G. Mariiskij kraj v istorii Rossii XIII–XVI vekov: ocherki po istorii [The Mari Region in the History of Russia of the 13th – 16th centuries: Essays on History]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2025, 663 p. (In Russian).

Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Kazanskogo universiteta (1804–1904) [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Kazan University (1804–1904)]. Kazan', Tipo-litografija Imperatorskogo universiteta, 1904, part 1, 453 p. (In Russian).

Bochkov V.N. Vetluzhskij letopisec [The Vetluga chronicler]. *Pamjatniki Otechestva*, 1989, no. 1, pp. 72-78. (In Russian).

Vel'jaminov-Zernov V.V. Issledovanija o kasimovskih carjah i carevichah [The Study on the Kasimov Tsars and Tsareviches]. Saint Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1864, part 2, XVI, 498 p. (In Russian).

Gibadullina N.M.-N. I.N. Smirnov – professor Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [I.N. Smirnov is Professor of the Imperial Kazan University]. Ph. D. thesis. Kazan', 2011, 300 p. (In Russian).

Dement'ev D.P. Kratkie istoricheskie svedenija o Kazhirovskoj pustyni [A brief historical information about the Kazhirov hermitage]. *Kostromskaja starina.* Kostroma, Gubernskaja tipografija, 1892, iss. 2, pp. 1-16. (In Russian).

Dement'ev D.P. Kratkij istoricheskij ocherk Shangskogo gorodishha [A brief historical sketch of the Shang settlement]. *Kostromskaja starina*. Kostroma, Gubernskaja tipografiia, 1894, iss. 3, pp. 20-51. (In Russian).

Dimitriev V.D. O jasachnom oblozhenii v Srednem Povolzh'e [On yasak taxation in the Middle Volga region]. *Voprosy istorii*, 1956, no. 12, pp. 107-115. (In Russian).

Ermolaev E.P. N.A. Firsov kak istorik mestnogo kraja [N.A. Firsov as a historian of the local region]. *Voprosy istorii, filosofii i pedagogiki*. Kazan', Kazanskij universitet, 1967, iss. 2, pp. 50-60. (In Russian).

Zagoskin N.P. Kazanskie mjatezhi v pervye pjat' let posle pokorenija russkoj derzhave (istoricheskij ocherk) [Kazan riots in the first five years after the conquest of the Russian empire (historical sketch)]. *Kazanskie vesti,* 1891, no. 68, pp. 2-3. (In Russian).

Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete [Proceedings of the Society of archaeology, history and ethnography at the Imperial Kazan University]. Kazan', Tipografija Imperatorskogo universiteta, 1886, vol. 6, iss. 1, 64 p. (In Russian).

Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete [Proceedings of the Society of archaeology, history and ethnography at the Imperial Kazan University]. Kazan', Tipografija Imperatorskogo universiteta, 1889, vol. 7, 50, 8, 16, 18, 20, 212, XXXIV p. (In Russian).

Kozlova K.I. Ocherki etnicheskoj istorii marijskogo naroda [Essays on the Ethnic History of the Mari People]. Moscow, Moskovskij universitet, 1978, 345 p. (In Russian).

Kuznecov S.K. I.N. Smirnov (umer 15 maja 1904 goda v Kazani) [I.N. Smirnov (died on May 15, 1904 in Kazan)]. *Etnograficheskoe obozrenie,* 1904, book 61, no. 2, pp. 214-216. (In Russian).

Kuznecov S.K. Svjatyni. Kul't predkov. Drevnjaja istoriia [Sanctuaries. Ancestor Cult. Ancient History]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009, 702 p. (In Russian).

Lavrent'ev K.V. Geografija Vjatskoj gubernii: Kurs rodinovedenija dlja nahodjashhihsja v Vjatskoj gubernii gorodskih uchilishh, starshih otdelenij sel'skih dvuhklassnyh, odnoklassnyh, zemskih nachal'nyh uchilishh i cerkovno-prihodskih shkol i mladshih klassov srednih uchebnyh zavedenij, nahodjashhihsja v Vjatskoj gubernii [Geography of the Vyatka governorate: A course in homeland studies for city schools in the Vyatka governorate, senior departments of rural two-class, one-class, zemstvo primary schools and parochial schools and junior classes of secondary educational institutions located in the Vyatka governorate]. Vjatka, Tipografija Maisheeva, 1890, VI, 216, V p. (In Russian).

Mardzhani Sh. Poleznye vesti o sostojanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-ahbar fi ahvali Kazan va Bulgar) [Useful News about the State of Kazan and Bulgaria]. Kazan', Magarif-Vakyt, 2022, part 1, 216 p. (In Russian).

Mihajlov S.M. Sobranie sochinenij [Collected Works]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004, 509 p. (In Russian).

Moljarov I.Ja. Besedy k cheremisam Kuznecovskogo prihoda [Conversations with the Cheremis of the Kuznetsovo parish]. *Izvestija Kazanskoj eparhii*, 1873, no. 7, pp. 209-223; no. 8, pp. 244-256; no. 9, pp. 271-290. (In Russian).

Nurminskij S.A. Vlijanie monastyrej na rasselenie narodnoe v Kazanskom krae [The influence of monasteries on the settlement of peoples in the Kazan region]. *Pravoslavnyj sobesednik, izdavaemyj pri Kazanskoj duhovnoj akademii. 1864.* Kazan', Universitetskaja tipografija, 1864, part 1, pp. 3-30. (In Russian).

Nurminskij S.A. Ocherk religioznyh verovanij cheremis [An essay on the religious beliefs of the Cheremis]. *Pravoslavnyj sobesednik, izdavaemyj pri Kazanskoj duhovnoj akademii. 1863.* Kazan', Tipografija Gubernskogo pravlenija, 1862, part 3, pp. 239-296. (In Russian).

Peretjatkovich G.I. Povolzh'e v XV i XVI vekah (ocherki iz istorii kolonizacii kraja) [The Volga region in the 15th and 16th centuries (essays from the history of colonization of the region)]. Moscow, Tipografija Gracheva i K°, 1877, 334 p. (In Russian).

Petrov V.N. Ierarhija marijskih kul'tovyh ob"edinenij [Hierarchy of Mari religious associations]. *Arheologija i etnografija Marijskogo kraja. Iss. 5. Material'naja i duhovnaja kul'tura marijcev*. Yoshkar-Ola, 1981, pp. 133-153. (In Russian).

Popov N.S., Fedoseeva N.A. Timofej Semjonovich Semjonov i marijskaja kul'tura konca XIX v. [Timofey Semyonovich Semyonov and the Mari culture of the late 19th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov, Gramota, 2014, no. 11, part 1, pp. 146-149. (In Russian).

Rittih A.F. Materialy dlja etnografii Rossii. Tom XIV. Kazanskaja gubernija [Materials for the Ethnography of Russia. Vol. 14. Kazan Province]. Kazan', Tipografija Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1870, part 2, 225 p. (In Russian).

Semjonov T.S. K voprosu o rodstve i svjazi meri s cheremisami [On the question of kinship and connection of the Merya with the Cheremis]. *Trudy Sed'mogo arheologicheskogo s"ezda v Jaroslavle. 1887.* Moscow, Tipografija E. Lissnera i Ju. Rozmana, 1891, vol. 2, pp. 228-258. (In Russian).

Semjonov T.S. Cheremisy: Etnograficheskij ocherk [The Cheremis: An ethnographic essay]. Moscow, Tipografija A.I. Snegirevoj, 1893, 36 p. (In Russian).

Sergeev O.A. Jazyk pamjatnikov pis'mennosti marijskogo jazyka (konec XVII – XVIII vv.) [The language of written monuments of the Mari language (late 17th – 18th centuries)]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2021, p. 214, p. 238. (In Russian).

Smirnov I.N. Cheremisy: Istoriko-etnograficheskij ocherk [The Cheremis: A historical and ethnographic essay]. Kazan', Tipografija Imperatorskogo universiteta, 1889, II, 265 p. (In Russian).

Solov'jov S.M. Sochinenija v vosemnadcati knigah. Kniga 1. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon [Works in eighteen books. Book 1. History of Russia from ancient times]. Moscow, Mysl', 1988, vol. 1-2, 797 p. (In Russian).

Solov'jov S.M. Sochinenija v vosemnadcati knigah. Kniga 2. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon [Works in eighteen books. Book 2: History of Russia from ancient times]. Moscow, Mysl', 1988, vol. 3-4, 765 p. (In Russian).

Solov'jov S.M. Sochinenija v vosemnadcati knigah. Kniga 3. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon [Works in eighteen books. Book 3: History of Russia from ancient times]. Moscow, Mysl', 1989, vol. 5-6, 783 p. (In Russian).

Spicyn A.A. K istorii vjatskih inorodcev [On the history of the Vyatka foreigners]. *Kalendar' Vjatskoj gubernii na 1889 god.* Vjatka, Gubernskaja tipografija, 1888, pp. 207-232. (In Russian).

Sputnik po Kazani: Illjustrirovannyj ukazatel' dostoprimechatel'nostej i spravochnaja knizhka goroda [A guide to Kazan: an illustrated guide to attractions and the city's reference book]. Ed. N.P. Zagoskin. Kazan', Tipo-litografija Imperatorskogo universiteta, 1895, XXVI, 691, 82 p. (In Russian).

Stepanov A.F. Istorija stanovlenija marijskoj nacional'noj shkoly [The History of the Formation of the Mari National School]. Yoshkar-Ola, Marijskij poligrafkombinat, 2008, 280 p. (In Russian).

Tajlor E.B. Pervobytnaja kul'tura [Primitive Culture]. Moscow, Politizdat, 1989, 572 p. (In Russian).

Firsov N.A. Polozhenie inorodcev Severo-Vostochnoj Rossii v Moskovskom gosudarstve: Rassuzhdenie, napisannoe dlja poluchenija stepeni magistra russkoj istorii [The situation of foreigners of North-Eastern Russia in the Moscow state: a discourse written to obtain the degree of master of Russian history]. Kazan', Universitetskaja tipografija, 1866, 261, IV p. (In Russian).

Shvecov V.I. Gustav Evers i russkaja istoriografija [Gustav Ewers and Russian historiography]. *Voprosy istorii,* 1975, no. 3, pp. 55-70. (In Russian).

Shulin F. Uchebnik istorii rimskogo prava [Textbook of the History of Roman Law]. Moscow, Tipografija E. Lissnera i Ju. Romana, 1893, XII, 610 p. (In Russian).

Evers I.F.G. Drevnejshee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii [The ost ancient Russian law in its historical development]. Saint Petersburg, Tipografija Shtaba otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi, 1835, XXII, 422 p. (In Russian).

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 94:314.122:394.46

ПОСВЯТИЛ ЖИЗНЬ ИЗУЧЕНИЮ РОДНОГО НАРОДА
(к 90-летию со дня рождения Н.Ф. Мокшина)

© 2026 г. Е.Н. Мокшина, Ю.Н. Сушкова

Николай Федорович Мокшин (1936–2023) – широко известный историк и этнограф, педагог и общественный деятель, писатель и журналист, один из наиболее ярких представителей науки и культуры Республики Мордовия. С его именем связано формирование целого ряда новых для Мордовии направлений: этнической истории и историографии, этнической ономастики и картографии, этнического религиоведения и этномифологии, этнической культурологии и краеведения. Заметный вклад Н.Ф. Мокшин внес в вузовскую научно-педагогическую среду, впервые начав в Мордовском государственном университете преподавание таких фундаментальных научных дисциплин, как история первобытного общества и основы этнографии, оригинальных авторских спецкурсов по этнографии финно-угорских народов, этнографии народов Среднего Поволжья и Приуралья, этнографии мордвы, истории Мордовии. Кроме того, он снискал себе признание и известность как организатор науки, общественный деятель, талантливый журналист и писатель [Мокшин Николай Федорович... , 2021, с. 5].

Мокшин Н.Ф. родился 22 июня 1936 года в эрзя-мордовском селе Иванцево Лукояновского района Горьковской (ныне Нижегородской) области в семье учителя. Его отец Мокшин Федор Захарович преподавал ботанику и зоологию

в Иванцевской средней школе, одновременно после окончания рабфака учился на заочном отделении естественного факультета Горьковского государственного университета. В начале Великой Отечественной войны он был призван в Красную армию и погиб в 1942 году под Ленинградом. Мать Николая, Елена Артемьевна Мокшина (в девичестве Кузюткина), окончив в Нижнем Новгороде медицинское училище, работала в Иванцеве заведующей сельской больницей, затем, когда в годы войны больница закрылась, трудилась в колхозе. Она скончалась в 1997 году на 94-м году жизни.

Многие учителя-мужчины ушли на фронт, поэтому Иванцевская средняя школа стала семилетней. Окончив её в 1950 году, Николай Мокшин поступил в Лукояновское педагогическое училище. Окончив его в 1954 году, он получил диплом учителя начальной школы. Именно в педучилище зародилось его увлечение творческой деятельностью – как литературной, так и журналистской. Николай Федорович сотрудничал в стенной газете, а его стихи печатались в «Литературной газете», которую редактировал в ту пору директор Лукояновского педучилища, известный педагог, заслуженный учитель школы РСФСР А.А. Куманев, оказавший значительное влияние на формирование мировоззрения Н.Ф. Мокшина. Об этом человеке – организаторе народного просвещения, участнике Великой Отечественной войны, лауреате премии им. Н.К. Крупской, создателе оригинальной педагогической системы, не утратившей своей эвристической значимости поныне, Н.Ф. Мокшин рассказал в книге «Учитель учителей», опубликованной в Саранске в 2010 году в серии «Замечательные представители мордовской интеллигенции». В этой же серии Н.Ф. Мокшиным были опубликованы книги «Народный заступник» (Пенза, 2014) и «Во благо народа» (Саранск, 2016), освещающие жизненный путь и деятельность еще двух выдающихся представителей мордовского народа – Г.К. Ульянова и З.Ф. Дорофеева.

В 1954 году Н.Ф. Мокшин поступил на исторический факультет Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева, преобразованного в 1957 году в Мордовский государственный университет. В 1959 году он с отличием окончил его, получив квалификацию учителя истории, русского языка и литературы. В студенческие годы Н.Ф. Мокшин все больше увлекался творческой работой, писал статьи, стихи, печатавшиеся в газетах и журналах, которые выходили в Саранске на русском и мордовских (эрзя и мокша) языках. В период летних каникул он участвовал в работе Мордовской экспедиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР под руководством В.Н. Белицер. Экспедиция эта была комплексной, включавшей не только этнографов, но и антропологов, лингвистов, фольклористов, историков, фотографов, художников. Антропологический отряд экспедиции возглавляла видный эстонский антрополог Карин Марк. Студент Ни-

колай Мокшин, которого она называла «своим ассистентом», в течение ряда лет помогал ей собирать и обрабатывать антропологические материалы, одновременно вел этнографические наблюдения. В экспедиции принимали участие ученые из Москвы, Ленинграда, Таллина, Саранска.

Помимо увлечения этнографией и антропологией, Н. Мокшин занимался в историческом кружке под руководством известного историка М.Г. Сафаргалиева и литературном объединении, которым руководил литературовед и писатель Л.Г. Васильев. За отличную учебу и активную общественную деятельность он был удостоен Сталинской стипендии. В течение шести лет, будучи студентом, а затем аспирантом, Н.Ф. Мокшин избирался председателем совета студенческого научного общества (СНО) Мордовского государственного университета. Под его руководством СНО стало активной студенческой организацией, которая ежегодно проводила научные конференции и выпускала сборники студенческих работ. Именно в этих сборниках были опубликованы первые научные статьи будущего учёного. Кроме того, общество наладило тесные связи с аналогичными объединениями в других вузах, в том числе в Казанском, Тартуском, Горьковском и Петрозаводском университетах [Мокшин Николай Федорович… , 2021, с. 6–7].

С 1959 по 1962 год Н.Ф. Мокшин обучался в аспирантуре. С 1962 по 2023 год проработал в Мордовском государственном университете. В стенах родного вуза он прошёл путь от студента до профессора, заведующего кафедрами вначале – всеобщей истории, затем – дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии, а с 2013 по 2021 год – истории России. Кроме того, на протяжении ряда лет руководил историко-географическим факультетом в должности декана [Мордовия… , 2010, с. 399].

В мае 1964 года Н.Ф. Мокшин защитил в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на тему «Дохристианские верования мордвы». Ему тогда было 27 лет, и он был самым молодым кандидатом исторических наук по специальности «Этнография» в СССР. В 1967 году стал доцентом кафедры всеобщей истории (курс этнографии), а затем в течение 15 лет заведовал ею. В 1986 году в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР Н.Ф. Мокшин защитил докторскую диссертацию на тему «Основные этапы формирования и развития мордовского этноса». 22 июня 1989 года решением Государственного комитета СССР по народному образованию ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре дореволюционной отечественной истории, которая с приходом к руководству ею Н.Ф. Мокшина и по его инициативе получила наименование кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии.

Николай Федорович Мокшин был специалистом широкого профиля: историком и этнографом, религиоведом и ономатологом, музееведом и геогра-

фом. Он опубликовал более 40 книг и свыше 800 статей по различным проблемам истории и этнографии, религиоведения и ономастики, картографии и музееведения, исторической географии и краеведения. Его научные интересы в первую очередь охватывали вопросы истории и этнографии родного ему мордовского народа, хотя не только его. Это хорошо прослеживается по самим названиям его книг: «Религиозные верования мордвы» (Саранск, 1968; 1998), «Этническая история мордвы» (Саранск, 1977), «Мордовский этнос» (Саранск, 1989), «Тайны мордовских имен» (Саранск, 1991), «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников» (Саранск, 1993), «От Карелии до Урала» (Москва, 1998), «Материальная культура мордвы» (Саранск, 2002), «Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья» (Йошкар-Ола, 2002), «Мифология мордвы» (Саранск, 2004), «Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа» (Саранск, 2004; 2012), «Мордва и вера» (Саранск, 2005), «Мордва: мокша и эрзя» (Саранск, 2008), «Просветители Мордовского края» (Саранск, 2009), «Мордва и мир» (Саранск, 2011), «Мордва и Мордовия» (Саранск, 2011), «Мордовский народ в истории и культуре Российского государства» (Саранск, 2012), «Митрополит родом с Вада» (Саранск, 2012), «Сокровища культуры Мордовии» (Москва, 2012), «Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры» (Саранск, 2014), «Этнография Казанского Поволжья. Историко-этнографические очерки» (Казань, 2017), «Просветители мордвы» (Саранск, 2020), «Финно-угорский мир: опыт системного анализа» (Саранск, 2020). В этих и других работах ученый исследовал многие актуальные проблемы этногенеза и этнической истории мордовского народа, его общественного строя, семейного быта и духовной культуры, в том числе религии, мифологии и фольклористики. Особенно велики и неоспоримы заслуги Н.Ф. Мокшина в разработке проблем мордовской бинарности, макро- и микроконсолидационных процессов у мордвы, этноструктуры мордовского народа как одного из архогенетических народов Восточной Европы на различных этапах его истории, этногенетических, этнокультурных и этноконфессиональных связей мордвы, типологии мордовского этноса, мордовской историографии, в расширении и обогащении источниковой базы историко-этнографических исследований, в сборе этнографических материалов и коллекций для организованного им и открытого 19 декабря 1979 года в стенах Мордовского государственного университета этнографического музея, который ныне носит имя своего создателя [Мокшин Николай Федорович… , 2021, с. 8–10].

Исследования Н.Ф. Мокшина не остались незамеченными. За книгу «Религиозные верования мордвы» он был удостоен диплома лауреата республиканского смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам (1969); за монографию «Этническая история мордвы» – лауреата Огарев-

ской премии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (1979); за работу «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников» – лауреата Государственной премии Республики Мордовия (1995). Книга Н.Ф. Мокшина «От Карелии до Урала», написанная им в соавторстве с известным этнографом, доктором исторических наук, профессором Н.Л. Жуковской (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), была занесена по итогам конкурса «Пушкинская библиотека. Лучшие книги для российских библиотек», посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (1999), в перечень лучших книг, рекомендованных для российских библиотек. За книгу «Мордва и вера» Н.Ф. Мокшину было присуждено звание «Лауреат премии Главы Республики Мордовия» (2006).

Научные труды Н.Ф. Мокшина получили признание не только в России, но и за рубежом, где они публикуются в ряде стран Европы и Америки. Он является автором оригинальных статей о мордве, других финно-угорских народах и не только их, в следующих энциклопедических изданиях: «Искусство стран и народов мира» (в 5 т. Т. 3. М., 1971), «Народы России» (М., 1994), «Народы и религии мира» (М., 1998), «Рязанская энциклопедия» (в 3 т. Т. 1, 2. Рязань, 1999; 2000), «Мордовия» (в 2 т. Саранск, 2003; 2004), «Все о Мордовии» (Саранск, 2005), «Marit, Mordvalaiset ja Udmurtit» (Helsinki, 2006), «Расы и народы» (М., 2007), «Ислам в центрально-европейской части России» (Вып. 4. М., Н. Новгород, 2009), «Православная энциклопедия» (Т. XLVII. М., 2017), «Мордовская мифология» (Саранск, 2020).

В 1995 году Н.Ф. Мокшин был избран ассоциированным членом Международного товарищества фольклористов при Академии наук и литературы Финляндии; в 2005 году XII съезд Русского географического общества избрал его почетным членом Русского географического общества; в 2008 году правление Союза писателей России приняло его в члены Союза писателей.

У Н.Ф. Мокшина имелось много правительственных наград. Он был удостоен почетных званий «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1990), «Заслуженный деятель науки Республики Мордовия» (2001), награжден нагрудным серебряным знаком «За отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего специального образования СССР (1981), знаком «Гордость нации» – высшей наградой Министерства по национальной политике Республики Мордовия (2011). Также в разные годы он был удостоен многих почетных грамот: ЦК КПСС, Русского географического общества (2011) и его Московского филиала (1972), Государственного Собрания Республики Мордовия (2006, 2011), Государственного комитета по национальной политике при Правительстве РМ (2006), Администрации г. Саранска (2006), Министерства культуры РМ (2011), Исполкома съезда мордовского народа (2011), Союза журналистов РМ (2011), ректората Мордовского государственного

университета (2001; 2023) и др. Являлся победителем конкурса «Профессор года (1998–1999)», проводимом в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарёва [Ученые Национального… , 2016, с. 246–247].

На протяжении многих десятилетий Н.Ф. Мокшин вел большую общественную работу, будучи председателем правления общественной организации «Краеведы Республики Мордовия», председателем Мордовского отдела Русского географического общества. На X съезде общества (1995, С.-Петербург) избирался членом ученого совета и президиума РГО, являлся Почетным членом (2005) и членом Совета старейшин РГО. Также он был заведующим этнографической редакцией, членом главной редакционной коллегии энциклопедии «Мордовия» и редколлегии многотомной энциклопедии «Мифология уральских народов», создаваемой учеными России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Швеции, Германии и других стран. В разные годы своей деятельности входил в редколлегии многих научных и научно-популярных журналов: «Этнографическое обозрение», «Социально-политические науки», «История и современное мировоззрение» (Москва), «Finno-Ugrica» (Казань), «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), «Вестник Мордовского университета», «Краеведческие записки», «Гуманитарий» (Саранск). Являлся членом комиссии по присуждению Государственных премий РМ по науке и технике и экспертной комиссии при Министерстве культуры РМ по особо ценным объектам культурного наследия народа, членом экспертного совета при исполкоме Ассоциации финно-угорских народов РФ и совета Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа.

Преподавая в Мордовском университете этнографию и историю первобытного общества, руководя кафедрами всеобщей истории, дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии, а затем истории России, ежегодной полевой этнографической практикой студентов-историков, ведя спецкурсы по этнографии финно-угорских (шире – уральских) народов, руководя курсовыми и дипломными работами, магистерскими диссертациями, аспирантами и докторантами, Н.Ф. Мокшин внес существенный вклад не только в науку, но и в подготовку научно-педагогических кадров, популяризацию историко-этнографических знаний, имеющих принципиально важное значение в деле воспитания высокой культуры межэтнического общения, что всегда актуально. Он заслуженно снискал высокий авторитет не только как ученый, но и как педагог, журналист и писатель, культуролог, общественный деятель [Ведущие научно-педагогические школы… , 2006, с. 156–165].

Николай Федорович Мокшин неоднократно выступал с интересными научными докладами на международных конгрессах финно-угроведов, других международных, всероссийских, региональных форумах и конференциях. Учёный был инициатором проведения совместной (Эстонского националь-

ного музея и Мордовского государственного университета) этнографической экспедиции, работавшей с 1984 по 1989 год включительно на территории Мордовии. Благодаря собранным материалам этнографический фонд по мордве, хранящийся в музее, был существенно пополнен.

Характеристика творчества Н.Ф. Мокшина была бы неполной без анализа еще одной самобытной грани его таланта, а именно художественной, поэтической, писательской, органически вытекающей из всего его этнологического образа мышления, мировидения и миропонимания. Стихи Николая Федоровича, написанные на мордовском (эрзя) и русском языках публиковались на страницах ряда печатных органов Мордовии, в том числе в поэтических сборниках «Валске» («Утро») и «Толбандят» («Костры»), выпущенных Мордовским книжным издательством, соответственно, в 1962 и 1996 годах. Стихам Н.Ф. Мокшина присущи яркая образность, глубокая лиричность, задушевность, национальный колорит, мелодичность. Не случайно они привлекли внимание известных композиторов Мордовии. В 2000 году в Саранске вышел в свет сборник песен «Моронь пусмо» («Песенный букет»), написанных ими на стихи поэта. В 2008 году Государственный комитет по национальной политике при Правительстве Республики Мордовия выпустил диск «Тиринь веле» («Родное село») Николая Мокшина с песнями на его стихи популярных композиторов республики Г.И. Сураева-Королева, Г.Г. Вдовина, Н.Н. Митина и др. (автор проекта Н.Н. Митин, музыкальный редактор А.Ф. Генералова). Эти песни любимы народом, они широко исполняются как профессиональными, так и самодеятельными коллективами, артистами не только Мордовии, но и других республик, краев и областей России, особенно тех, где проживает мордва [Мокшин Николай Федорович… , 2021, с. 11–13].

За заслуги перед государством, многолетнюю и плодотворную деятельность в области культуры и искусства Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 7 июня 1996 года Н.Ф. Мокшин был награжден орденом Дружбы. Для этнографа такая награда особенно ценна, поскольку она не только констатирует, но и символизирует суть его этнографического мировидения, его созидающее начало, направленное на гармонизацию межнациональных отношений, формирование этнической толерантности. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 14 октября 2002 года Николай Федорович был награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», Указами Главы РМ его наградили орденами Славы Республики Мордовия III (2011) и II степеней (2016); медалью «За заслуги. В ознаменование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» (2012). В 2022 году Н.Ф. Мокшин был награжден Золотой медалью РГО им. Н.Н. Муклухо-Маклая.

После ухода из жизни 17 марта 2023 года Н.Ф. Мокшина его творческое наследие все также востребовано. Оно продолжает оставаться актуальным для исследователей, студенческой молодежи, всех тех, кто интересуется историей и этнографией мордвы. Регулярно в стенах Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, где он проработал всю свою долгую, полную трудов, творчества, успехов и достижений, жизнь, его постоянно вспоминают. На стенах в историко-социологическом институте университета висят его портреты и фотографии, проводятся конференции и круглые столы в его честь, продолжают переиздаваться в различных издательствах его научные труды.

К 90-летию со дня рождения знаменитого учёного 22–23 июня 2026 года в стенах Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва запланировано проведение Всероссийской научно-практической конференции «Этнические процессы в Поволжье и Приуралье в условиях меняющегося мира» (I Мокшинские научные чтения), посвященные его памяти и осмыслению научного наследия, обсуждению актуальных проблем истории и этнографии, их изучения и преподавания. Она станет уникальной площадкой для обсуждения этнических процессов в Поволжье и Приуралье в условиях меняющегося мира, современных задач историко-этнологической науки, обмена мнениями и опытом, определения перспективных направлений научных исследований, что особенно важно для молодых ученых. В данной конференции примут участие многие исследователи из Саранска, других регионов России. Также планируется в рамках конференции возложение цветов на могилу Н.Ф. Мокшина, открытие его юбилейной выставки в стенах Мордовского объединенного краеведческого музея и Музея истории МГУ им. Н.П. Огарёва, презентация книги Н.Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» (2-е изд., доп. и расшир., Нижний Новгород, 2026), концерт – исполнение песен на стихи Н.Ф. Мокшина, открытие Научно-образовательного центра этнологии им. Н.Ф. Мокшина (ИСИ МГУ им. Н.П. Огарёва в стенах организованного им этнографического музея). В формате самой конференции намечено на 22 июня проведение ее пленарного заседания, а 23 июня будут проводиться секционные заседания по трем сессиям: «Н.Ф. Мокшин – историк, этнограф, педагог, писатель, общественный деятель»; «Этническая история и культура народов Поволжья и Приуралья»; «Этнические и этноконфессиональные процессы в Поволжье и Приуралье в условиях меняющегося мира». По итогам работы конференции планируется издание сборника ее материалов. Надеемся, что изучение трудов Н.Ф. Мокшина будет продолжено новыми поколениями исследователей и читателей, переосмысливаться, а то дело, которому ученый посвятил свою жизнь, продолжаться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ведущие научно-педагогические школы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 240 с.

Мокшин Николай Федорович – историк, этнограф, педагог, писатель, общественный деятель: учеб.-метод. пособие / сост. Е.Н. Мокшина, Ю.Н. Сушкова. Саранск: ЮрЭксПрактик, 2021. 112 с.

Мордовия. XX век: культурная элита: энциклопедический справочник: в 2 ч. Ч. 1: А–М. Саранск, 2010. 416 с.

Ученые Национального исследовательского Мордовского государственного университета: биогр. справ.: 2016. Изд. 4-е, испр. и доп. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 796 с.

Мокшина Елена Николаевна
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России
МГУ им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск
e-mail: enm2112@mail.ru

Elena Mokshina
doctor of historical sciences, professor,
professor of the Department
of Russian history Mordovian State University,
Saransk
e-mail: enm2112@mail.ru

Сушкова Юлия Николаевна
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права и международного
права МГУ им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск
e-mail: yulenkam@mail.ru

Yulia Sushkova
doctor of historical sciences, professor,
professor of the Department of theory and
history of state and law
and international law,
Saransk
e-mail: yulenkam@mail.ru

УДК 398 (=511.132)

КОМИ ФОЛЬКЛОРИСТУ В.М. КУДРЯШОВОЙ – 80 ЛЕТ

© 2026 г. А.Н. Рассыхаев

В 2026 году отмечает свой славный 80-летний юбилей Вера Михайловна Кудряшова – фольклорист, прошедшая творческий путь вместе с плеядой ученых, оставивших самый заметный след в истории коми фольклористики и внесших в него значительный вклад. Во второй половине XX века В.М. Кудряшова успела поработать под руководством фольклориста, литературоведа и литературного критика А.К. Микушева (1926–1993) вместе со сказковедом Ф.В. Плесовским (1920–1988), этномузыкологом П.И. Чисталевым (1921–1988) и исследователем детского фольклора Ю.Г. Рочевым (1936–1995).

Кудряшова Вера Михайловна родилась 17 августа 1946 года в селе Тентюково (в настоящее время это часть города Сыктывкара). В 1973 году заочно окончила филологический факультет Коми государственного педагогического института. В 1966 году она пришла в Коми филиал АН СССР на должность лаборанта отдела языка и литературы, где в то время плотно работали над созданием свода коми народных песен. Для третьего тома «Коми народных песен» (1971), посвященного вымской и удорской песенным традициям, вместе с коллегами ею были подготовлены несколько указателей.

С конца 1960-х годов В.М. Кудряшовой доверяют самостоятельный сбор фольклорного материала. Сначала были экспедиции по поиску ижмо-колвинского эпоса в Интинском районе Республики Коми, потом – в Ненецком автономном округе, Приуральском и Шурышкарском районах Тюмен-

ской области, а затем и другие поездки – на территории Республики Коми. Наиболее плодотворной была экспедиционная работа в поселке Усть-Кара Ненецкого национального (ныне – автономного) округа в 1970 году, куда Вера Михайловна не могла попасть годом ранее из-за неблагоприятных погодных условий. В этом новом поселке молодой фольклорист встретила уникального исполнителя – Ивана Степановича Хатанзейского – оленевода, бывшего председателя колхоза, одного из строителей первых домов в Каре. От сказителя было записано 4 эпических песни: «Носи озыр морт да Дзоля Тысъя пи» («Носи – богатый человек и Младший Тысъя сын»), «Куим Еджыд син» («Три Белоглазых хозяина»), «Куим Тынгос» («Три Тынгоса»), «Сядэй старик пи» («Сын Сядэя старика»). И, что удивительно, все четыре песни ижмо-колвинского эпоса вошли в фундаментальную коллективную работу «Коми народный эпос», изданную в 1987 году в Москве в серии «Эпос народов СССР».

Под научным руководством выдающегося финно-угроведа, доктора филологических наук А.К. Микушева Вера Михайловна начинает исследование русско-коми фольклорных связей в устной прозе и подготовку диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, которую защитила в 1985 году в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН. На основе публикаций и собственных полевых экспедиционных материалов были исследованы национальные и инонациональные истоки коми эпической традиции, исторические взаимосвязи коми и русских в области эпоса. Особое внимание уделено изучению мифологических персонажей, образу лешего в удорской и ижемской традициях, сказкам о былинном Илье среди коми.

Получив профессиональное образование, В.М. Кудряшова занимала в Институте языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР (позже – ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) должности младшего научного сотрудника (с 1977 года), научного сотрудника (с 1989 года), старшего научного сотрудника (с 1993 года). В 2023 году ученый вышла на заслуженный отдых.

На рубеже 1980–1990-х годов в сферу своих научных изысканий В.М. Кудряшова включила и малые фольклорные жанры – приметы, пословицы, поговорки, заговоры и загадки. Исследователем рассмотрены жанровые особенности, поэтика и тематика указанных жанров (в частности, структурная общность пословиц и загадок), образы, символы и мифологические представления.

Особое внимание было уделено исследованию коми народных примет. В 1993 году издан обобщающий данную тему сборник «Коми народные приметы», ставший одним из самых цитируемых работ В.М. Кудряшовой. Работа была так востребована, что вскоре выдержала переиздание и была опубликована в 2007 году. Изучение коми загадок, одного из древнейших фольклорных жанров, завершилось изданием сборника «Коми народные загадки» (2008), в котором охарактеризованы композиционно-поэтические особенно-

сти текстов (тематика, терминология и т.д.). С некоторыми изменениями книга был переиздана в 2024 году.

Кудряшова Вера Михайловна вместе с коллегами работает также над изучением национальной специфики коми народных сказок. Ее интересуют сказочные герои, особенности сюжетного состава сатирических сказок, локальность ижемских сказок, собиратели и публикаторы сказочного фольклора. На основе фольклорного материала Научного архива Коми филиала АН СССР В.М. Кудряшовой был составлен «Указатель сказочных сюжетов» (1986). Совместно с другими сотрудниками сектора ею подготовлены материалы к своду «Коми народная сказка», ныне хранящиеся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН (всего 16 томов).

Собранные в экспедициях в Ненецком автономном округе коми-ижемские сказки вошли в двуязычный сборник фольклорных текстов «Фольклор ижемских коми в Ненецком автономном округе» (составители – А.Н. Рассыхаев, В.М. Кудряшова) (2014). В кооперации с О.И. Уляшевым и И.А. Плосковым ею подготовлена и издана книга «П.Г. Доронин. Мойд небöг. Книга сказок» (Сыктывкар, 2004).

При подготовке научным коллективом Коми научного центра трехтомной энциклопедии «Республика Коми», изданной на рубеже тысячелетий (1997, 1999, 2000), В.М. Кудряшова стала автором ряда словарных статей по малым жанрам коми фольклора.

Кудряшовой Верой Михайловной сделано многое для популяризации научных знаний, сохранения памяти о собирателях и исследователях коми фольклора, в их числе как зарубежные лингвисты, зафиксировавшие и опубликовавшие тексты коми фольклора, так и российские и коми ученые – П.И. Савваитов (1815–1895), А.С. Сидоров (1892–1953), В.И. Лыткин (1895–1981), П.Г. Доронин (1904–1967), Г.А. Федоров (1909–1991), Т.И. Жилина (1923–2019).

Цикл работ мемориального характера посвящен коллегам-фольклористам А.К. Микушеву, Ф.В. Плесовскому, Ю.Г. Рочеву, П.И. Чисталеву. В статьях определен их вклад в собирание и изучение фольклора народа коми. В.М. Кудряшова является составителем сборника воспоминаний о коллеге-литературоведе, докторе филологических наук В.Н. Демине – «Демин В.Н.: страницы воспоминаний» (2001).

Как истинный патриот своей малой родины В.М. Кудряшова несколько работ адресовала родному селу Тентюково – его жителям, историко-культурным сведениям и фольклорной традиции. В конце XX века она активно работает в историко-мемориальной и культурно-просветительской общественной организации «Сыктывкар».

Кудряшова Вера Михайловна является автором более 100 публикаций, десятка архивных работ с бесценными полевыми записями коми фольклора. За

значительный вклад в изучение коми фольклора, развитие гуманитарной академической науки В.М. Кудряшова награждена Почетной грамотой УрО РАН, Почетной грамотой Российской академии наук, медалью «Ветеран труда».

Коллектив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН сердечно поздравляет Веру Михайловну Кудряшову со славным юбилеем! От души желаем Вам душевной гармонии и оптимизма, неиссякаемой энергии и жизненной удачи, бесконечного интереса ко всему новому в жизни. Крепкого здоровья, счастья, благополучия Вам и Вашим близким! Кузь нэм да бур шуд!

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В.М. КУДРЯШОВОЙ

Песни Сысольского района // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976. Вып. 17. С. 107–111 (Труды ИЯЛИ КФ АН СССР).

Образ лешего в коми устной несказочной прозе // Межнациональные связи коми фольклора и литературы. Сыктывкар, 1979. Вып. 21. С. 31–42 (Труды ИЯЛИ КФ АН СССР).

Русский богатырь Илья Муромец в коми былинах // Историко-культурные связи пермских народов по данным фольклора и языка. Ижевск, 1981. С. 134–141.

Исторические взаимосвязи коми и русских в области эпоса // Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре. Сыктывкар, 1982. Вып. 26. С. 78–86 (Труды ИЯЛИ КФ АН СССР).

Сказки о былинном Илье среди коми (зырян) // Русский фольклор. Полевые исследования. Л.: Наука, 1984. Т. XXII. С. 92–96.

О совершенствовании использования фольклорного материала в изучении проблем взаимодействия культур разных народов // Идейно-эстетическое взаимодействие коми фольклора и литературы СССР. Сыктывкар, 1985. Вып. 35. С. 112–120 (Труды ИЯЛИ КФ АН СССР).

Коми народные приметы // Жанровое развитие фольклора и литературы на современном этапе. Сыктывкар, 1988. Вып. 45. С. 37–50 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР).

Отражение древнего мировоззрения в коми паремиях. Сыктывкар, 1988. Вып. 198. 20 с. (Серия «Научные доклады» Коми НЦ УрО АН СССР).

Национальные и инонациональные истоки коми эпической традиции // Материалы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 352–353.

Заговоры народа коми // Общее и особенное в жанрах коми фольклора и литературы. Сыктывкар, 1991. Вып. 48. С. 34–45 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).

Типология образов богатырей в коми преданиях и сказках // Жанр сказки в фольклоре народа коми. Сыктывкар, 1992. Вып. 53. С. 45–60 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).

Коми сказки на сюжеты русских былин // Жанр сказки в фольклоре народа коми. Сыктывкар, 1992. Вып. 53. С. 108–113 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).

Коми народные приметы / сост. Кудряшова В.М. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 192 с.

Прометей Ионович Чисталёв. Сыктывкар, 1997. 40 с. (Серия «Люди науки», Коми НЦ УрО РАН) (соавторы – А.Г. Горчаков, И.Л. Жеребцов).

Республика Коми. Энциклопедия: в 3-х тт. / гл. ред. М.П. Рощевский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997–2000. Т. I–III (коллективное изд.).

Фольклорные мотивы и образы в творчестве В.И. Лыткина // В.И. Лыткин и финно-угорский мир: Материалы Международ. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося коми поэта, философа и ученого В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1999. С. 182–188.

Павел Григорьевич Доронин – очерк биографии и творчества // Фольклористика Коми. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. Вып. 63. С. 146–153 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).

П.Г. Доронин – исследователь И.А. Куратова // И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения: Сб. ст. Сыктывкар, 2003. С. 61–65 (соавт. – А.Н. Рассыхаев).

Мойд небӧг. Книга сказок: Сказки, собранные Павлом Дорониным (К 100-летию со дня рождения П.Г. Доронина, ученого-историка, писателя, литературного критика, фольклориста) / сост. О.И. Уляшев, В.М. Кудряшова, И.А. Плосков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 464 с.

К проблеме изучения коми волшебной сказки // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов (г. Сыктывкар, 1–4 июля 2004 г.). Сыктывкар, 2005. С. 263–265.

Коми народные приметы / сост., вступ. ст., переводы В.М. Кудряшовой. Изд. второе, испр. и доп. Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2007. 192 с.

Коми народные загадки / сост., вступ. ст. В.М. Кудряшовой. Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2008. 192 с.

А.К. Микушев – коми ученый-фольклорист // Вопросы истории и культуры стран и территорий. Сыктывкар, 2009. № 1 (5). С. 82–110.

Коми фольклор в тылу в годы войны // Европейский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): к 65-летию Победы. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2010. С. 137–141.

Коми фольклор в «Грамматике зырянского языка» П.И. Савваитова // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар, 2012. Вып. 69. С. 95–101 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).

Бытовые сатирические сказки // Фольклористика Коми: Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. Вып. 70. С. 84–101 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).

Отражение подвигов героев-богатырей в защите народа и отечества от иноземных захватчиков в произведениях коми фольклора в исторической конкретности // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Сыктывкар, 2012. № 4 (20). С. 6–14.

Полевые исследования лингвиста Т.И. Жилиной // Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы: Сб. науч. ст. Сыктывкар, 2013. С. 14–20.

Локальные особенности коми-ижемских сказок // Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сб. ст. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 26–28.

Фольклор ижемских коми в Ненецком автономном округе: сборник фольклорных текстов // сост. А.Н. Рассыхаев, В.М. Кудряшова. Сыктывкар – Нарьян-Мар, 2014. 504 с.

Роль и значение христианских атрибутов в повествовательных жанрах коми фольклора // Вопросы истории и культуры стран и территорий. Сыктывкар, 2015. № 1 (29). С. 73–82.

Рочев Юрий Герасимович (1936–1995) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. Вып. 1 (25). С. 123–124 (соавт. – А.Н. Рассыхаев).

Рочев Юрий Герасимович. Сыктывкар, 2017. 68 с. (соавт. – А.Н. Рассыхаев).

Юрий Герасимович Рочев из Зауралья и коми фольклор // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 638–649.

Коми народные загадки / сост., вступ. ст., перевод В.М. Кудряшовой; изд. 2-ое, испр. и доп. Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2024. 192 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Библиографический указатель работ Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (1970–2005). Выпуск 3: Труды учёных отдела фольклора / сост. Л.С. Лобанова, А.Н. Рассыхаев. Сыктывкар, 2006. 96 с.

Коми народный эпос // Вступит. статья, перевод текстов песен, комментарии А.К. Микушева. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. 686 с.

Кудряшова В.М. Каким он остался в памяти // Анатолий Константинович Микушев. Статьи. Воспоминания. Письма. Сыктывкар, 2012. С. 115–118.

Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Биографический справ. / сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2000. 212 с.

Рассыхаев Алексей Николаевич
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: rassyhaev@mail.ru

Alexey Rassykhaev
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of the Institute
of Language, Literature and History
of the Komi Research Centre the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: rassyhaev@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.2:929.55

Рец.: Акшиков А.Г. Каменные надгробные памятники марийцев: научное издание / А.Г. Акшиков. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2026. 127 с.: ил.

© 2026 г. В.Г. Кудрявцев

Научное издание «Каменные надгробные памятники марийцев», подготовленное кандидатом исторических наук А.Г. Акшиковым, опубликовано по решению Учёного совета Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева «Издательским домом «Марийское книжное издательство».

Книга посвящена уникальному объекту исследования – марийским каменным надмогильным памятникам, изготовленным из местного сырья (песчаника и известняка). В ходе полевых экспедиций, осуществлённых на территории населённых пунктов Сернурского и Куженерского районов Республики Марий Эл, автору удалось собрать материал и впервые обследовать памятники четырёх кладбищ. Они послужили основой проведения их типологии как по конфессиональной принадлежности, так и эволюции объёмной формы, технологии изготовления, изучения эпиграфики и социокультурного контекста. В исследовании рассмотрены 123 каменных надгробия. Они служат источником ценных сведений о мастерах-камнерезах, проливают свет в изучение культуры, этнографии и эпиграфики марийского народа.

В Предисловии к книге А.Г. Акшиков совершенно справедливо отмечает, что «каменные надгробия являются сложным объектом для изучения, к которому применимы исследовательские методики различных научных дисциплин (истории, этнологии, культурологии, лингвистики и др.), т.е. при их изучении неизбежно обращение к междисциплинарным подходам» [с. 4]. Заданный автором ориентир в целом определил комплексный подход при изучении этого малоизвестного феномена.

Актуальность работы обусловлена тем, что марийская монументальная эпиграфика долгое время оставалась вне фокуса внимания учёных. Новизна исследования заключается в предложенной автором детальной типологии па-

мятников, основанной на морфологических признаках (необработанные или слабо обработанные камни, тумбы, антропоморфные стелы, надгробные плиты, обелиски, распятия, престолы и др.), а также в системном анализе двуязычной эпиграфики и феномена этнолингвистической антиномии.

Исследование убедительно доказывает, что развитие камнерезного промысла у марийцев было обусловлено географическим фактором – наличием месторождений песчаника и известняка в урочище «Нолькинский камень». Автор реконструирует процесс добычи: от архаического огневого способа XVIII века до более организованных работ во второй половине XIX века. Особое внимание уделено деятельности горного штейгера К.М. Скородумова, также процессу создания и учебной программе Сернурской каменотёсной мастерской, с 1907 по 1916 год готовившей специалистов по машинной и ручной обработке местного сырья. Внедрение новых инструментов и образовательных программ (трёхлетний курс обучения) привело к качественному скачку от грубых памятников к сложным формам (колончатые обелиски, тумбы с навершиями). Это позволило марийскому народу не только обеспечивать собственные нужды, но и массово производить «татарские памятники» для продажи, что свидетельствует о высокой степени интеграции в региональный рынок ритуальных услуг.

В то же время автор выявляет факты, свидетельствующие об активном межэтническом взаимовлиянии с соседними тюркоязычными народами и русским населением края. Он отмечает, например, что ту или иную форму стел, как и любой из перечисленных памятников, встречающихся на могилах мари, можно обнаружить и у русских, татар и чувашей, но лишь только форма стелы в виде «домика» не встречается из соседствующих с мари народов. А.Г. Акшиков справедливо выделяет этот уникальный тип как исключительно марийский маркер. Изображение избы с двускатной крышей имеет глубокий сакральный смысл, символизируя загробный дом или мир. Это яркий пример сохранения языческих представлений в христианской среде.

Анализ эпиграфики убедительно доказывает, что надписи на надгробиях являются бесценным источником для изучения «этнолингвистической антиномии» (использование русского языка на марийских памятниках) и наблюдений о фонетическом способе записи русских слов. Исследование двуязычия, переходных форм надписей и использование кириллицы (а также упоминание арабской графики) создаёт определённое направление изучения для лингвистов. Введение в научный оборот уникального понятия знака-тисте и выделение двух его функций – удостоверяющей (заменяющей имя) и геральдической – позволяет по-новому взглянуть на социальную структуру марийского общества. Идея о возможности возрождения своеобразной марийской геральдики на основе этих знаков является перспективным направлением для дальнейших исследований.

Иллюстративный материал выявленных памятников распределён по четырём разделам. Каждый из них включает цветные авторские фотографии. Издание снабжено таблицами, раскрывающими встречающиеся на марийских каменных памятниках знаков-тисте и запечатлённые имена усопших.

В целом изданный труд А.Г. Акшикова вносит существенный вклад в марийскую гуманитарную науку. Работа отличается строгой логикой изложения и успешно решает поставленные задачи по систематизации и анализу уникального историко-культурного наследия. Исследование не только реконструирует историю ремесла, но и демонстрирует, как материальная культура (в виде каменных надгробий) становится ключом к пониманию сложных процессов этнокультурного взаимодействия, языковой динамики, социальной самоидентификации народа и образной структуры в формообразовании как качества эстетического достоинства мемориальных памятников в культовом ландшафте.

Кудрявцев Владимир Геннадьевич
доктор искусствоведения,
независимый исследователь,
г. Йошкар-Ола
e-mail: vladku2004@mail.ru

Vladimir Kudryavtsev
Doctor of Art Criticism,
independent researcher,
Yoshkar-Ola
e-mail: vladku2004@mail.ru

ХРОНИКА

УДК 005.745:811:004

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ: МАСШТАБИРОВАНИЕ ОПЫТА И ПЕРСПЕКТИВЫ»

© 2026 г. Л.А. Абукаева

16–17 апреля 2026 года в рамках Года единства народов России в Марийском государственном университете состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы»[1]. Целью конференции стало обсуждение актуальных вопросов цифровизации языков народов Российской Федерации как средства сохранения, трансляции и актуализации их культурного наследия.

Мероприятие проводилось при поддержке Федерального агентства по делам национальностей России, Правительства Республики Марий Эл, Ассоциации финно-угорских университетов, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Генеральным партнёром конференции выступил ООО «Яндекс».

В работе конференции приняли участие лингвисты, программисты, преподаватели, аспиранты и студенты, специалисты в сфере языковой политики, учителя из городов Бирск, Владивосток, Ижевск, Йошкар-Ола, Казань, Киров, Москва, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Саранск, Сыктывкар, Уфа, Чебоксары, Улан-Удэ, Ханты-Мансийск, Якутск; Алматы (Казахстан), Андижан (Узбекистан), Астана (Казахстан), Белград (Сербия), Бишкек (Кыргызстан), Тараз (Казахстан).

На пленарном заседании с приветственным словом к организаторам, участникам и гостям конференции обратились руководитель Федерального агентства по делам национальностей И.В. Баринов; сенатор Российской Федерации от Республики Мордовия, Председатель совета Общероссийского

[1] Программа конференции размещена на сайте Марийского государственного университета: https://maridigital.marsu.ru/

общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» П.Н. Тултаев; первый заместитель Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл, председатель Совета Общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия марийцев России», член Президиума Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации, член Совета при Президенте России по межнациональным отношениям Л.Н. Яковлева; ректор ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» М.Н. Швецов, заместитель министра образования и науки Республики Марий Эл В.Г. Гаврилова, заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Н.И. Любимов.

С итогами мониторинга состояния и развития языков народов Российской Федерации в сфере информационных технологий ознакомил А.А. Рашковский, советник отдела планирования и реализации государственной национальной политики Управления государственной политики в сфере межнациональных отношений Федерального агентства по делам национальностей России.

Содержательную часть пленарного заседания продолжили доктор педагогических наук, проректор по стратегическому развитию МарГУ В.И. Токтарова и заведующий лабораторией национальной цифровой лингвистики научно-исследовательского центра изучения уральских языков МарГУ А.В. Чемышев, выступив с докладом «Цифровизация языков народов России: опыт Марийского государственного университета».

Доклад «Новые инструменты и разделы корпуса ВепКар: к юбилею лингвистической платформы» представил коллектив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в составе кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника А.П. Родионовой, доктора филологических наук, директора И.П. Новак, кандидата филологических наук, научного сотрудника Н.А. Пеллинен, ведущего инженера, исследователя Н.Б. Крижановской. А.П. Родионова ознакомила присутствующих со структурой и содержанием языкового корпуса, выделив ключевые юбилейные даты проекта: 2009 год – запуск Корпуса вепсского языка; 24 июля 2016 года – официальное открытие объединенной платформы «ВепКар». В этот день к вепскому корпусу присоединились три карельских подкорпуса (собственно карельский, ливвиковский и людиковский). Особо ценным в докладе было то, что слушатели узнали об архитектуре и новых инструментах корпуса.

Доклад «Языки народов России в цифровом пространстве: некоторые наблюдения от команды Яндекса» представил кандидат политических наук, заместитель руководителя проекта «Языки народов России» Международной компании публичное акционерное общество «Яндекс» А.Н. Михеев. Эксперт отметил, что для обучения нейросетей необходимы большие массивы «чистых» текстов. Однако на практике существует проблема «грязных» данных –

материалов, обработанных устаревшими системами перевода с низкой точностью. Помимо этого, доступные корпуса часто ограничены по тематике, что снижает качество перевода. Значительная часть текстов на языках народов России находится в закрытых источниках или под защитой авторского права. Легальный сбор и использование таких материалов для обучения языковых моделей требуют дополнительных юридических соглашений и механизмов, что замедляет работу. Использование компьютерного зрения для распознавания текстов из архивов, автоматическая обработка устной речи, а также активное привлечение носителей языков и исследователей к сотрудничеству позволяют решать эти проблемы.

По данным экспедиций 2024–2025 годов, проведённых в рамках реализации гранта РНФ, доклад «Функционирование марийского языка за пределами Марий Эл» прочитала кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН М.В. Куцаева.

На заседаниях секций обсуждались вопросы функционирования и развития языков в условиях цифровых инноваций; проблемы цифровизации языка и культуры в аспекте новых форматов и смыслов в мире искусственного интеллекта. Среди наиболее актуальных и востребованных направлений работы конференции были отмечены вопросы формирования цифровых компетенций и подготовка специалистов в новой цифровой реальности.

Круглый стол «Цифровой фольклор и искусственный интеллект: от архива к среде интерпретации» под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, литературы и журналистики историко-филологического факультета МарГУ Т.А. Золотовой и доктора филологических наук, заведующей отделом устного народного творчества ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан Л.Х. Давлетшиной охватил широчайший круг вопросов. Наиболее актуальными, как отмечают специалисты, являются вопросы о моделях классификации фольклорных материалов в цифровой среде, о разметке и анализе, роли искусственного интеллекта при работе с фольклорными данными.

На одной из площадок конференции прошла встреча студентов и преподавателей университета с секретарём Союза журналистов России, директором Центрального дома журналиста, профессором Академии медиаиндустрии В.В. Умановским. Для участников встречи ценным было знакомство с личным опытом работы В.В. Умановского в федеральных и региональных СМИ.

В рамках конференции состоялось заседание Совета Ассоциации финно-угорских университетов. Марийский государственный университет и Удмуртский государственный университет заключили соглашение о разработке и реализации сетевой образовательной программы. Такое взаимодействие вузов

позволит студентам двух университетов осваивать уникальные методики преподавания родных языков с использованием цифровых технологий.

На второй день работы конференции был проведён научно-методический семинар «Цифровизация языков народов России: инновации в образовании и исследованиях» с участием руководителей образовательных учреждений, учителей родных языков.

В резолюции конференции отмечается, что решение задач цифровизации языков и культур народов Российской Федерации является залогом сохранения, трансляции и актуализации их культурного наследия, сохранения суверенитета страны.

С учетом высокой потребности и значимости было предложено: поддержать проведение фундаментальных и прикладных исследований, на основании которых могут быть разработаны рекомендации по масштабированию опыта цифровизации языков и культур народов Российской Федерации; продолжить практику проведения научно-практических конференций, посвященных вопросам цифровизации языков и культур народов Российской Федерации.

Участники конференции рекомендовали к использованию российскую интернет-энциклопедию «РУВИКИ» как ресурс, содержащий достоверные и выверенные энциклопедические статьи на языках народов Российской Федерации.

В резолюции конференции отмечается также, что необходимо консолидировать усилия ученых, программистов, языковых активистов, государственных, общественных и коммерческих организаций по разработке и продвижению цифровых технологий в сфере сохранения и развития культур и языков народов России.

Абукаева Любовь Алексеевна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
начальник научно-исследовательского
центра изучения уральских языков МарГУ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sylne@mail.ru

Lyubov Abukaeva
Chief Researcher of Vasilyev Mari Research
Institute of Language, Literature and History,
Head of the Center of Uralic Languages
Studies, Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: sylne@mail.ru

УДК 005.745:009

НАУЧНАЯ СЕССИЯ «СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК», ПОСВЯЩЕННАЯ ДНЮ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

© 2026 г. А.Г. Акшиков

В продолжение традиции проведения в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева ежегодных научных сессий 10 февраля 2026 года состоялась очередная сессия «Современное состояние и перспективы развития гуманитарных наук», посвященная Дню российской науки и Году единства народов России.

Организация данного научного мероприятия в каждом году направлена на комплексное развитие гуманитарных наук в Республике Марий Эл и определение стратегии развития института, сессия призвана повышать качество исследований, внедрять современные форматы работы, а также помогать молодым ученым в апробации и продвижении их научных результатов. Сессия нацелена на ознакомление с результатами научных достижений МарНИИЯЛИ, обмен знаниями и опытом в продвижении научных разработок, развитие сотрудничества специалистов по междисциплинарным исследованиям и т.д.

Открыла сессию директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева, заострив внимание на важности ознакомления аудитории с достижениями института, необходимости обмена опытом и вовлечения молодежи в науку, а также укрепления междисциплинарных связей и повышения уровня гуманитарных исследований. С приветственными словами выступили: от имени Главы Республики Марий Эл Ю.В. Зайцева Заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл – министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл К.А. Иванов, Председатель Государственного Собрания Республики Марий Эл М.З. Васютин, министр образования и науки Республики Марий Эл Л.А. Ревуцкая, ректор Марийского государственного университета, депутат Государственного Собрания Республики Марий Эл М.Н. Швецов. Приветствующие единодушно сошлись во мнении, что мероприятие стимулирует развитие исследовательской мысли и его проведение с каждым годом становится все более востребованным.

Пленарное заседание начала директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева докладом на тему «Роль гуманитарных наук в формировании единства народов: из опыта Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева». Людмила Яковлевна обратила особое внимание на значение деятельности института в сфере межнационального согласия, подчеркнув важность его вклада в реализацию государственной национальной политики в Республике Марий Эл и Российской Федерации.

Главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ Л.А. Абукаева озвучила доклад «Марийские традиционные культурные коды: к проблеме расшифровки», в котором на ряде примеров из марийского фольклора продемонстрировала возможности выявления характерных для марийцев культурных кодов.

Ведущий научный сотрудник института М.Т. Ипакова рассказала о задачах и перспективах развития журнала «Финно-угроведение». Марина Тимерьяновна подчеркнула, что в сегодняшних реалиях развитие современного журнала требует комплексной стратегии: повышения статуса издания, расширения целевой аудитории, цифровизации контента, привлечения авторитетных авторов и т.д.

Ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ А.В. Акилбаев презентовал свою монографию «Этнокультурные торговые контакты марийцев в IX–XI вв. (по материалам украшений)». Монография посвящена этнокультурным и торговым связям населения Волжско-Вятского междуречья и сопредельных территорий в IX–XI веках. Впервые проведено комплексное исследование контактов средневекового марийского населения с Волжской Булгарией, Русью, другими финно-угорскими народами и иными территориями.

На секционном заседании ученые института поделились с коллегами и гостями сессии результатами своих научных исследований. Ведущий научный сотрудник А.В. Акилбаев и младший научный сотрудник Д.О. Кутузова выступили в соавторстве, представив итоги работы Марийской археологической экспедиции в 2025 году. Работа была связана с археологическими раскопками Амоксарского могильника (Моргаушский район Чувашской Республики) и могильника Боровской Кордон (Краснобаковский район Нижегородской области), разведками, мониторингом, исследованиями по определению, уточнению границ территорий памятников археологии.

Об истории изучения археологических памятников IV–VIII веков на территории Республики Марий Эл рассказал младший научный сотрудник И.С. Суманеев. Выступления археологов доказывают значимость археологических исследований, заключающихся в непростом труде, извлекающем из прошлого вещественные доказательства, которые расширяют временные горизонты, связывают прошлое с настоящим и формируют фундамент для будущих поколений.

Представлениям об общественном строе марийцев XV–XVI веков известного российского историка и этнографа, ординарного профессора Императорского Казанского университета по кафедре всеобщей истории И.Н. Смирнова посвятил свой доклад ведущий научный сотрудник С.К. Свечников.

С докладом «Марийские имена прилагательные, выражающие размер и форму предмета» выступила старший научный сотрудник С.С. Сибатрова.

В докладе «К реконструкции прауральской игры *ńeļe / ńōle (стрела)» старший научный сотрудник М.А. Ключева отметила распространенность и вариативность рассматриваемой в выступлении игры среди ряда народов Евразии.

В рамках сессии учеными-социологами О.В. Орловой, Г.С. Зеленеевой и Н.А. Орловой при поддержке Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл было подготовлено и проведено заседание экспертной площадки по вопросам миграции, в работе которой приняли участие представители власти, средств массовой информации и высших образовательных учреждений региона и города Тула (в режиме онлайн).

Научная сессия была проведена в рамках Фестиваля науки в Республике Марий Эл в 2026 году и Десятилетия науки и технологий в России. Ежегодное проведение этого научного мероприятия доказывает свою эффективность, направленную на комплексное развитие гуманитарной науки в Марий Эл и совершенствование работы МарНИИЯЛИ. Сессия помогает определить стратегические векторы исследований, повысить качество и актуальность научных трудов, внедрить новые форматы научной работы, а также помочь ученым и молодым специалистам успешно представлять результаты своей деятельности.

Акшиков Александр Геннадьевич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

Alekcandr Akshikov
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

«Финно-угроведение», № 2 (74) 2026

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 15.06.2026. Вышел в свет 22.06.2026. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 11,86. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 1002.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Малое Чигашево, д. 4

